

Цена 5 руб. 90 коп.
с плакатом

1990

ВЫПУСК
1

РОКАДА

Сборник
статей
о роке

А. БАШЛАЧЕВ

«МАШИНА ВРЕМЕНИ»

ОБЕРМАНЕКЕН.
НОВАЯ ЭРОТИКА

«АССА»

PINK FLOYD
IN MOSCOW

TELEPHONE

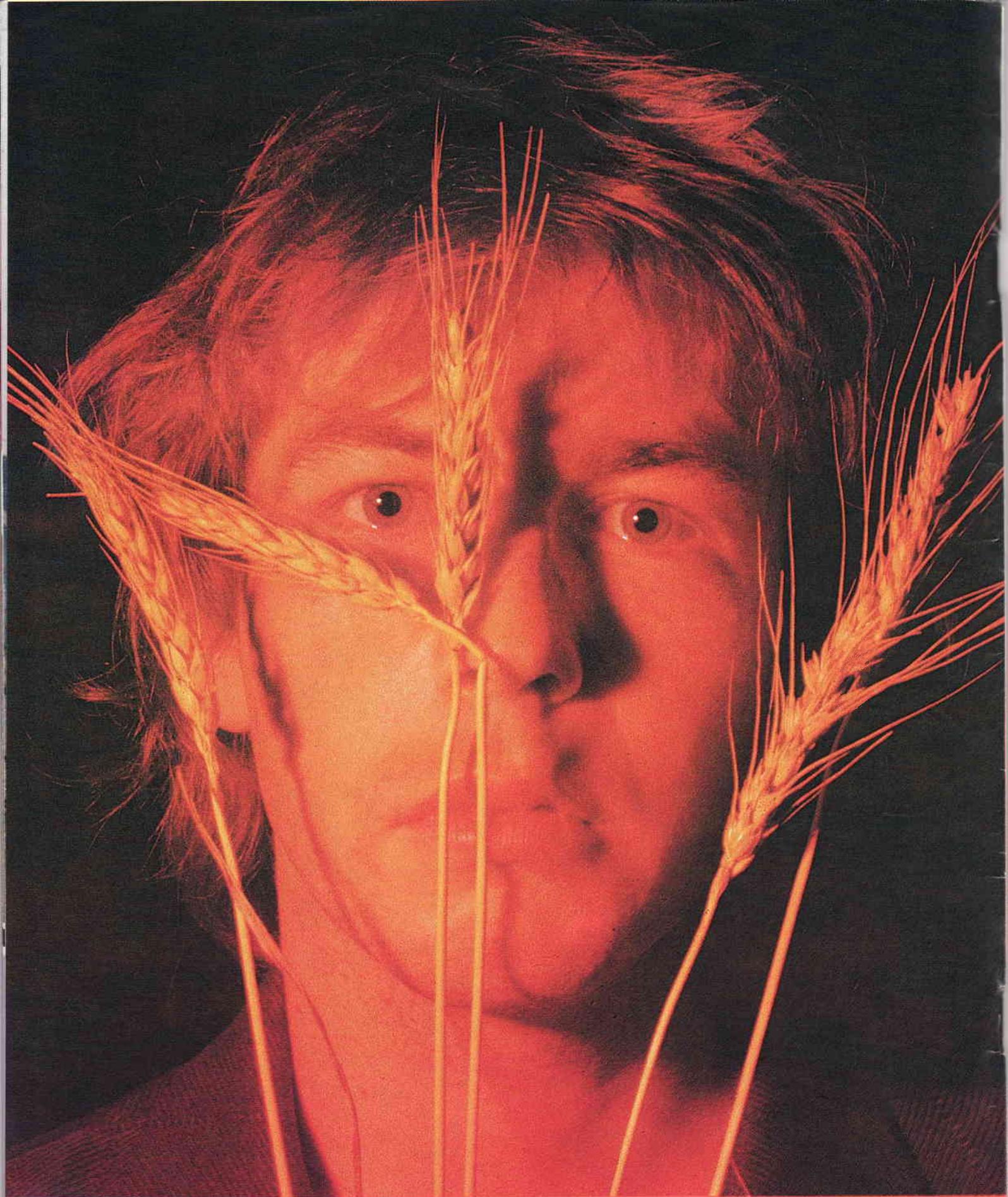
Чай Ф
Наutilus
Помиллус
Аукцион

РОКАДА
ПОСТЕР

Ворис Гребеншиков

ВНЕШТОРГИЗДАТ
МОСКВА
СССР

Александр Башлачев

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ **2**

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ
«МАШИНЫ ВРЕМЕНИ» **8**

РОК-ЗВЕЗДЫ СВЕРДЛОВСКА **10**

УБИЙСТВО ГРАЖДАНИНА
ПО ИМЕНИ РОК **16**

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД? **21**

ББК 85.318
Р66

Авторы: ЛАВРОВ А., МАРКЕВИЧ А.,
ПУШКИНА М., кандидат технических
наук САУТКИН В., СЕМЕНОВ А.,
кандидаты искусствоведения
ТИХОНОВА Н., ТИМАШОВА М.

Рецензенты: кандидат искусствоведения МИНАЕВ Е., ПОТЕЕНКО Ю.

Р66 Рокада: Сб ст/Сост. Сауткин В. —
— М.: Внешторгиздат, 1989. —
— 48 с.: 70 ил. Цена 5 р. 90 к.

ISBN 5 — 85025 — 003 — 4

*О некоторых гранях рок-культуры,
о ее сложной эволюции в последние годы
революционных перемен, а также о судьбах
и творчестве лидеров рок-движения
рассказывает этот сборник*

Р 4905000000 — 89 /б/объявл. — 89 © Внешторгиздат, 1989
090(01) — 89

Составитель Сауткин В.
Рокада.
Сборник статей о роке.
Редактор Александриди Л.
Художники:
Афанасьев М., Баушев Д.,
Гаврилов А., Гаврилов В.,
Замятин П.
Фотохудожники:
Азаков А., Андрищенко А.,
Безукладников А.,
Ловковский Д., Молитвин Г.,
Чанышев Н., Шогин А.
Художественные редакторы
Евдокимова Т., Чансова Г.
Технический редактор
Рамицина О.
Корректоры:
Алешкина Н., Малютин А.

На фотонаборной системе работали:
Анпилогова Н., Балаян М.,
Барина М., Виноградов С.,
Геналиев А., Илюшина Е., Петров Г.,
Ривин К., Сидоров В., Юргина Ю.

ИБ № 3

Сдано в набор 10.08.89.
Подписано в печать 14.09.89.
Формат 60×90/8.
Печать офсетная.
Тираж 200.000. Изд. № 36ПП
Заказ № 1111

В/О «Внешторгиздат»,
125047, Москва
ул. Фадеева, 1
Типография ВТИ.

Чай Ф
Наutilus Помпилиус РОКАДА
Аукцион ПОСТЕР

ОБЕРМАНЕКЕН.
НОВАЯ ЭЗОТИКА **27**

ВОРЧАНИЕ СТАРОЙ
ЧЕРЕПАХИ **30**

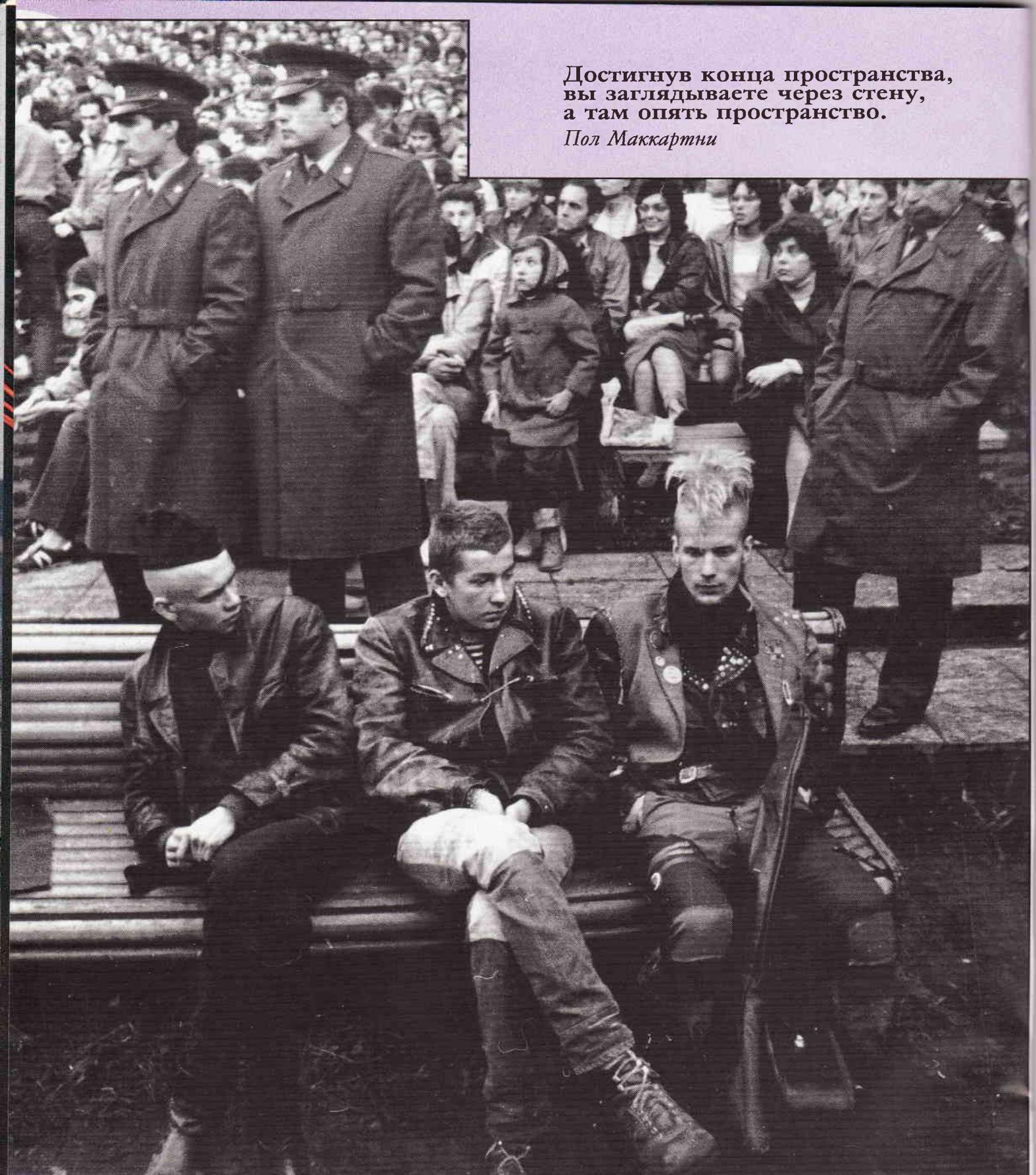
НОВЫЕ НОМЕРА
«ТЕЛЕФОНА» **32**

ПРЫЖОК ИЛИ ШАГ
В СТОРОНУ **35**

СТИХИ А.БАШЛАЧЕВА **38**

ДАЙ МНЕ НАПИТЬСЯ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ
ВОДЫ **40**

ГАСТРОЛИ «ПИНК ФЛОЙД»
В МОСКВЕ **45**

Достигнув конца пространства,
вы заглядываете через стену,
а там опять пространство.

Пол Маккартни

Время
КОЛОКОЛЬЧИКОВ

ЗАПИСКИ О РОК-КУЛЬТУРЕ

Между прочим, сейчас поют такое, что раньше стыдились писать на заборках. Например, песня вроде бы про любовь, а называется «Ты дрянь...». Пожалуй, это самая рас пространенная реакция старшего поколения на так называемую новую волну в молодежной музыке. Для кого-то а priori ясно, что ритмичные звуки, которые доносятся через закрытую дверь из комнаты сына (дочери), следует рассматривать в ряду таких явлений, как пьянство, азартные игры и мелкое хулиганство. И при чем здесь искусство?

Действительно, сталкиваясь с иными культурами — отделенными от нас пространством и временем, — мы очень склонны забывать об относительности основанных на прежнем опыте понятий. Вспоминаю человека, который при звуках японской классической музыки «гэгаку» совершенно серьезно поинтересовался: «А что у вас тут с водопроводом?» В его сознании услышанное не ассоциировалось с понятием «музыка».

Древние кельты давали «гейсы» — совершенно бессмысленные с нашей точки зрения обещания самому себе типа «не выходить из дома после захода солнца», из-за которых порою принимали верную смерть. Но расценить этот странный обычай просто как «сумасшествие» будет в наше время проявлением тоже своего рода отсталости. Не были «мошенниками» и шаманы, действительно лечившие своими экстравагантными методами ряд тяжелых заболеваний. К счастью, и историк, и этнограф уже прошли свой тернистый путь от подростка, с ужасом читающего у Плутарха «такие неприличные вещи» про своего любимого героя Фемистокла, до мудрости понимания ИНОГО. Хотя труднее всего, оказывается, со спокойной рассудительностью ученого подойти к такому иному, которое скрывается от тебя за соседней дверью. А как, не познав его, найти с ним общий язык?

БИБЛИОГРАФИЯ

До недавнего времени состояние нашей литературы о роке, доступной широкому читателю, можно было определить формулой «хуже, чем ничего». Корабли академической науки гордо обходили стороной острова молодежной культуры. Что касается статей в более популярных, например, в комсомольских изданиях, то они представляли интерес разве что как источник для характеристики взглядов того круга авторов, который их производил. Написанные по принципу «нравится (начальству) — не нравится (начальству)», они избобовали грубейшими фактическими ошибками, которые трудно объяснить простой безграмотностью. Например, «переводя» с английского название группы ТЕН СИ СИ («Десять кубических сантиметров») как «10 СС», ведущий рубрики «33 1/3» «Комсомольской правды» Ю. Филинов «доказывал» духовное родство рок-музыкантов с нацистами.

С другой стороны, по всей стране вместе с продукцией «магнитофонной индустрии» — записями рок-групп — с конца 70-х годов начали распространяться и «самодельные» рукописные рок-журналы: «Рокси», «Зеркало», «Ухо», «РИО», «УР ЛАЙТ» и другие. Исследователь найдет в них не только информацию, но и опыты — весьма удачные! — эстетического и социального анализа.

После того, как в конце 1986 г. было снято официальное «табу» на объективную информацию об отечественном роке, в журналах и газетах («Аврора», «Юность», «Московский комсомолец» и др.) появилась серия публикаций, отражающих не позицию тех или иных бюрократических учреждений и не коммерческую конъюнктуру в мире так называемой «советской эстрады», а творческое развитие рок-музыки как нормального, полноправного жанра искусства. Интересно, что почти все «новаторские» идеи, высказанные в этих статьях, восходят к рукописным журналам 4–5-летней давности. Например, основная концепция большой статьи автора этих строк в «Знание — сила» N 3 за 1987 г. («Фольклор новый и старый») легко извлекается из «Зеркала» N 2 за 1981 г. («Народное искусство»). Традицией самопознания и самоосмысления рок-культуры никак нельзя пренебрегать. Что же касается того сочинения, которое вы сейчас читаете, то его первая редакция, составленная в 1985 г., успела распространиться по стране в машинописных и ксерокопиях задолго до того, как у кого-то возникла мысль о его официальной публикации.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

«Поп-музыка — это род, а рок — вид поп-музыки. Кроме рока, к поп-музыке относят кантри, соул, диско и другие виды современной зарубежной легкой музыки» (Мархасев Л.С. В легком жанре. Л. 1984, с.205).

Пустота подобных дефиниций особенно очевидна, если попробовать приложить их к конкретному материалу. Джазовый пианист Сергей Курехин, играющий сам по себе, есть «джаз». Он же, играющий то же самое в составе ленинградского ансамбля «Аквариум», — уже рок? В Москве есть группа «Веселые картинки» (быв-

шая «ДК»), любящая разнообразить свой репертуар русскими народными песнями как в обработанном, так и в аутентичном виде, но вряд ли разумным будет предположение, что суть этой группы меняется несколько раз в течение одной программы.

Музыкальная стилистика рока и в западных метрополиях, и у нас сегодня настолько богата, что сводить ее к двум классическим клише — блюзу и рок-н-роллу — абсолютно невозможно.

Тогда, может быть, стоит обратиться к техническому определению: рок есть электрическая музыка плюс вокал.

И снова мы уткнемся в противоречие: вышеупомянутый «Аквариум» — коллектив, всегда поражающий слушателя многоликостью — свои наиболее сложные философские композиции записывает в акустическом варианте: 12-струнная гитара, виолончель, флейта, бонги. Тем не менее, принадлежность их к року не вызывает ни малейшего сомнения. Подобные примеры знает история и других популярнейших групп: «ДДТ», «Зоопарк», «Алисы»... Практически все наши «звезды» 80-х имеют параллельные «электрические» акустические программы.

Очевидно, искомое определение должно соединять в себе музыкальную, техническую, историческую, эстетическую точки зрения на рок. Например, так: РОК — новый самостоятельный жанр искусства, появившийся в середине XX века в результате творческого и научно-технического прогресса (так же, как в начале века появилось кино). Для него характерно заимствование выразительных средств традиционных жанров: музыкального, поэтического (текст) и театрального (шоу), которые образуют единое и неделимое на составные элементы целое — РОК-КОМПОЗИЦИЮ. Кроме того, «электрическое» звучание, коллективное творчество и особая форма музыкального хэппенинга — концерта с участием зрителей, — т.е. «сэйшен» (от англ. session). По своему происхождению рок — явление фольклорное, хотя и не сводимое к одному только фольклору.

Впрочем, процесс идентификации по типу «наше — не наше» слишком сложен, чтобы его можно было уместить в несколько строчек канонического петиата. Строгие дефиниции больше подходят для Уголовного кодекса. А рокерам на практике гораздо легче выделить в окружающей действительности чужое, враждебное. Тут срабатывает древний инстинкт. Например, единодушно презрительное отношение к эстраде: «Там поют не то, что думают, поют по бумажке». Когда группу называют «эстрадной» или «ВИА» — лицо явное оскорбление. Немногим более теплое чувство испытывают герои наших записок к КСП — клубу самодельной песни, где, по их мнению (недалекому в последнее время от истины), исполняются песенки про любовь под блатные аккорды.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К КИПЛИНГУ...

...Мы вынуждены признать, что его хрестоматийная формула о Западе и Востоке, несмотря на критику ее академиком Конрадом, очередной раз срабатывает на самом современном материале. Терминология, выработанная музыкальной культурой тех стран, где рок зародился и вырос, часто оказывается неприменима к отечественной реальности. Например, это касается такого понятия, как new wave — «новая волна».

- Рок-группа из Таллина «JМКЕ» на фестивале в Подольске 1987 г.
- Отец русского рока — Александр Градский.

В метрополиях new wave есть совокупность стилей, развившихся во второй половине 70-х годов на смену хард-року и диско. Это панк, реггей, ска и т.д. (имя им — легион).

Но чтобы разобраться в том, что собственно именовали «новой волной» у нас, музыковедческого анализа будет явно недостаточно. В этот «кузов» попадали и «Зоопарк», и джазовые эксперименты с народной музыкой «ДК», и пролетевшая в 1984 г. кометой по московскому небосклону группа «Браво», которую по справедливости следовало бы прописать где-то в нейтральной полосе между роком и обычной эстрадой. Здесь же оказываются люди, вообще не являющиеся музыкантами — авангардные художники, баловавшиеся с магнитофоном (группа «Мухомор»).

И еще пара кратких, но необходимых расшифровок.

РОКЕР. На Западе это слово первоначально обозначало представителя одного весьма агрессивного молодежного движения. Более широкий смысл: тот, кто играет музыку рок. Еще более широкий смысл, получивший у нас в последнее время преобладающее распространение: сторонник рок-движения, все равно, играющий или не играющий.

ПАНК. «Панки» — молодежное движение на Западе, положившее начало «новой волне». Для эстетики панка характерен нигилизм кинического толка. Кстати, бритые виски вовсе не являются признаком панка: панки на своей родине причисляются по принципу максимальной неаккуратности — чем меньше на голове порядка, тем более она в «стиле», желательнее, чтобы волосы разной длины торчали под разными углами во все стороны. Никакого отношения к нацизму панки не имеют, более того — находятся с неофашистами, как и со всякими представителями авторитарности (например, с нашими неочерностенцами, именующими себя «люберами»), в неприкрыто враждебных отношениях.

ИСТОКИ

Автор считает излишним пересказывать в тысячу первый раз уже тысячу раз рассказанные в многочисленных брошюрах и журнальных статьях истории (переведенные с английского без ссылки на источник) про «Rock around the clock», печальную судьбу жадного Элвиса и неразумную битломанию.

Гораздо интереснее нащупать истоки истории рок-культуры в нашей стране. Безусловно (все склонные к воспоминаниям рокеры первого поколения на этом сходятся), распространение пластинок «Битлз» послужило толчком для резкой смены **ТИПА** молодежной музыки. Рок, называвшийся еще тогда «битом», стал преемником джаза в жизни и в ругательных статьях. «Услышав „Битлз“, я понял, что должен играть рок... что это моя судьба» — вот мемуарное клише второй половины 60-х. Сегодня трудно установить название первой советской группы. Редактор «РИО» А.Бурлака вспоминает, что еще в 1963 году, смастерив из репродукторов некое подобие колонок, устраивал первые «сэйшена» в Петергофе. Примерно тогда же А.Градский начал выступать с группой польских студентов «Тараканы».

Распространение рока предстает одним из последних научно-технической революции. Магнитофонная лента «тип 2» сменила грампластинку «на костях», и, таким образом, появилась возможность записывать музыку, хотя и не очень качественно, но много — столько, сколько нужно. Естественно, записывать стали рок, а не джаз — рок был проще, мелодичнее, он запоминался, его можно было исполнять даже хором: «We all live in the yellow submarine», не очень вникая в смысл слов, зато чувствуя в их интонациях родное настроение.

Джаз всегда оставался музыкой молодежной элиты: его играли в маленьких, периодически закрываемых зальчиках отрешенные, гонимые мастера для избранных посетителей. Взяв на вооружение электрические инструменты и магнитную звукозапись, рок стал первым явлением интернациональной культуры XX века, усвоенным у нас в полном объеме молодежью различного социального происхождения.

А как же барды? Движение бардов, или, употребляя формулировку В.Высоцкого, «авторской песни» под акустическую гитару, восходящее, вероятно, к Вертинскому, стало настоящим массовым движением в результате тех же изменений в технике и общественной жизни, однако не менее 15 лет двум направлениям молодежной культуры — национальному и интернациональному — придется развиваться совершенно изолированно друг от друга. Между ними нет конкуренции, нет враждебности, их предают проклятию в одних и тех же статьях, только в разных абзацах, но они просто не видят друг друга. Сегодняшний молодой поклонник «Наутилуса» и «ДДТ» будет недоумевать: «Почему, собственно, Окуджава не мог пригласить Козлова и записать с ним электрическую программу?» Сам Окуджава, услышав подобное предложение, даже не понял бы, о чем идет речь. И был бы прав, хотя бы потому, что на тогдашнем уровне техники из прекрасной поэзии Окуджавы в «электрическом» варианте мы просто не услышали бы ни единого слова.

ТРИ НЕСМЕШИВАЮЩИХСЯ ПОТОКА

Несмешивающиеся потоки — состояние воды, известное океанологам. «Но, позвольте, — скажет читатель, — перечислены из них только два. А где же третий?» А третий — это традиционная эстрада, сохранявшаяся и в 60-е, и в 70-е годы весьма сильное влияние на молодежь. Как это ни странно, еще в 1975 г. модные столичные мальчишки, неплохо знавшие последние новости личной жизни «Deep Purple» и «Slade», находили время для прослушивания пластинок «Песняров», «Веселых ребят» и даже «Самоцветов».

В те годы процесс деградации эстрады еще не достиг нынешнего сокрушительного размаха, и наряду с тем, что один мой знакомый музыкант грубо, но точно определил как «кретинистические полевки», там были живы и нормальные человеческие эмоции, и попытки самостоятельного творчества, и просто проявления личности — инерция Утесова и Шульженко, к которым, кстати, рок-музыканты до сих пор питают инстинктивную симпатию. Любопытные произведения мы находим и у тех же «Ребят» («Скорый поезд»), и у тогдашнего Лещенко («Прощай») — они не случайно многим запомнились. Слушая эстрадную песню, молодые люди удовлетворяли свою потребность в современном по форме («модном») и в то же время родном по языку репертуаре, благо тексты еще не вызвали отвращения с первых же слов, а музыку ее так называемые авторы старались заимствовать («передирать») с более-менее последних популярных западных дисков.

Интересно было бы установить **СОЦИАЛЬНУЮ БАЗУ** каждого из трех потоков нашей песенной культуры. Многие потребляли достижения всех трех, отдавая предпочтение тому или другому в зависимости от обстоятельств: спокойный вечер — Высоцкий, вечеринка с девушками — «Цветы», буйное веселье по случаю сдачи экзаменов или Нового года — «Led Zeppelin». Но, безусловно, существовали и преданные палладины, не допускавшие в своих вкусах компромиссов. Кто были эти люди? Из каких слоев рекрутировались сами **СОЗДАТЕЛИ** ценностей, т.е. сочинители и исполнители произведений?

Более-менее точный ответ мы можем дать только относительно бардовской школы, обратившись к старшему поколению в составе КСП, то есть собственно к основателям клуба. Это, безусловно, интеллигенция: естественники, техники и студенты, готовящиеся влиться в тот или иной отряд науки. Но отсюда отнюдь не следует, что поклонники рока представляли темную массу, не способную подняться до высокой поэзии Окуджавы и Кима. Хотя, наверное, справедливо будет отметить весьма значительный среди первых рокеров процент всякого рода деклассированных личностей, в той или иной форме воплотивших в себе интернациональный идеал, который вошел в историю XX века под именем ХИППИ.

Лемма 1: Народное искусство — **ЭТО ИСКУССТВО, СОЗДАВАЕМОЕ НАРОДОМ.** Непонятно, как возникло и повсюду распространилось странное мнение, согласно которому народным искусством является лишь то, что следовало бы на самом деле именовать «этнографическими консервами». Между тем сегодняшнее народное творчество тоже имеет право на это гордое название, и то, что в последние годы оно нередко принимает интернациональные, а не этнографически-детерминированные формы, абсолютно ничего не меняет в сути вопроса. С другой стороны, помпезные пляски «а ля русс», которыми угощает нас телевидение, не имеют к народу вообще никакого отношения: народ так не танцевал, не танцует и не будет танцевать.

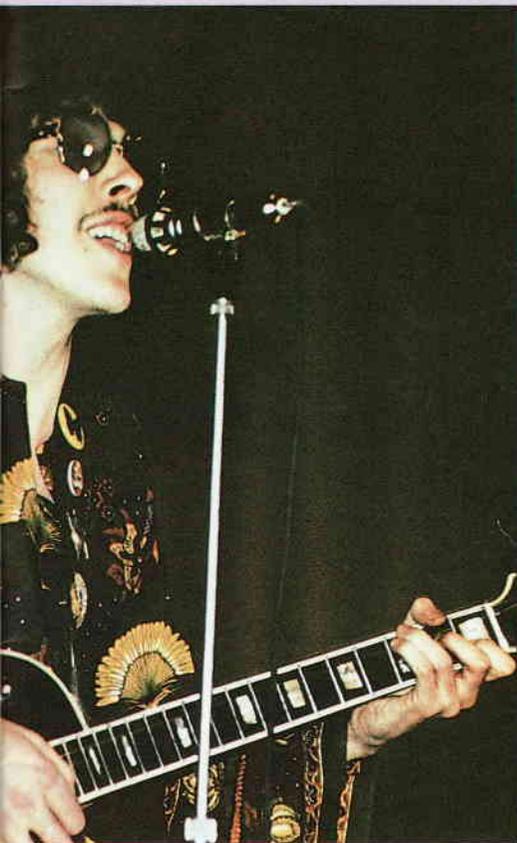
ЭПОХА ДЛИННОВОЛОСЫХ

Хиппи на Западе оказались только крайним проявлением определенной социально-психологической тенденции, наложившей свой отпечаток на жизнь практически всей молодежи эпохи. Другим проявлением той же тенденции стало Новое левое движение и такая его форма, как ультралевый политический терроризм. На первый взгляд, в фигурах ношающего цветочек лохматого непротивленца и до зубов вооруженного члена «Красной армии» Баадера с чулком на лице очень мало общего, однако внутренне они поразительно родственные души.

Анализ экономических и социально-политических причин обозначенных явлений выходит за пределы темы настоящего исследования. Мы можем только обратить внимание на бросающиеся в глаза проявления кризиса основных политических и идеологических институтов Запада во второй половине 60-х годов, который и толкнул разочарованную в общественных ценностях молодежь на «конфликт поколений» и поиск собственной жизненной модели.

В качестве характерных социально-психологических черт этого поколения я бы выделил следующие:

— антиреализм в поведении и в искусстве. Неприятие окружающей действительности, не обеспеченное альтернативой, приобретало форму **ЭСКАПИЗМА** — бегства в наркотические галлюцинации ЛСД, в психоделическую музыку, в мир абсолютно не связанной с реальной жизнью политической догматики маоистского тол-

● Андрей Макаревич — лидер «Машины времени», талантливейшей группы первого поколения советских рокеров.

● «Аквариум» — их композиция «Дилетант» признана лучшей по итогам опроса 1981 года.

ка. «Бегите в себя, на Гаити, в костелы, в клозеты, в Египты...» (А.Вознесенский).

Прямым следствием подобного отношения к жизни были и мистицизм (особенно восточный), и возвышенные тексты песен того времени, Эверестом среди которых вознесся философский сюрреализм английской группы «Пинк Флойд»;

— пессимизм, чувство собственной обреченности, опять объединяющее хиппи с «воинствующими» представителями их поколения. С поразительной точностью эту безысходность передал Антониони в фильме «Забриски Пойнт». Музыку для этого фильма написали и исполняют, между прочим, те же «Пинк Флойд».

Ни смелость главного героя, ни оружие в руках, ни единомышленники не могут разорвать трагический круг вокруг студента-бунтаря. И, когда он на своем разукрашенном цветочками и смешными непристойностями маленьком самолетике делает из себя мишень для пулеметов и автоматов, его поведение так же естественно и логично, как мрачная решимость бургундского романтика Гуннара на его последнем пути ко двору Аттли (Атиллы):

Поздно раздумывать,
Так решено уж.
Судьбы не избегнуть,
Коль в путь я собрался.

Все это имело страшные последствия и стоило жизни миллионам молодых людей: я имею в виду эпидемическое распространение наркомании как простейшее практическое приложение идеи саморазрушения и самоуничтожения. Пожалуй, впервые истории пришлось столкнуться с такой сознательной установкой вступающей в жизнь личности: «Я живу максимум до 33 лет!» — установкой, к несчастью, не только декларируемой папе с мамой, чтобы их шокировать, но и успешно проводимой в жизнь, порою даже с опережением графика.

Лицевой, положительной стороной медали в данном случае может служить свойственная этому поколению убежденность в сверхценности индивидуального свободного развития, антиавтори-

таризм, усвоенные теперь не только философами, но и практиками социальных институтов. И то, что новым левым, не говоря уже о хиппи и «йипиз», нигде, даже во Франции, не удалось создать сколько-нибудь серьезной политической централизованной организации, должно рассматриваться как большое благо, ибо все ценное из их идейного наследия и так не пропало даром, а все авантюрное не получило возможности для насильственного распространения и претворения в жизнь.

КАК ВСЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОЕ ОТРАЗИЛОСЬ НА ПЕРВОМ ПОКОЛЕНИИ НАШИХ РОКЕРОВ?

Самый главный факт истории молодой российской рок-музыки — это ее полное официальное непризнание. Точка зрения культурных организаций сводилась к тому, что «этого» нет, поскольку в нашей солнечной стране «этого» и быть не может. Даже расшифровать местоимение «это» оказалось непросто: термин «ВИА», бессмысленный по своей сути — ведь оперная труппа тоже является «вокально-инструментальным ансамблем», равно как и Л.Зыкина в сопровождении баянистов, — появился в 1970 г. с единственной целью: избежать произнесения «неприличных» слов «рок» и «бит». Правда, при некоторых комсомольских организациях устроили клубы и даже так называемые «молодежные кафе», где энтузиасты пытались отвлечь посетителей от пьянства и драк с помощью нового всеобщего увлечения, но существование их было эфемерно, и реального влияния на развитие событий они не оказали.

С самого начала отечественный рок играл подчиненную и вспомогательную роль по отношению к западному. Критерием качества группы считалось *СХОДСТВО* ее музыкальной продукции с имитируемым эталоном (некоторые добились в этом ремесле непревзойденного мастерства).

— Ну, чуваки лабают: ЗЕПов снимают один к одному!

Играли, как правило, на танцах — напомним, что дискотек еще не было и в помине, — а слово «сэйшен», которое сейчас подражает концерт, то есть сидящую и слушающую публику, перво-

начально относилось, скорее, к танцевальному вечеру, то есть к залу без стульев.

Слушали дома в основном западную музыку, переписывая ее с дисков на пленку. Что касается отечественной, то записей ее, датируемых первой половиной 70-х, не говоря уже о туманных 60-х годах, дошло до нас не больше, чем рукописных книг эпохи Киевской Руси, и это, в основном, концертные фонограммы совершенно чудовищного качества: порою трудно определить, где же кончается одна песня и начинается следующая. И причины сей бедности понятны: во-первых, еще не сформировались личные студии, во-вторых, к их формированию не было стимула, ибо зачем тиражировать копии, когда под рукой имеется оригинал — новый, западный «Лонг Плей»?

От этих групп с красивыми именами остались только ностальгические воспоминания за кружкой пива: Ах, «Рубиновая атака»! Ах, «Удачное приобретение»!

Гораздо больший след в истории оставили те, кто пытался изобрести собственный актуальный репертуар. В создаваемых ими образах переливались все перечисленные выше геральдические цвета хиппизма. Прежде всего, это предельная «возвышенность», аллегоричность и романтизм. Программы «Машины времени», талантлившей группы этого поколения, похожи на настенный гобелен: замки и корабли с парусами не оставляют там практически никакого места для атрибутов реальной жизни. Из местоимений доминирует «ты». Скромный вождь и учитель, лидер группы Андрей Макаревич с философской точки зрения оценивает своего современника:

Ты можешь ходить, как запущенный сад,
А можешь все наглое сбрызнуть.
И то, и другое я видел не раз —
Кого ты хотел удивить?

Настроение песен «Машины времени», «Воскресения», «Мифов» и других представителей отечественной рок-классики, как правило, чрезвычайно мрачное. Не имея никакого желания становиться на одну доску с теми т.н. критиками, которые считают пессимизм отрицательным качеством произведения, лишающим его права на внимание читателя, зрителя или слушателя, мы в интересах объективности все-таки вынуждены признать, что рокеры в этом отношении оказались весьма непохожи на бардов: в песнях Окуджавы, Высоцкого и приобретавшего в начале 70-х годов все большую популярность Аркадия Северного в десять раз больше жизнестойкости. И трудно представить себе кого-либо из них автором таких строк:

Мы одиноки и носим в глазах
Лед и усталость.
Все идеалы втопты в грязь,
Их не осталось.
Наши посева устали давать
Чахлые всходы,
Наши одежды и наши слова
Вышли из моды.

(«Мифы», г. Ленинград)

Для нас, как исследователей, интересно не то, что подобные настроения появлялись у авторов песен (пессимизм, как и его противоположность, вполне естествен для любого человека), а то, что проникнутые таким духом произведения встречали массовое, порою многомиллионное признание, то есть совпадали с установками аудитории. Пожалуй, самой популярной рок-композицией 70-х годов (по данным опросов, тогда еще проводившихся областными комсомольскими газетами) стал своеобразный реквием по уходящим хиппи Алексея Романова, руководителя группы «Воскресение»:

Кто виноват, что ты один,
И жизнь одна, и так длинна,
И так скучна, и ты все ждешь,
Что ты когда-нибудь умрешь.
И меркнет свет, и молкнут звуки,
И новой муки ищут руки,
А если боль твоя стихает,
Значит, будет новая беда...

Я ставлю на магнитофон катушки с записями корифеев того времени и физически ощущаю их отличие от современных: слушая их, я не смеюсь, у них практически нет веселых, смешных, дурашливых песенок. Среди сотен вещей, написанных за 15 лет музыкальной карьеры А.Макаревича, только в пяти или шести допустима легкая улыбка, которая, впрочем, тут же гасится дежурной философской сентенцией. О «Воскресении» и того не скажешь.

Хотя, как вы, наверное, уже заметили, уровень предлагаемой поэзии в среднем достаточно невысок. Не случайно в 1970 г., ког-

да Макаревич со своей школьной командой впервые рискнул выйти на «широкую» (для 150–200 любителей) эстраду студенческих общежитий с песнями на РУССКОМ языке, его предостерегали: «Англичане знают, о чем и как петь, а ты кто такой, чтобы состязаться с ними?» Почти все тексты «Машины» грешат претенциозным многословием и декларативностью, весьма мало совместимыми с истинной поэзией, хотя те песни, в которых эта тенденция выражена в наименьшей степени, приобрели широкую известность. Подрастки, которые орали немелодичными голосами в скверах, что «солнечный остров скрылся в туман!», своими нарушающими общественный покой криками возвестили новое явление в нашей культурной жизни — отечественный рок вознамерился стать *НАРОДНЫМ ИСКУССТВОМ*.

Разумеется, Макаревич — это не Окуджава и не Галич. Но это уже и не Кобзон, и не живой проигрывагель, воссоздающий на танцплощадке московской окраины творческие достижения г.Ливерпуля.

Лемма 2: Рок-текст — НЕ СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО БУМАЖКЕ. Рок-текст неотделим от рок-музыки. Слабые в поэтическом отношении слова хард-роковых групп (и наших, и, да простят они мне, западных) обретали поистине магическую власть над многотысячными аудиториями, потому что были подняты на мощную, сокрушительную волну очень сильной, высокопрофессиональной музыки, созданной и исполненной людьми, вкладывавшими в нее свои физические и духовные силы. В самом деле, что представляет собою текст знаменитой песни «Deep Purple» «Дитя во времени»? Несколько бессвязных сюрреалистических образов. Тем не менее, миллионы людей во всем мире не только восприняли ее как призыв к немедленной борьбе с агрессивными войнами, милитаризмом, насилием, но и последовали этому призыву. Однако попробуйте предложить те же слова эстраднему ансамблю «Пламя» или «Верасы» и они погаснут, как накрытый мокрой тряпкой факел. Вот какое значение имеет музыка.

Потешно выглядит «серьезный» анализ рок-текста с позиций, применимых разве что к бардовской песне на трех аккордах, да и то, наверное, не всегда. Хорошо образованный критик берет с презрением «эти так называемые стихи» (хотя на самом деле стихами их, кроме самого критика, никто не называет), выписывает 5–6 строчек и начинает насмехаться: какая бессмыслица! Набор слов! Почему только, слушая эту «бессмыслицу», люди, образованные не хуже критика, начинают плакать или сжимать кулаки, почему, как один человек, весь зал подхватывает слова припева? Потому, наверное, что каждый жанр искусства нужно судить по его собственным законам.

Характерной особенностью рок-поэзии является то, что в большинстве случаев это поэзия не целого произведения («стиха»), а отдельных фраз, которые дают в сочетании с музыкальной цепочкой образов, воспринимаемых слушателем и дополняемых его собственной фантазией.

Приведу в качестве иллюстрации один из известных русских рок-текстов — текст песни Б.Гребенщикова («Аквариум») «Пре-красный дилетант», признанной, по данным квалифицированного опроса, лучшей рок-композицией 1981 г.:

Она боится огня, ты боишься стен,
Тени в углах, вино на столе.
Послушай, ты помнишь, зачем ты здесь?
Кого ты здесь ждал, кого ты здесь ждал?!

Мы знаем новый танец, но у нас нет ног.
Мы шли на новый фильм — кто-то выключил ток.
Ты встретил здесь тех, кто несчастней тебя —
Того ли ты ждал, того ли ты ждал?

И я не знал, что это моя вина,
Я просто хотел быть любим, я просто хотел быть любим!

Она плачет по утрам, ты не можешь помочь,
За каждым новым днем — новая ночь,
Прекрасный дилетант на пути в гастроном —
Того ли ты ждал, того ли ты ждал?!

(Последние слова повторяются истерическим рефреном на фоне режущих звуков виолончели и волчьего воя, в котором, напрягая слух, можно различить что-то вроде «O sad days».)

Прямой логической связи между образами нет: в самом деле, какое отношение имеет несостоявшийся «фильм» к таинственным «тем», которые несчастнее героя? Мы не можем даже с уверенностью определить, о чем эта песня. О несчастной любви? О человеке, у которого нет ничего, даже надежды? В мозгу каждого слушателя вспыхивают свои, порожденные личным опытом картинки-интерпретации. Но состояние отчаяния, ажитируемого резкой, хлещу-

щей музыкой, зарождающаяся при первых же словах, непрерывно нарастает и достигает в финале кульминации.

Ближайшей исторической аналогией представляется «садж» — особый вид старинной арабской поэзии, наложивший яркий отпечаток на стилистику Корана, — «рифмованные фразы с размеренными ритмами, с резкими, стремительными ассонансами; поток сплетающихся в запутанный узор заклиний». Садж был языком колдунов-кохинов, сопровождавших свои заклятия ударами в барабан. (А.Массэ. Ислам. М., 1963, с.20).

Отсюда читателю, наверное, будет понятно, почему рокеры предпочитают сами сочинять слова к своим песням, а не заимствовать их даже у самых прославленных поэтов прошлого и настоящего.

ПРИМАТ МУЗЫКИ

Рок-музыкантов «эпохи длинноволосых» весьма мало тяготило то, что качество их поэзии даже с точки зрения эстетики «саджа» было не слишком высоким: у них не оставалось времени об этом думать, они занимались музыкой.

Идея примата музыки над текстом в те годы была практически общепринятой. В ней есть своя логика: в самом деле, если главной задачей наших рокеров является приобщение соотечественников к периодической выкрикиваемой в микрофон одну и ту же английскую фразу, сопровождаемая все новыми и новыми хард-роковыми изысками. «Какая разница, что мы поем, — говорили непричесанные кандидаты в звезды. — Послушайте лучше, как мы играем!»

О ТЕХ, КТО ЭТО ДЕЛАЛ

Рассмотрев эстетику рок-хиппизма, мы попытаемся нарисовать его социальный портрет. Мне всегда казалось некоторым парадоксом, что хиппи, каждую минуту декларирующие свое презрение к материальным благам, в жизни оказывались такими коммерческими людьми.

Начнем от «яйца». Тогда, как мы уже отметили, рок никто официально не признавал, но никто особо и не преследовал. Отношение к нему строилось по принципу: «Это все, конечно, не музыка, а один грохот, но пусть уж сегодня молодежь побалуется». С такими словами директора предприятий и ректоры институтов подписывали разрешения на очередную «сэйшен» в подотчетных стенах. Не удивительно, что еще в 60-е годы первоначально в Москве, а затем и в Ленинграде образовались группы людей, профессионально и очень талантливо занимавшихся устройством концертов отечественной рок-музыки. Они вовсе не были беспринципными торгашами: многие искренне поклонялись искусству и ради любимой группы готовы были идти на любые дефициты в своем балансе, но именно они поставили музыкантов в неожиданное положение покупателей сначала небольших, а затем все более и более поднимающихся над средним уровнем зарплаты денежных сумм. Напомним заодно, что распространение западной рок-музыки (как и западных штанов) находилось в монопольном ведении древнего — в контексте нашего рассказа — торгового сословия фарцовщиков.

На что же тратились эти деньги, с удовольствием (подчеркиваю данный факт) отдаваемые студентами и молодыми рабочими за возможность послушать «свою, настоящую музыку»? Прежде всего на аппаратуру. Напоминаю читателю, что успех в музыке рок (и в этом ее принципиальное отличие от других видов музыкального искусства) зиждется не только на способностях музыкантов, но и на качестве имеющейся в их руках многочисленной электроники: микшерских пультов, усилителей, колонок, ревербераторов и т.п. Каждый предмет из этого списка стоит немалых денег. Но затраты на него окупаются.

Так аппаратура становилась капиталом. Более того, капиталом, официально признанным в качестве такового. Государственные филармонии, не выполняя плана, начали привлекать в свой штат рокеров, хотя и не имевших дипломов консерватории, но зато умевших набивать молодежью большие залы и приносить доход.

При этом они должны были поступать на работу, как средневековые ремесленники, СО СВОЕЙ АППАРАТУРОЙ — странное, на первый взгляд, но вполне понятное условие: откуда же филармония возьмет то, что не продается ни в одном магазине ни за наличный, ни за наличный расчет?

В 70-е годы пропасти между официальной эстрадой и неофициальным роком еще не образовалось. Пресловутое постановление Министерства культуры об обязательных 80% песен членов Союза композиторов не могло привидеться солистам официальных (!) ансамблей «Цветы» и «Скоморохи» и в кошмарном сне. Рок-музыкан-

ты достаточно легко — не испытывая угрызений совести и презрения окружающих — входили в мир эстрады и выходили из него.

Постепенно у них выработывалась установка на возможность ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ музыкальной деятельности, т.е. существования за счет музыки. Дополнительным стимулом к «филармонизации» рока служило и то, что немногие из рокеров того времени имели профессию, способную их материально поддерживать. Как правило, это были люди в достаточной степени десоциализованные, и сама атмосфера тогдашней рок-музыки толкала их в сторону дальнейшей десоциализации, оставляя филармонии хотя и проблематичным, но почти единственным выходом из сложных бытовых проблем, острота которых нарастала с возрастом. Трудно сказать, насколько глубоко были их юношеские убеждения, однако к началу 80-х гг., когда движение хиппи практически сошло со сцены, многие из его музыкальных проповедников заняли «теплые» места в концертных организациях, где в соответствии с изменившимися условиями им пришлось исполнять теперь уже не свои произведения, а те самые эстрадные песни, благодаря противостоянию которым они когда-то вышли в люди.

Вернемся, однако, к вопросу об аппаратуре. С ростом ее запав рос и престиж нового сословия — операторов, то есть звукоинженеров, которые при определенной удаче и трудолюбии имели возможность стать АППАРАТЧИКАМИ — владельцами полных комплектов, необходимых для концертной деятельности. При заключении договоров с филармониями такой «капиталист» обычно фигурировал в качестве руководителя ансамбля, хотя мог при этом не играть ни на одном инструменте.

За каждым комплектом аппаратуры, собираемым собственными руками, стояли обыкновенно годы тяжелейшего труда. Западные электронщики поразились бы мастерству наших «левшей», ухитрявшихся извлекать достаточно чистый звук из самого невероятного хлама.

Неизвестно, кому из них первому пришла в голову мысль о том, что продукцию советских групп можно слушать и дома. Сначала это были убогие фонограммы, записанные во время концерта через микрофон (отвратительное качество) или через микшерский пульт (уже получше). Потом на репетиционных базах в домах культуры и клубах появились новые предметы обстановки: дорогие отечественные или даже иностранные магнитофоны. А наиболее сообразительные изучали тем временем подступы к студиям, принадлежавшим всевозможным средствам массовой информации. Там стояли студийные магнитофоны.

Безусловно, филармоническая ориентация первого поколения советских рокеров сыграла весьма печальную роль в нашей истории. Прежде всего она законсервировала прогрессивное развитие новых стилей. Эстрадные бизнесмены не хотели рисковать и экспериментировать, они эксплуатировали только то, что пользовалось заведомым сиюминутным спросом. На Западе продребезжало и кануло в Лету диско, закончил свою «преступную» карьеру Сид Вишис и уже неоромантики изумляли публику пиратскими нарядами, а у нас звезды рока все еще наполняли динамики консервированными стенаниями.

А я все верю, что где-то Божьей искрою света

Займется костер.

Только нет интереса, и бездарную пьесу

Продолжает тянуть режиссер.

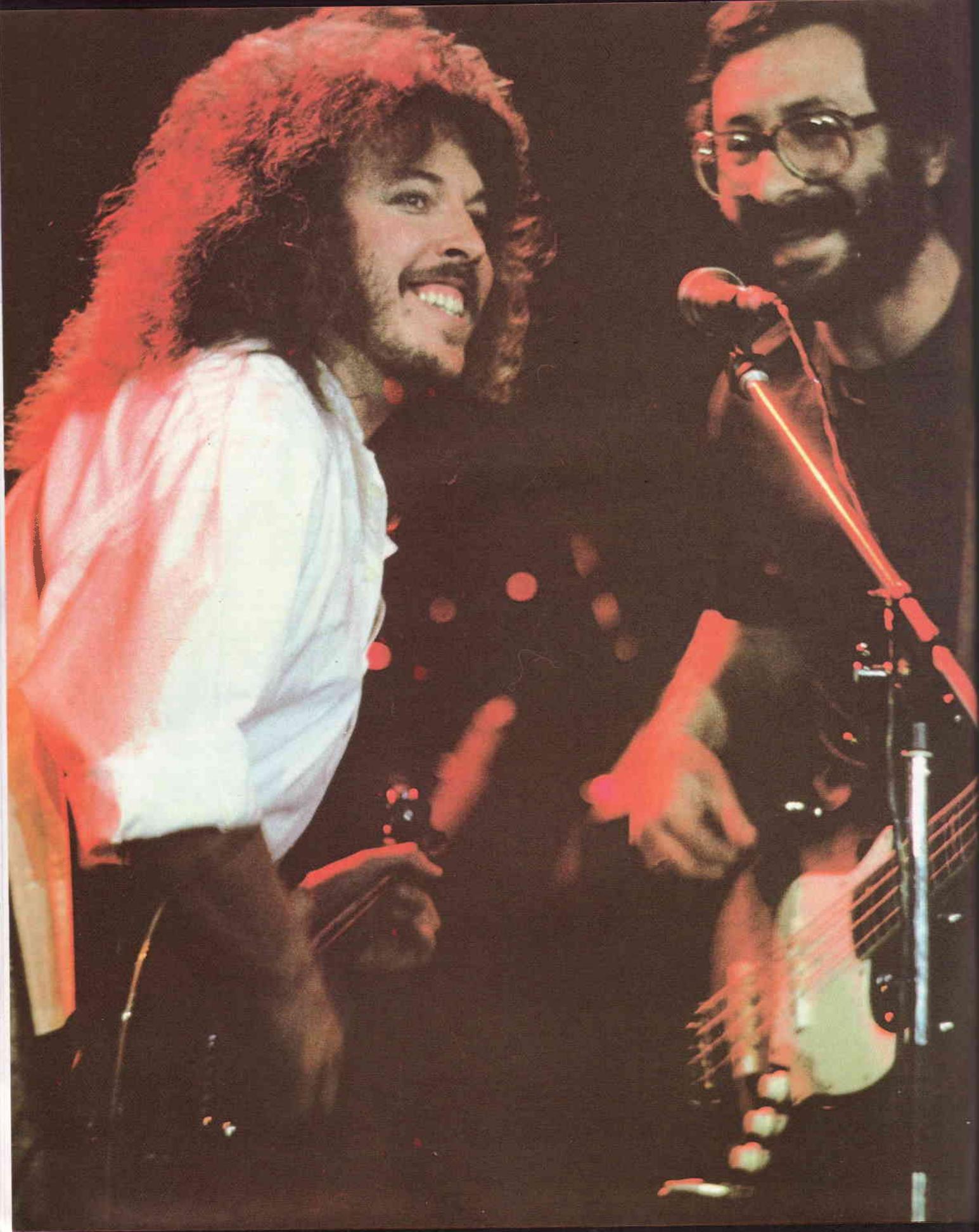
КОММЕНТАРИИ М.ТИМАШЕВОЙ

В 1986 году я попала в гости и обнаружила причудливую картину: пренебрегая прекрасно сервированным столом и обилием спиртного, гости изучали статью «Время колокольчиков», передавая по кругу отдельные листы, подгоняя и торопя друг друга. Кто написал эту вещь, мы не знали — фиксировать фамилию, имя, отчество под такого рода материалами тогда было небезопасно. Предположительно называлось имя некоего молодого историка.

Мы решили и сейчас публиковать материал без указания автора. Пусть в рубрике «Из архива» статья останется безымянной. Это больше соответствует 1985 году — времени ее написания. Документальность — существенное достоинство рукописи. Мы не отрицаем, что «большое видится на расстоянии», но при этом исчезает множество конкретных деталей и непосредственных эмоций, которые и создают атмосферу времени.

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ — целая эпоха развития отечественной рок-музыки — кончилось, но и осталось. Осталось не только в нашей памяти, самодельных лонгплеях, самиздатовских журналах, но и в том материале, первую часть которого мы предложили вниманию читателей.

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ

„МАШИНЫ ВРЕМЕНИ“

В воздухе пахло сиренью и ренессансом... Один за одним, след в след, затылок в затылок, рука в руке, похожие на разноцветных муравьев люди тянулись к Дворцу спорта в Лужниках.

27 мая 1989 года в Москве отмечалось 20-летие «Машины времени». Можно не любить эту группу, можно не биться в экстазе при появлении умного Макаревича на сцене или экране ТВ, можно не шептать во сне магические строки о солнечном острове, но уважать «Машину»...

Уважать «Машину» следует любому образованному члену нашего рок-общества, будь он трижды либералом или консерватором...

Лучший рок-концерт всех времен и народов СССР вел Александр Градский, который (как и обещал) на себя лоскутное одеяло с «машинистов» не стянул, но при этом остался в полном порядке...

На сцену, где красовался фасад Дворца культуры эпохи сталинского монументализма с напоминающей противотанковые ежи цифрой XX наверху, поднимались самые разные люди, которые так или иначе имели отношение к «МВ»...

Группа Шанхай. Маргулис с неизменной хитровой улыбкой времен великих «В Никитском ботаническом саду» и «Блюза о вреде пьянства» с блеском исполнил старые и новые хиты. «Дороги наши разошлись» в сегодняшнем исполнении еще раз подтвердила, что траектории полетов «МВ» и «Ша» на самом деле то и дело пересекаются, как две самые параллельные прямые в самом пространственном пространстве. Для неопытных в роковых играх людей все-таки осталось загадкой: что значит китайский Шанхай для московского Маргулиса?

Группа «СВ». Команда Романова начала с демократической «Делай свое дело», перекликающейся с англосаксонской «Делай, что хочешь» эпохи настоящего хиппизма, и закончила злободнев-

ной «Дело - дрянь» в духе Нострадамуса. Жующим буфетные бутерброды с северюгой 2-й свежести эстетам выступление группы показалось затынутым. Голодные специалисты почувствовали в звучании «СВ» нерв славной группы «Дорз».

Группа «Ботало». Бывший «машинист» Подгородецкий в ослепительном смокинге был эстрадно-вальяжен и неповторим. Известный «Поворот» в исполнении мастера фокстрота изрядно смахивал на лауреата конкурса «Песня - 89». Появившийся в очень нужный для общего дела момент А.Кутиков ужесточил вокал и спас любимое чадо, сделав ему экстренное роковое вливание. Полковник Подгородецкий виртуозно реабилитировал себя в глазах публики искрометной «Наша Рая на Гавайях отдыхает»...

Группа «Секрет». Их «Мой приятель - беспечный ездок», естественно, отношения к Макаревичу не имела... Они по-дружески исполнили гимн «МВ» и показали наличие бездны ленинградского вкуса и воспитанности, прихватив с собой на праздник заезжую швейцарскую группу, которая...

Швейцарская группа (никто не запомнил названия). Играла скучный швейцарский арт-рок, толком не понимая, что к чему и кто есть кто. Доказала еще раз приверженность своего государства принципу непоколебимого нейтралитета.

Майк Науменко и «Зоопарк». Явились как гонцы из еще сохранившегося, но уже обуржуазившегося ленинградского андеграунда. Издали невооруженным глазом угадывалось, что Майк очень прилично одет. Немыслимо грязный саунд «Зоопарка» опечалил паживших звукорежиссеров и доказал, что Петрограду и 16-канальный пульт фирмы «Пиви» не преграда.

А.Буйнов. Некогда отбившийся от рок-стаи греко-цыганский потомок выглядел почти раскаившимся «блудным сыном». Песенка в духе детского сада для отпрысков хорошо обеспеченных родителей о золотом ключике и золо-

тушной рыбке вызвала теплую волну сочувствия к жертве Павла Яковлевича Слободкина и ансамбля «Веселые ребята».

В.Сюткин и группа «Фэн-о-мэн». Очень фонограммно, но чрезвычайно не туда...

Ю.Степанов (экс-«Мифы», ныне - Великобритания). Безупречный бело-брючный блюз дуэтом с А.Макаревичем был профессионально удачен и трогателен.

А.Градский. Три песни мэтра под гитару, подаренную Дж.Денвером, стоят нескольких лет существования любой рок-группы.

ПЕРЕРЫВ

В перерыве - буфет, мороженое, кооперативные плакаты с мужественными «машинистами» (3 руб.) и календари (с ними же, по той же цене... портреты - что тебе «Битлз» на знаменитом «Белом альбоме»... ничего себе аналогия-с!).

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА:

Группа «Скоморохи». Реставрированная по такому торжественному случаю группа показала всем фомам из породы неверующих, кто и где умеет зимовать...

Красные флаги, бенгальские огни, десятки разноцветных шаров и потрясающий звук украшали 6-часовой концерт. Ностальгическая слеза очистила многие заросшие московской меланхолией души...

Своим выступлением в конце «Машина времени» еще раз доказала, что она на самом деле «Машина - вне времени»...

В воздухе действительно пахло сиренью и ренессансом...

Художник - А.Макаревич (позже оказалось, что он имел в виду не фасад Дома культуры, а древний римский портик!).

Звукорежиссеры - М.Капитановский (экс-барабанщик «Машины времени»)

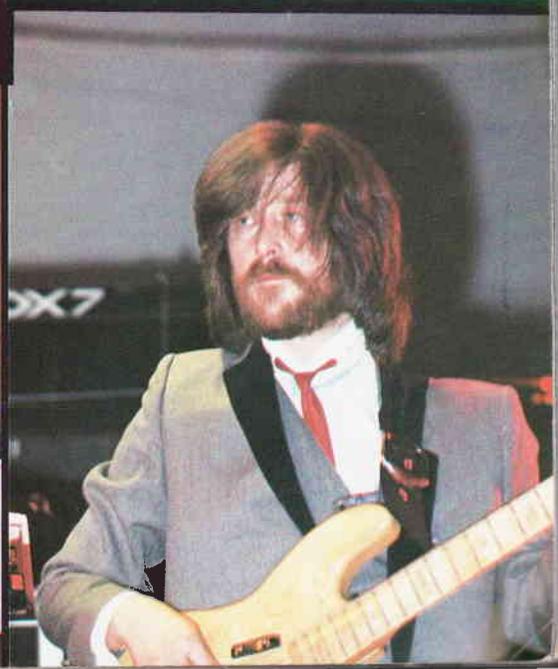
- Наиль Короткин («МВ»)

- Ю.Фишкин («Автограф»).

Свет - О.Клишневский.

М.ПУШКИНА

- «Машина времени» 20 лет спустя.
- Андрей Макаревич и Евгений Маргулис на юбилее.
- Александр Кутиков.

«Без волнений и тревог жить нельзя. Без них просто не существует самой жизни, что бы там ни выкладывал какой-нибудь старик о любой звезде, президенте или кандидате в президенты. Всякий знает, что это ложь, но она всем нравится. Она очень удобна...»

Джон Леннон

Всякому журналисту в глубине души хочется, чтобы интервью взяли у него самого. Поэтому я решила задать пару вопросов себе самой.

Итак, дорогая Нина, какое право ты имеешь писать о рок-музыке? Ведь консерватории ты не заканчивала.

Так ведь неоднократно декларировалось, что рок — единство музыки, поэзии и зрелища, к тому же и стиль жизни. Почему же в роке, несмотря на все декларации, упорно продолжают выделять музыку или в крайнем случае политическую заостренность?

Вероятно, потому, что отечественный рок стремится выйти на международную арену. А какой самый интернациональный язык? Конечно, музыка. Ты бы переживала, если бы любимые тобой советские рок-группы не получили признания за рубежом?

Только в том смысле, что этак наши ребята имеют шансы никогда не увидеть ни Рима, ни Парижа. Наверняка в роке вполне существовать формы „классического“, чистого музицирования, но меня больше привлекает местный колорит. Он-то и создает особенный дух и художественный смысл музыкального театра, именуемого роком.

Это я не к тому, что не надо учиться хорошо играть. Однако, если советский рок останется для иностранцев модной этнографической диковинкой из перестроечной страны, не встанет в конвейерный ряд мирового концертного бизнеса, — по-моему, ничего плохого в этом нет.

Искусство «Наутилуса Помпилиуса», «Чай-фа», «Агаты Кристи» необходимо НАШЕЙ стране.

МАЛЬЧИК - «ЗИМА» С ПЛАНЕТЫ ЦВЕТА ХАКИ

Начало свердловского рока председатель тамошнего рок-клуба Николай Грахов датирует 1980 годом, когда ансамбль авангардной музыки «Сонанс» распался на две группы: хард-попсовый «Урфин Джюс» и нововолновый «Трек». Сейчас Свердловский рок-клуб представлен более чем полусотней коллективов. Но дело не в количестве.

В доперестроечные годы подпольного существования советского рока он обретался в основ-

ном в столичных городах: Москве и Ленинграде. В середине 80-х заявила о себе периферия.

Существуют разные версии причин перемещения отечественного рока на окраины. Наиболее очевидная: рок расширяет свои границы. Провинция подкачивает свежую энергию перетрудившимся, начавшим выдыхаться столицам.

В остальном объяснить логичность места и времени появления таланта хорошо, мне кажется, когда гений уже состоялся. Предугадать заранее, почему Свердловск, а не, скажем, Тюмень, думается, было невозможно. Просто в Свердловске учились в архитектурном институте Вячеслав Бутусов и Дмитрий Умецкий — основоположники прогрессивного на всю страну «Наутилуса Помпилиуса».

Другое дело, не будь в городе рок-клуба, наверняка музыкантам пришлось бы тяжелее, а то и вовсе не пришлось выйти на сцену. Клуб давал, и до сих пор считает своей главной задачей, объединение и информационное насыщение музыкантов. Плюс, до введения в сферу культуры хозяйства и кооперации, организовывал концертную деятельность.

Выход любительского рока на смену официальной эстраде — в принципе вполне традиционный для искусства путь. Когда профессионалы дряхлеют, их смещает талантливый авангард дилетантов.

Существует ли в свердловском, новосибирском, архангельском роке нечто кардинально отличное от ленинградского или московского? Я считаю, что нет. За исключением республиканских, национальных вариантов, советский рок достаточно однороден (что, естественно, не предполагает безликости каждой группы артистов). Потому, в частности, мне представляются органичными перемещения, например, Юрия Шевчука из Уфы в Ленинград, а Дмитрия Умецкого и Вячеслава Бутусова из Свердловска в Москву.

«Наутилус»... Добавка «помпилиус» появилась позже, поскольку на государственной сцене неожиданно для свердловских любителей обнаружился ансамбль аналогичного названия. Имя фантастической подводной лодки жюльверновского капитана Немо превратилось в название моллюска, створками раковины откусывающего куски собственного живого тела, чтобы продолжать жизнь.

Москвичи возжаждали «Нау», как только он закрутился по клубным концертам, предваряя свой триумфальный выход на большую сцену, который произошел на «Рок-панораме-87» в Лужниках. Произошел не только для «Наутилуса» — для всего советского андеграунда.

Не так давно это было, а смешно теперь вспоминать наивные дебаты тех лет: что можно, чего нельзя. Узнай сейчас кто-нибудь из недоброжела-

телей, что «Наутилус» уже успел распастись, — «ну вот — скажет — вот она — недолговечность скандальных звезд».

Друзья с опаской следили за стремительным взлетом «Нау». Фаны всегда ревнуют своих кумиров к массовому успеху. И вроде бы сами убеждают, популяризируют, обижаются непониманию, пока новоявленных талантов не признают. А потом, когда и по радио, и по ТВ, через запылятую с приевшейся эстрадой...

Нет, Бутусов не зазнался, он всегда был «смурной». Это заметно и по его сценическому имиджу. Лицо красивое, но одновременно, я бы сказала, страшное: замкнутое — наверное, жестокое — может быть. В гриме похож на демона, на настоящего, не карнавального пирата, у которого на счету не одна загубленная человеческая жизнь. Шипов (в переносном смысле) ровно столько, чтобы защитить болезненно ранимую душу среднего росточком худощавого мальчика с эзиджеровским взглядом.

Бутусов скрывался от интервьюеров. Выпущал к ним красивого и учтивого бас-гитариста Диму Умецкого. А Умецкий возьми да и влюбись в Москву. Разделив все тернии, Дима ушел из группы как раз тогда, когда неожиданно привалила известность.

Москвичи надеялись, что Умецкий перетащит в столицу всю группу, что московские возможности сманят «Нау» из Свердловска. Вероятно, приобщив «Наутилус» хотелось жителям любого и каждого города. Потому что без «Нау» было нельзя. Даже если не каждый вечер идешь на их концерты, надо знать, что они рядом.

Потом нервозный ажиотаж поутих. Музыканты вернулись в Свердловск, а солист поселился близ Москвы, на пригородной даче вместе с Умецким.

Мне не кажется главной причиной распада «Наутилуса» успех, якобы традиционно вызывающий срывы. Меня вполне удовлетворяет романтическая версия возвращения Бутусова к старому другу. Бутусов с Умецким не чувствуют себя творчески израсходованными — они возрождают «Нау».

Новые песни? Стихи в «Наутилусе» сочиняли и

Умецкий («Мальчик-Зима»), и Бутусов («Все, кто нес...», «Праздник общей беды», «Шар цвета хаки», «Отход на север»), но большинство самых известных — Илья Кормильцев. Если творческое содружество Бутусова и Умецкого с Кормильцевым сохранится...

Конечно, будет недоставать колоритной фигуры белокурого сказочного принца — саксофониста Алексея Могилевского. Так же, как недоставало заменяемого басиста Умецкого.

Сейчас самое время оглянуться назад и понять, чем покорило зрителей «Наутилус»?

РОК - ЗВЕЗДЫ

СЕКРЕТ ХИТА

Композиторы-песенники любят повторять старую байку: мол, чтобы песня стала шлягером, в ней обязательно должно быть немножко дерьмца. Дерьмом, по печальной привычке, в искусстве считаются жанры «низкие», то есть, по-сегодняшнему говоря, народные. Рок тоже страдает из-за своей демократичности.

Есть, пожалуй, одна черта, которая отличает периферийный рок. О ней хорошо сказал лидер группы «Чайф» Владимир Шахрин: «Нам просто наплевать, что у вас тут в столицах делается — что модно, что не модно, что принято, что не принято. Мы поем, как поется».

Рок зародился как наплевательство на привычные устои. Однако быть непохожим на других легче в компании себе подобных. В тусовке вырабатываются свои стереотипы, которые соблюдаются порой еще более ортодоксально, чем штампы в официозных направлениях культуры (с чопорностью покаявшейся проститутки). Покуда московские и ленинградские рок-объединения выясняли отношения между собой и с государственной эстрадой, свердловчанам оставалось невдомек, что следовать традициям эстрады в столицах считается позором и унижением для рокера.

Я тоже возражаю против экстремизма раннего рока. Эстрада — вид искусства, равноправный и достойный уважения, берущий истоки в скоморошестве, карнавальная культура, комедии «дель арте», кабаре и варьете, по-своему преломившийся в театрах Мейерхольда и Таирова, кинематографе Чаплина и Феллини. Рок-культура является продолжением традиции.

Другое дело, что эстраду изуродовали во времена культа и застоя, но, согласитесь, бессмысленно заменять термины «литература», «живопись», «архитектура» и «эстрада» только потому, что однажды их замордовали и исказили.

Впрочем, сегодня рокеры уже не столь истоиво настаивают на отмежевании себя от традиции. Крен пошел в другую сторону: традиция подменяется старыми стереотипами. В нашей стране застойные привычки возрождаются ныне не по указке «сверху», а по требованию самих зрителей. В результате безликие, штампованные «на раз» рок-группы мирно соседствуют на сцене с такими же однодневными поп-звездами.

Свердловский рок расцвел как раз посередине между этими двумя перегибами. Песни «Наутилуса Помпилиуса» полюбили так потому, что большинство из них основано на танцевальных мелодиях даже не рок-н-рольного, а фокстротного типа. Люди с удовольствием услышали приятные (чуть не написала — знакомые) мелодии. Но нет у «Наутилуса» ни стилиа ретро, ни плагиата. Есть уникальное во все времена умение сочинять изобретательно-оригинальные и в то же время демократичные, запоминающиеся

мотивы. В современной рок-аранжировке, способной дать серьезность музыкальной интонации, это — как раз то, что нужно было, что нужно сейчас и отсутствие чего ненадолго может замечать любая ритмичная песенка, если нет, как часто случается, ничего лучшего.

Аналогичная ситуация — с песенными текстами. Покуда теоретики подчеркивали, что рокеры никогда не поют о любви, «Наутилус» презрел это «правило». Собственно, по моему убеждению, искусство — это всегда о любви, даже если само слово «любовь» не произносится. А то, что на эстраде заклинило из попевки в попевку «любовь, любовь» вызывают только недоверие и скуку, так это потому, что — не искусство.

Взамен песенной «рыбы» «Наутилус» предложил серьезную поэзию. Содержательные стихи в сочетании с полковой развлекательностью мелодий создали гремучую смесь. Музыка стала общительным проводником идей.

Провырнуться по бульвару в песне «Наутилуса» выманывают, как и в жизни, искрометные особы, повливая крепкими задами. Слово увязавшись за веселой компанией, слушатель только в разгар событий понимает, что его вынудили осознать себя участником всежизненной вакханалии, пира во время чумы — праздника общей беды.

В песнях «Нау» меня восхищает, что они не пытаются разъяснить то, что конкретизировать невозможно. Ну что такое беда? Тем, кто ее не пережил, вряд ли понять. «Праздник общей беды — это просто когда наступает действительно большая беда». Беда — это беда. Вроде бы тавтология? Ан, вдумайтесь — возвращение понятия первородного, исконного смысла.

«Наутилус» умело обошел рифы прямолинейной публицистичности. Страну «Нау» ощущает в недеklarативно-родственной близости себе. «Внебрачный сын Октября» прощается с Родиной, как с любимой женщиной (или с женщиной, как с Родиной?), отступая на север.

«Нау» уносит с собой высшее, нематериальное чувство любви. У человека остается право любить вопреки всякой логике, даже когда районные врач и пожарный выдали документальные свидетельства о том, что объекта вожделений вообще нет и никогда не было. Тут уж десятое дело разбираться, чем лучше лечить раны опустошения — душой или телом. По-детски хочется воскресить умершие идеалы с такой же легкостью, как заменить батарейки в магнитофоне. Остается любить любовь.

В последних песнях у «Наутилуса» появилось некоторое однообразие балладного речитатива в музыке. Но вне зависимости от репертурных перипетий у Бутусова сохраняется третья из необходимых для всякого певца качеств — самобытность имиджа и сценической манеры. Вокальные приемы Бутусова коренятся в традиции интимного кабаре и цыганского пения: взалоб, с придыханием, с надрывом. Особенно впечатляет, что широчайшую амплитуду страстей певец передает голосом, не двигаясь и даже закрыв глаза.

Бутусов распространяет на все свое творчество образ Казанова, возникший в одной из песен «Нау». Вскоре в репертуаре Аллы Пугачевой появился «Местный Казанова», сюжетец, растиражированный притчу на уровне дворового флирта. Бутусов, напротив, поднимает обыденные темы на уровень романтической саги, мифа. Его Казанова — философ и маг, легенда, реальность которой не так проста, как кажется, она еще проще, она понятна и необъяснима одновременно, как сама жизнь.

«ЧАЙФ», ДРАЙВ, КАЙФ!

Следующая громко заявившая о себе свердловская рок-группа — «Чайф» (название иногда дается с дефисом — «Чай-ф»). Сами музыканты говорили мне, что предпочитают именоваться в одно слово, которое не предполагает некоей конкретной расшифровки типа «чайная фабрика». Артисты просили передать москвичам благодарность за то, что те начали именовать группу в афишах с двух заглавных литер «Чай Ф», вероятно, таким образом решив выразить высокую оценку музыки, а может быть, прознав, что так называется один из лучших в мире сортов чая.

«Чайф» определился как ироничное дополнение, смеющаяся сторона двуликой театральной маски рядом с патетически-трагедийным «Наутилусом». (Подобным дуэтом в Ленинграде выступали ранние Боб /Гребенщиков/ и Майк /Науменко/.)

Что, в самом деле, ломается эта идиотка, влюбленная в Алена Делона? — выворачивал наизнанку «Чайф» тему песни «Наутилуса». Немудрено барышне разочароваться в любви, живя в обстановочке, доходчиво обрисованной еще в пьесах Людмилы Петрушевской. Ну увервала девочка, что «любовь — это только лицо на стене, любовь — это взгляд с экрана». Хвастаться особенно нечем: если не проститутка, то — «дура, дура, дура, белая ворона!» (Белая ворона, к слову, изображена на эмблеме Свердловского рок-клуба.)

Поэзия Владимира Шахрина даже не открыто публицистична, она документальна. Ей вторит музыка, интонационно близкая бардовской.

Шахрин — коренастый мужичок с упрямо поджатыми губами и нахально длинным носом. Он берется за темы, многократно обсужденные на страницах журналов и газет, хотя, кажется, музыкальная их интерпретация грозит упростить наиболее сложный вопрос до заиклившегося скандирования.

«Чайф» выкликает тех, «чья работа была в 30-х стрелять в спины наших отцов»:

... что для вас совесть сейчас?..

Достаете ли вы свои боевые награды?

Блестят ли они в дни наших великих парадов?

Почему певец обратился к этой теме? А просто удивился однажды, стоя в магазинной очереди со своими двумя дочками, выражению лица рядом оказавшегося человека:

Странное дело увидеть в глазах старика Блеск вороненых стволов издалека...

Большинство песен Шахрина рождается так же, из житейских наблюдений и размышлений:

Наш гимн жестче, но, быть может, светлей,

За каждой строчкой мы видим конкретных людей.

Одетый на сцене в солдатскую шинель времен гражданской войны, Шахрин не столько артист, сколько рабочий паренек. Эта доподленность особенно убеждает в «Чайфе».

СВЕРДЛОВСКА

РОКЪДА

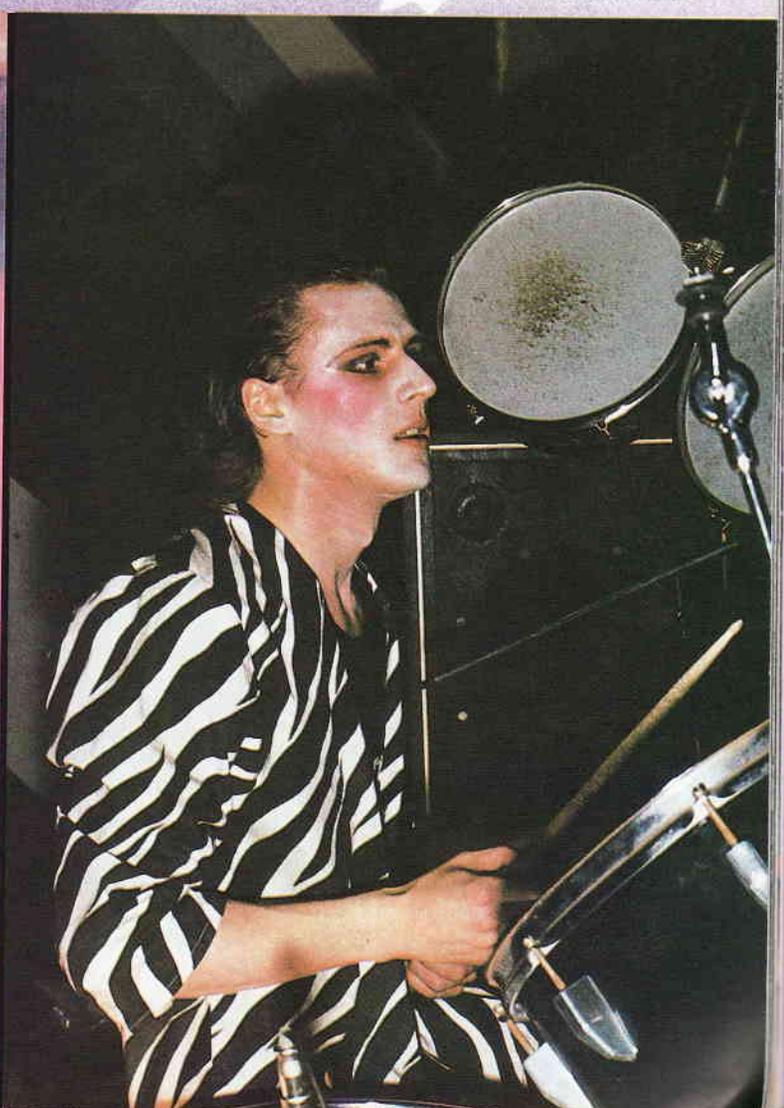
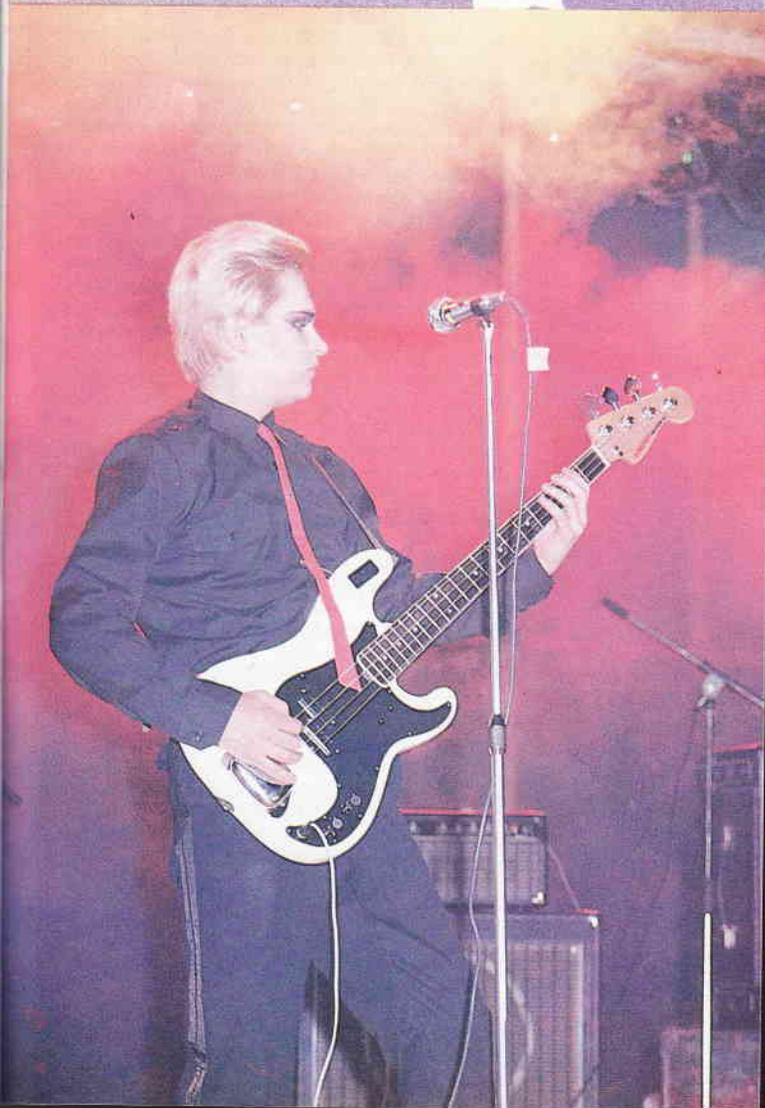
РОК-ЗВЕЗДЫ СВЕРДЛОВСКА

РОК-ЗВЕЗДЫ СВЕРДЛОВСКА

РОК-АДА

Вместе с гитаристом Володей Бегуновым Шахрин учился в школе. Потом приятели окончили строительный техникум и восемь лет работали на стройке. Так же, по принципу «рабочей косточки», подбирались весь состав группы. Недавно пришел еще один гитарист, Паша Устюгов. Барабанщик Игорь Злобин — выпускник лесотехнического института. Исключение — бас-гитарист Антон Нифантьев. Он два года занимался в музыкальном училище имени П.И.Чайковского, но тоже уралец, своей парень.

Внятно и без высокомерия звучат песни «Чайфа» о простой, «нашенской» жизни. Порой представляется: вдоль Сибирского тракта березки выстроились банными венниками, а меж ними мечется обалдевший от тулого труда «царь природы», которому в радость бы показало передохнуть в дурдоме, но не берут: он ведь не металлист, не панк, он — нормальный, хотя, оглядываясь вокруг, сильно в этом сомневается.

Может быть, не оглядываться? Насвистывая в удовольствие — «мне все по фиг, я с покоса» — и думай, что если вчера по пьяни бурлила кровь, то, наверное, это была любовь. Благо, давешняя знакомая не настаивает на иной трактовке высоких понятий. Такой болью за сограждан пронизаны песни «Чайфа», что даже в самых «развеселых» из них, среди частушечной разухабистости не упустишь глубинного смысла.

Общаясь с Шахриным, я, пожалуй, поняла, почему работяги живут хуже, чем жулики. Они, рабочие, хоть и «тертые калачи», но в душе очень наивные. А может быть, так проявляется народная мудрость?

Шахрин был избран депутатом крупнейшего в Свердловске Кировского района накануне перестройки. И сразу же полез с «наивными» вопросами. Какие полномочия у депутата, кроме помочь юношескому спортивному клубу или убрать мусорные бабки из-под окон жилого дома? Зачем нужен в исполкоме отдел культуры, если его работники только и заняты надзирательством и запретительством?

Не добившись толковых ответов, на следующих выборах Шахрин голосовать отказался. Какой смысл выбирать людей некомпетентных, заранее намеченных из тех, кто не станет «возникать»?

В те времена свобода избирательного права трактовалась в нашей стране как всеобщая повинность. Шахрин пошел на скандал, грозивший тогда не столько популярностью, сколько серьезными неприятностями. Так Володя всегда.

Скажите, например, многие ли артисты, выступая в благотворительных концертах, потом проверяют, куда пошли собранные деньги? Никто. Отрекламируют себя очень милосердными и — по домам. А Шахрин интересуется. Почему, к примеру, сумма сборов обычно выходит тысячно округленной, без единичных рублей и копеек? И выясняет, что при переводе со счета одного учреждения-организатора к другому тысячи тоже приходят к месту назначения сильно похужевшими.

Шахрин пока не миллионер, ему бы себе на аппаратуру заработать. Но обидно ему слушать, будто рок-музыканты жадные. Он готов сам организовывать благотворительные концерты. Только

чтобы видны были результаты. Чтобы не телевизор в кабинет директора детского дома купили, а что-то реальное детям.

Но нет, без посредников не обойдешься. Нелзя, оказывается, просто собрать «живые» деньги на концерте даже в присутствии специальной счетной комиссии. А адресаты милосердия не имеют права принять «неучтенный» дар. Вас это не удивляет? Володю — очень.

Он ничего не боится. «Нас, — говорит, — дальше Сибири не сошлешь, круче стройки работать не закажешь».

И в песнях повторяет простые, они же вечные, вопросы, пытаюсь отвечать на них.

Красиво — это Мона Лиза.
Нормально — работа по душе.
Некрасиво — когда ты снизу.
Совсем безобразно — когда «уши в лапше».

В агрессивную утвердительность песни «Это» вклинивается удивленная интонация автора, не претендовавшего сделать открытие, а только определиться в жизни, но с изумлением понимающего, «что все ЭТО на грани запрета».

Еще год назад почти каждая поэтическая строка Шахрина заканчивалась точкой, звучала уверенно. Сегодня появились многоточия, сомнения. Задор начала перестройки сменяется скепсисом при встрече с железобетонной стойкостью тех, кому выгодно заваривать на новый лад, но опять «лапшу на уши». Ощущение, что «они возвращаются», напоминает растерянность влюбленной парочки, «застуканной» взрослыми, как в песне «Чайфа» «Странное утро».

Даже в названиях магнитофонных альбомов «Чайфа» просматривается взлет и спад наступательной решимости: «Жизнь в розовом дыме» (двойной, акустический), «Дерьмотин», «Дуля с маком», «Однажды вечером в Свердловске».

Свое музыкальное направление артисты определяют с юмором: чпок-рок или пост-бит недопанк.

Демократизм отличает «Чайф» и в умении вести беседу с аудиторией в перерывах между песнями. Музыканты обращаются к огромной стадионной аудитории так, будто общаются дома с ближайшими друзьями: «А что, ребята, нормально сидим?» И будет в этом вопросе и задушевность, и незлобивый «пристеб», до которого особенно охоч в группе Володя Бегунов.

Мне кажется, песни «Чайфа» становятся более строгими, скорбными, но и более теплыми. Рок собирает и согревает единомышленников, и Шахрин верит (ну наивный же!), что рок сможет воспитать новое поколение, где будет больше порядочных людей.

Это религия завтрашних дней — они будут толще, мы будем смелее.

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Тем временем свято место последователей «Наутилуса» не остается вакантным. Его занимает «Агата Кристи».

История «Агаты Кристи» началась в 1978 году с ансамбля одной из школ города Асбеста. В 1985 году уже непосредственно предшествовавший нынешней «Агате» состав вынырнул в Уральском политехе под именем «РТФ» — ребята

та учились тогда на радиотехническом факультете. Окончательно группа сформировалась и получила нынешнее название в 1988 году.

Состав группы: Вадим Самойлов (вокалист, гитарист, автор текстов и музыки) и Александр Козлов (клавишник). К ним присоединились младший брат Самойлова — Глеб (бас-гитара, вокал, тексты, музыка), студент Свердловского музыкального училища имени П.И.Чайковского, и барабанщик Петр Май. Профессиональной в формальном смысле группа не является (возможно, какие-то изменения произойдут, пока готовится эта публикация). Самойлов-старший и Май работают инженерами в Уральском политехническом институте. Козлов, врач по образованию, трудится на кафедре медицинского института.

Действительный, не «бумажный» профессионализм музыкантов «Агаты» проявляется в серьезной взыскательности к своему творчеству.

Ребята рассказывают: «Мы начинали тогда, когда дискотеки стали вытеснять «живую» музыку с танцплощадок, но в результате она же и выиграла. Если под музыку не танцуют, нужно, чтобы ее слушали, а слушать — значит думать. Слушая «Пинк Флойд», «Йее», «Генезис», мы учились мыслить категориями, которые не преподают в музыкальных школах. Мы узнали, что, кроме правильной, красивой мелодии и академического вокала, существуют мощные выразительные средства: интонация, дыхание, саунд, динамика, индивидуальность исполнителя. Среди сотен музыкантов мы сразу отличили Ричи Блэкмора, Дэвида Гилмора, Маккартни, Фрэди Меркури. Благодаря лидерам отечественного рока того времени, а ныне ветеранам — «Аквариуму», «Машине времени», «Воскресению» — мы прониклись убеждением, что рок — нечто большее, чем музыка, это — система взглядов.

С 1984 года наша группа начала выпускать магнитофонные альбомы, по одному в год. Каждый из музыкантов имел свой вкус. Программы 1984 и 1986 годов носят промежуточно-экспериментальный характер, в них просматривается процесс «притирки» артистов друг к другу.

Определенный интерес представляет альбом 1985 года «Если», в котором можно найти по крайней мере три стиля, «вытащенных» из европейского рока. Это композиции в духе традиционного хард-рока, несколько помпезный арт-рок и миниатюры во вкусе «новой волны». Своим достижением мы считаем то, что такое разнообразие не воспринимается излишне эклектично. Мы старались придать общему строю музыкального языка конкретность и выдержать единый принцип в гармонии и аранжировке — выполнить все достаточно академично, на основе опыта классической музыки. Хотя почти для каждой нашей тогдашней композиции можно подобрать аналог из зарубежного рока.

Стиль альбома 1987 года «Свет» мы бы назвали «хард вэйв». Здесь произошел сплав хард- и арт-рока на основе языка «новой волны».

Однако своим дебютом мы считаем следующий альбом — «Второй фронт». Только теперь мы осознали, что рок-музыка европейского образца хоть и хороша сама по себе, но не обладает особенностями, характерными для отечественного рока.

В чем сегодня проявляется причастность «Агаты Кристи» к свердловской школе рока? В нашей музыке есть некоторая угловатость, свойственная также «Кабинету», потому что мы знали и любили «Трек». Мы демократичны и раскованны в формах, потому что воспитаны на балладах «Урфина Джюса». Мы стараемся быть чувственными и искренними, как «Настя», потому что нам нравится чувственность и искренность «Наутилуса». Но вместе с тем мы более динамичны и любим гротеск, как «Апрельский марш», потому что мы — группа нового поколения свердловского рока».

Связь с «попсовой цыганщиной» у «Агаты Кристи» еще более откровенна, чем у «Нау». Это заметно в альбоме 1989 года «Коварство и любовь». Поначалу я задавалась вопросом: чем, собственно, меня привлекает композиция «Агаты» «Вива, Кальман!»? Не достаточно ли было бы одного Кальмана без Вадима Самойло-

ва? Вслушалась. Обнаружилась мастерская стилизация в духе австро-венгерской оперетты, выступающая как краска, как эмоция, как намек на прообраз — не более. То же — с «узнаваемой» румбой в «Африканке», с танго в «Танго с дельтапланом» и даже с маршем в финале номера «Крысы в белых перчатках», который, кажется, не мог не звучать в репертуаре духовых оркестров начала века. В последнем случае, надо сказать в пример всем, вдохновлявшимся в своем творчестве маршем «Славянка», «Агата Кристи» осмысливает вездесущий отсвет темы едва ли не лучше классического первоисточника.

«Вива, Кальман!» — ударный номер в репертуаре «Агаты» и в отношении текста. Когда-то в своем поэтичном эссе, ставшем кандидатской диссертацией, внучка Карандаша Наталья Румянцева заметила, что артист, писатель, композитор, воплотивший образ клоуна, обречен на успех. Вспомните «Арлекино» Аллы Пугачевой. Есть в фигуре шута, веселящего толпу, некая тайна, предчувствие скрытой трагедии, которой клоун должен расплачиваться за свое право быть неизменно радостным на людях. «Агата Кристи» лаконично заостряет многовековую легенду о грустных, преступных, развратных вне арены персонажах-весельчаках. У «Агаты» миф взрывается накопившимся унижением героя, который, снимая клоунский балахон, превращается в маньяка-убийцу, впрочем, вполне органичного в толпе кабацкого пльбса.

Тексты «Агаты Кристи» не так совершенны, как у «Наутилуса». Поэтические пробелы компенсирует истовость исполнения. Для современного драматического рок-героя Вадим Самойлов полноват. Он выступает во фраке, который напоминает о тех временах, когда в моде были не только худосочные мужчины. Его фигуру венчает копна взбитых волос, изображающая нечто среднее между панковским гребнем и опереточным коком.

Кому нравятся романтические герои, могут смотреть на Глеба Самойлова, вальяжно сидящего с гитарой чуть поодаль. Он очень похож на брата, но юношеская subtilность подчеркивает изящество черт.

Милейший человек и добрейшая душа, Александр Козлов дополняет зрительный имидж

группы. Его внешность, как говорится, не к ночи будь помянута, и если грубо состричь в адрес его медицинской специальности, то где его вообразить отчетливо, так это в морге потрошителем трупов. Такой эксцентричный разноразличий индивидуальностей выражает сценическое лицо «Агаты Кристи» в целом.

Вы спросите, при чем же тут английская писательница, автор популярных детективных романов Агата Кристи? Эффектность тем, увлекательность сюжетов, напряженность повествования роднят рок и детектив. Музыканты говорят, что данное название определило в группе стремление к общечеловеческим, вечным проблемам, не замыкающимся на злободневной тематике. Артистов интересует духовный мир человека, особенно остро проявляющийся в экстремальных ситуациях, порой обнаруживающийся противоположностью тому, что люди делают на показ. Так происходит в детективе. И в жизни. И в роке тоже.

АНОНСЫ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Надо уточнить, что мои записки о Свердловском рок-клубе сделаны с точки зрения москвички. Я рассказала о наиболее известных в столице коллективах, но есть и другие.

Уверенно марширует по крупным концертным сценам страны «Апрельский марш». Правда, когда свердловчане замечают в «Марше» влияние московских «Нюанса» и «Звуков Му» или ленинградского «Аукциона», мне начинает казаться, что на Урале музыканты показывают нечто иное, чем в столице. В Москве они держатся весьма аскетично внешне, а в поэзии и музыке напористы, хотя чуть-чуть прямолинейны и холодны. Впрочем, свердловчане одобряют «Марш» за его свободу менять пути творчества. Возможно, я встретила с группой как раз на других дорогах.

Недавно возродился «Урфин Джюс». В начале 80-х «Джюс» выпустил три магнитофонных альбома: «Путешествие» 1981 г., «15-К» 1982 г., «Жизнь в стиле «хэви-метал» 1984 г. Затем Александр Пантыкин помогал в работе другим свердловским музыкантам, участвовал в создании «Кабинета». А в начале 1989 года Пантыкин — вновь лидер «Урфина Джюса».

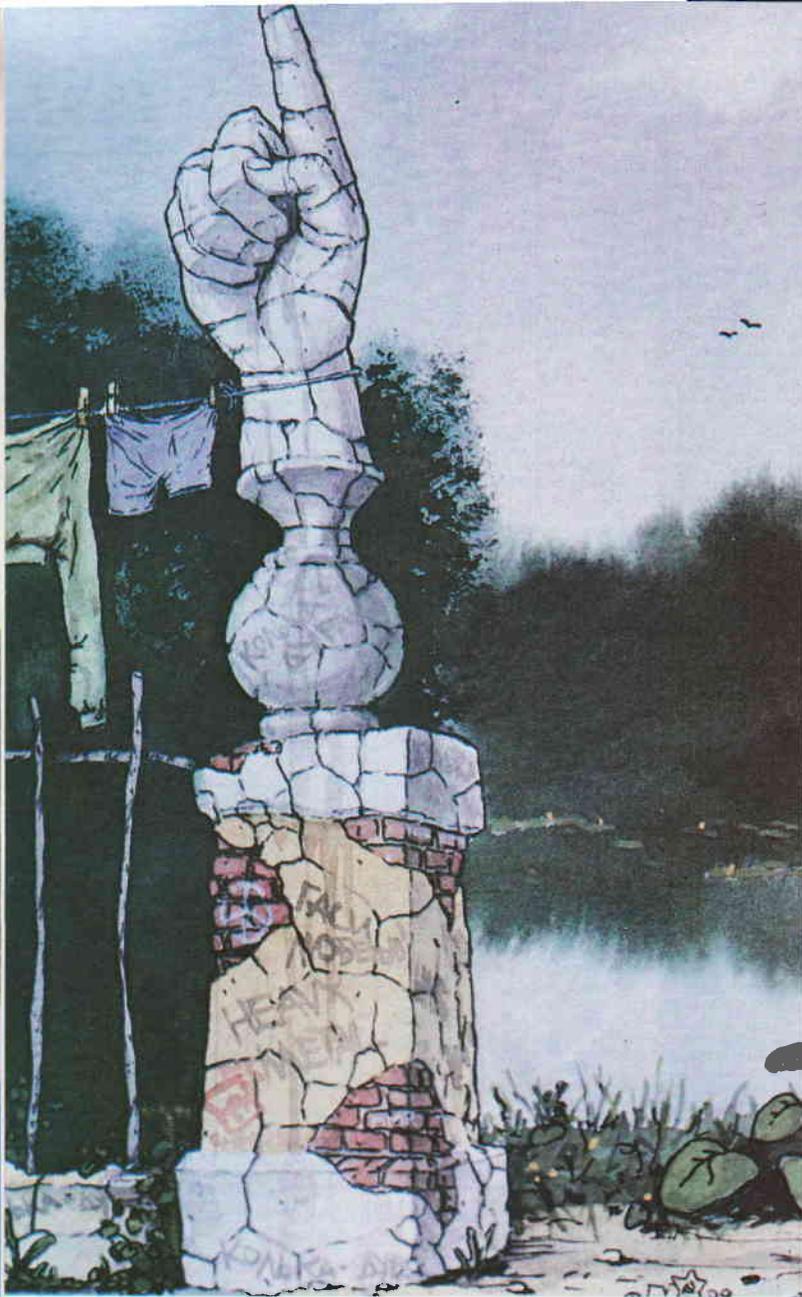
Аж через Ленинград дошли до меня слухи

о появлении даже не в Свердловске, а в его окрестностях — в Верхотурье — замечательной группы «Водопады им. Вахтанга Кикабидзе». Ленинградцев, норовящих вопреки собственным заветам того и гляди оторваться от корней, взбодрило в «Водопадах» напоминание о том, что перебор с парным мясом в магазинах Чикаго не могут стать самым страшным известием для советского человека. Песни «Водопадов» густо присыпаны потолочной штукатуркой и проникнуты иронией граждан, привычных к постоянному отсутствию не только горячей, но и холодной воды, людей, которые рады появлению в продаже картошки, будь она хоть целиком из нитратов. Впрочем, сами свердловчане подчеркивают, что «фольк-рок-панк шоу» «им. Вахтанга Кикабидзе» надо видеть.

Телезрители уже начинают привыкать часто встречаться на экране с Игорем Скрипачем, вокалистом, бас-гитаристом и автором композиций группы «Кабинет». История музыкантов «Кабинета» уходит в пред-«Сонансовы» пробы свердловского рока. Хотя годом создания группы считается 1986. Правда, на мой вкус, авангардные разработки «Кабинета» излишне перетянуты на музыку в ущерб поискам самобытности зрелищного имиджа и слова. Свердловчане склонны находить в текстах «Кабинета» специфические черты рок-поэзии, которая, по их мнению, может быть «по-хорошему необязательной». На мой взгляд, необязательность — в принципе отрицательное качество. И нечего говорить, что хороший видеоклип способен компенсировать издержки поэзии. В конце концов хороший видеоклип может «вытянуть» и плохую музыку. В этом смысле «Кабинету» не стоит прибедняться, достаточно увенчать крепкую творческую базу буквально несколькими завершающими штрихами.

«Группа Настя Полевой», ныне именуемая просто «Настя», образована в 1987 году. Свердловчане считают, что «Настя» — уникальное явление в роке. Песенная сцена изголодалась по яркой молодой солистке. Свердловчане подбрасывают на весы в пользу Настя то, что «у нее очень своя музыка, очень свой голос, очень своя манера пения». Показательно, что Полевою высоко оценивают специалисты по всей стране, а ведущие свердловские рок-музыканты охотно сотрудничают с ней, вероятно, не только из мужской галантности и из-за доброжелательной атмосферы в рок-клубе. Ее первый магнитофонный альбом «Тацу» известен звучавшими по радио песнями «Вниз по течению неба» и «Клипсо-калипсо». В этой девушке определенно что-то есть, как есть что-то в десятках других свердловских рок-групп, о которых я не успела даже упомянуть. Однако, думаю, имеется серьезная вероятность, что кто-то из них вскоре станет новой звездой.

Н.ТИХОНОВА,
кандидат искусствоведения

«...Когда ты на самом дне,
даже сточная канава
может показаться дорогой наверх...»

Пит Тауншенд

«С моей точки зрения,
наибольшая опасность
заключается не в тех людях,
которые хотят заткнуть рот
нашим группам,
а в открывшихся
новых коммерческих возможностях...»

Арт. Троицкий

Без прошлого нет настоящего, а тем более — нет будущего. С таким прошлым, как у нашей отечественной рок-музыки, сегодня можно было бы выстроить белокаменный дворец, а в недалеком будущем — воздвигнуть золотые храмы. Но пока даже блочного дома не собрать для проживания побитых жизнью рок-ветеранов и их престарелых родителей.

1. «ВЫ НАМ ПИСАЛИ»...

В те славные времена, когда в цирке на Цветном бульваре выступали настоящие китайские фокусники, а маленькие девочки носили уродливые фетровые шляпы, шоколада и шоколадных конфет было завались. „Золотой ярлык“ и „Серебряный“, большие и маленькие коробки с „Лесным орехом“ и с бегущим в роковое будущее красным оленем. Вокруг чайного домика на Кировской и углового кондитерского на Чернышевского витал таинственный сладковатый запах. С годами шоколадный аромат слабел, количество сортов конфет сокращалось. Пористый шоколад „Сказки Пушкина“ с удручающей последовательностью всего ныне происходящего действительно перешел в разряд мифа, которым наши дети будут наслаждаться при чтении ностальгических книг пафосных шестидесятников.

Что же случилось с шоколадным изобилием? Отвергая рассуждения о кризисе производства какао в далекой Бразилии, о старом оборудовании кондитерских фабрик СССР и нехватке рабочих рук, остановимся на одной, достаточно спорной, но привлекательной идее... **ДЕФИЦИТ ШОКОЛАДА В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ МЫ ОБЪЯСНЯЕМ ТЕМ, ЧТО ВСЕХ ИМЕЮЩИХСЯ В НАЛИЧИИ РОК—МУЗЫКАНТОВ СТРАНЫ ОБЛИЛИ С НОГ ДО ГОЛОВЫ СЛАДКОЙ КОРИЧНЕВОЙ МАССОЙ.** В первую очередь — представители прессы. Превращение гитаристов, вокалистов и т.п. в сувенирных зайцев неукротимо продолжается, вследствие чего надежда выпить чашку натурального шоколада или купить пачку какао в магазине для простых смертных становится все более призрачной.

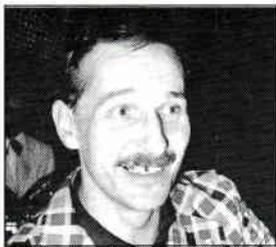
В оригинальном кондитерском цеху среди новобранцев на славу трудятся и те, чья рука в недавнем прошлом при слове «рок» тянулась к дежурному ведру с помоями. Достаточно взглянуть в папки с газетными вырезками, собранными за последнее десятилетие безымянными рок-архивариусами, чтобы впасть в недоумение по поводу мгновенного перерождения, скажем, журналиста А.Налоева. Когда было приказано, он вовсю клеймил рок (особенно тяжелый) на страницах еженедельника «Собеседник». Сегодня добродушный малый спокойно печатает рок-энциклопедию на новом месте работы... И воспоминания о том, что в Ленинграде докооперативными умельцами были сделаны значки «Рок против Налоева», его ничуть не тревожат.

Интересная метаморфоза случилась и с Ю.Филиновым — автором скандально известной статьи «Барбаросса рок-н-ролла», давшей в 1984 году серьезные козыри противникам рок-культуры на всех уровнях бюрократического аппарата. Однако года через два Ю.Филинов внезапно изменил свою точку зрения, перекувырнулся через голову, как Ивашка в русской народной сказке, и стал не козленочком, а защитником рок-н-ролла. Произошло перестроечное раздвоение личности: тень осталась в барбароссовском прошлом, само тело переместилось в настоящее, где гонимый ранее рок считается «музыкой в законе». Был написан сценарий фильма «Рок». Затем Ю.Филинов заявил себя как автор программы «В роке только девушки и ... не только в роке».

Поговорка «Кто старое помянет, тому глаз вон» потеряла свою реабилитационную прелесть в наше время. Она не работает.

Музыка Грядущая По Имени Рок

(суховатая на вкус, но поучительная история)

Двуликость профессионально работающих журналистов не может не привести к печальным размышлениям. Путь к свободной оценке тех или иных событий и направлений в искусстве до недавнего времени был прочно забаррикадирован. Теперь внешне ситуация изменилась, но, зная бесхребетность официально работающих авторов, можно без труда предсказать, какую позицию займут эти люди в случае нового сигнала к массированному налету на рок.

Пока же публикациям с ярко выраженной точкой зрения автора теоретически предоставлен режим наибольшего благоприятствования. «Теоретически» потому, что в данном случае теория практикой не подтверждается. Рекламно-сюсюкающие статьи о рок- и поп-группах занимают львиную часть так называемых «критических материалов». Журналисты теперь не высказывают даже и пары замечаний в адрес той или иной группы, исполнителя или рок- и поп-события. Мало-мальски негативный материал наверняка будет расценен самими музыкантами или организаторами концертов как злонамеренный выпад врага. Решивший сказать свое слово журналист рискует испортить отношения с «тусовкой». Столичная пресса более всего преуспела в похлопывании брата-рокера по плечу.

НЕЖЕЛАНИЕ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ И УСУГУБЛЯЕТ ШОКОЛАДНЫЙ ДЕФИЦИТ

Главным мастером по обмыванию музыкантов и иже с ними сладкой массой выступает широкочитаемый «Московский комсомолец» (рубрика «Звуковая дорожка», которая выглядит копией рекламного дешевого коммерческого листка). Справедливости ради отметим, что попытка как-то измениться и запеть по-новому ведущим «ЗД» Д.Шавыриным предпринята все-таки была. В «МК» от 28 августа 1987 года он опубликовал письмо инженера Молчанова, которому не понравилось творчество группы «Звуки Му». Московская рок-лаборатория, постоянно ратующая за демократию, встала на дыбы. Уверения Д.Шавырина в том, что злополучное письмо инженера — всего лишь приглашение к дискуссии, потонули в поднятном фанатами великолепного Пети Мамонова визге. «ЗД» вобрала голову в плечи и занялась фабрикованием обычных леденцов. Акт «местного» мужества Шавыриным совершен все-таки был — он защитил группу «Бригада С» от произвола московских органов культуры... Но просмотрел более важную для нашего дела вещь — замалчивание итоговых документов рок-дискуссии на форуме творческой молодежи в декабре 1986 года. После баталий в «Метелице» и нескольких встреч на нейтральной почве в МГК ВЛКСМ был представлен проект Рок-центра, учитывающий интересы всех категорий музыкантов и рок-культуры в целом. Документ исчез под сукном. Никто о

форуме больше и не вспомнил, хотя комсомольцами было обещано опубликовать результаты встречи, проходившей на Калининском проспекте.

**МЫ ПРЕДЛАГАЕМ «МК»
ПЕРЕСТАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ
ЕРУНДОЙ
И ПРОВЕСТИ ИЗЯЩНОЕ
ЖУРНАЛИСТСКОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ
В СТИЛЕ РОК**

Среди авторов, пишущих о современной культуре, особыми заслугами выделяется Артем Троицкий — фигура почти мифическая для многих подросших любителей рок-музыки. Будучи по натуре любителем авангарда и всего нетрадиционного, Троицкий умело обращается со словом и демонстрирует косноязычным собратьям по цеху редкостную свободу в умении обращаться с материалом. Словом, он — эрудированное дитя второго поколения околороковинок, пишущее в независимой манере среднего американского журналиста.

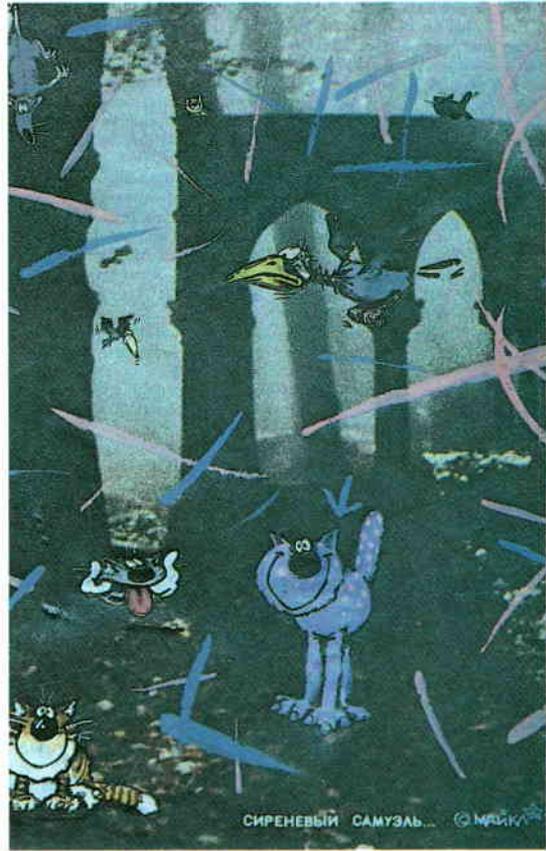
До шоколадного бума Артем дал блестящую рецензию на диск А.Градского «Русские песни», мастерски приложил «Верасов» (несмотря на то, что их «Малиновку» распевала вся невзыскательная Россия), неоднократно выступал в защиту тогда «подпольных» групп. Но его нашумевшая на Западе книга «Back in the U.S.S.R.» вызвала у людей, не связанных никакими обязательствами или обещаниями с «тусовкой», чувство честного недоумения. Сегодня пресытившиеся своей музыкой западники в поисках новых острых ощущений и «казацкой» экзотики поворачивают кочаны своих голов в нашу сторону. Они готовы переварить любую информацию о русских. Они в принципе весьма смутно представляют себе, что такое русский рок. Момент блаженного неведения потребителей на новом, дорогом, рынке дает возможность выгодно продать даже максимально субъективную и неточную по фактуре историю развития альтернативной молодежной культуры.

Троицкий выигрывает матч, советский рок его проигрывает, у милейшего Запада на вымытых ушах висят макаронные изделия, именуемые в народе «лапшой».

2. «УР ЛАЙТ» — ЛАЙТ ИЛИ НЕ ЛАЙТ?

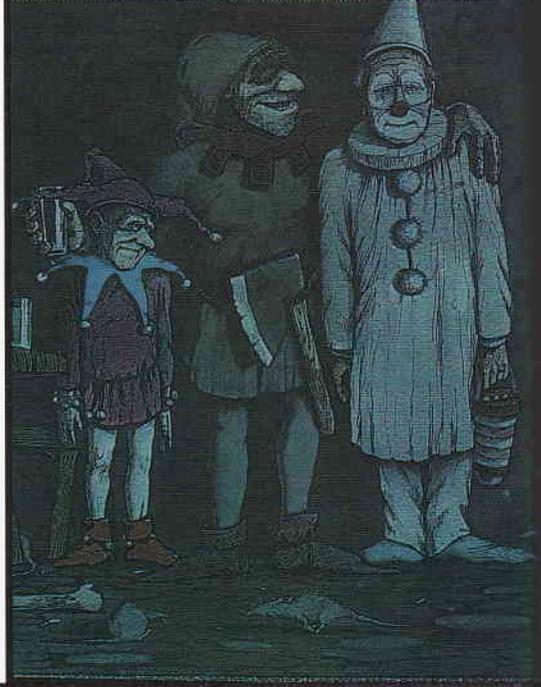
Пресса, получившая название «подпольной» («андеграунд пресс»), обычно противопоставляется прессе официальной. Ей по статусу положено быть максимально раскрепощенной, изобилующей максималистскими суждениями авторов.

В Москве солидным противовесом «мажорской» прессе выступает «Ур Лайт», из-за ограниченных технических возможностей имеющий весьма скромный тираж. Благодаря взрастившим его нестандартно пишущим и мыслящим гражданам журнал стал показателем настроений той части рок-интеллектуалов, которая не принимает официально признанный коммерческий рок и поддерживает неортодоксально мыслящую музыкальную братию.

Однако в своей приверженности рок-нон-конформизму «Ур Лайт» порой заходит так далеко влево, что рискует выскочить справа. Мы не собираемся ставить под сомнение честность и истинно роковый дух любимых журналом некоммерческих групп. Не подложит сомнению и конъюнктурная ориентация коммерческих коллективов. Но оценка профессионального уровня музыкантов в журнале далека от объективности. Весело раздавая тумачи, урлайтовцы выплескивают с водой и ребенка. По самым скромным подсчетам, выплеснутым оказался уже целый детский сад. То вещество, которым «Ур Лайт» украшает своих героев, из-за скудности денежных средств не может быть шоколадом. Это — банальное яблочное повидло. Профессионалам от «Ур Лайта» достается то же повидло, только сильно прокисшее.

ПОДВЕДЕМ НЕБОЛЬШОЙ ИТОГ: официальная пресса не свободна в своих оценках и суждениях о рок-музыке. Неофициальная — свободна настолько, что окончательно закабалила себя своим же фрондерством. Третьего пока не дано.

3. «ЧТО ЛЕЖИТ НА ПОЛЕ БРАНИ? — ТОЛЬКО МАКЮШКИ И МАНИ»...

Размахнувшись, кооперативное движение снесло полчерепу отечественному року. И той его части, которая ходила в шоколаде, и той, что обмазана яблочным повидлом.

Большая часть представителей подпольной прессы радостно приветствовала появление безумного количества концертных кооперативов. Причина радости была проста, как нота «до» первой октавы: тем самым наносился приличный удар ненавистной для «левых» филармонической системе и министерствам культуры. Последствия такого удара подпольных идеалистов не интересовали. Подсознательно срабатывала формула: «движение — все, конечная цель — ничто».

Официальная музыкальная пресса в Москве не обратила на начавшийся концертный бандитизм внимания.

Кооперативы и растущие, как грибы, молодежные центры занялись бешеной эксплуатацией рок- и поп-звезд. Те, в свою очередь, ошалев от избытка всегда дефицитного для рока кислорода, решили заработать деньги (которые им не дали заработать во времена антирокового террора и которые им могут не дать заработать в будущем).

Расторопные организаторы выплеснули на стадионы несусветные по набору концертные программы, в которых в качестве «обезьяны» (группа или исполнитель, обеспечивающие аншлаговые концерты — А.Л.) выступают одна-две популярные рок-группы. Цены на билеты перевалили далеко за общедоступный для молодежи «трояк», о рекламе никто особенно не заботился и не заботится. Многие концерты озвучивались и озвучиваются чудовищной по качеству аппаратурой, договоры на проведение концертов составляются с явным незнанием юридических вопросов.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ДЛЯ ТЕХ, КТО УМЕЕТ СЧИТАТЬ. В г. Витебске, население которого — около 300.000 человек, действуют 4 концертные организации: филармония, кооператив при филармонии, молодежный центр (с правом концертной деятельности), зал «Амфитеатр» (также с правом концертной деятельности). Кооператив, надеясь на сногшибательные барыши, «заявляет» 10 концертов групп «Автограф» и «Ария» на 5-тысячном стадионе. Конкуренты тут же анонсируют «Ласковый май» и М.Боярского. Город, в который раньше и рок, и попс не допускался вообще, испугался налета, «ошизел» и засел в окопах...

Москву закормили попсом и роком так, что и то, и другое лезет из ушей. Стадионы за стадионами, фестивали за фестивалями. **ДЕВАЛЬВАЦИЯ РОКА ОЧЕВИДНА. ПОНЯТИЕ „РОК—МУЗЫКА“ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ЗАМЕНИТЬ ПОНЯТИЕМ „РОК—ПРОСТИТУЦИЯ“,** ибо подобной продажи себя история культуры еще не знала.

Неоконченное или с трудом законченное высшее образование, недооценка знакомства с диалектикой сыграли с рок-музыкантами злую шутку: посещаемость много-

численных дорогих концертов резко упала, кооперативы при такой организации «пролетают» на десятки тысяч, работать на гарантированной оплате группам все труднее. Подъем сменился естественным спадом — всеобщая свадьба-пьянка обернулась на утро похмельным бракоразводным процессом.

Пока материал готовился к печати, появились доказательства роста самосознания музыкантов — группы «Машина времени», «СВ» и «Шанхай» отказались работать в концертах «МК» в Спорткомплексе «Олимпийский» 28 мая сего года в связи с плохой организацией празднования 30-летия «Битлз».

Вследствие перенасыщения музыкального рынка и эксплуатации одних и тех же имен ради твердой прибыли, появилось огромное количество безработных музыкантов. Но такая безработица не волнует ни органы культуры, ни профсоюзы. Не существует и организации, которая смогла бы отстаивать права рок-музыкантов, вовремя «тормознуть» их. Судя по наблюдениям, такая структура просто не может существовать, т.к. она должна была бы защищать музыкантов от них же самих. Шизофренический, но справедливый поворот.

Май 1986 года принес с собой рок-эйфорию. Первое событие в Москве такого рода, как «Рок-панорама», проведенная почти на 100% — легальной основе, дало возможность некоторым оптимистам начать разговор о якобы происходящем формировании рок-движения. Последовавшее за «Панорамой» создание рок-клуба при Гагаринском РК ВЛКСМ наглядно подтверждало правоту прогнозов. Далекие от бумажного крючкотворства музыканты окрестили клуб «московским», наивно полагая, что сам факт проживания в столице дает им такое право. Однако МГК ВЛКСМ так не считал: районный есть районный, будь вы трижды рокерами-интернационалистами, сингапурцами или намибийцами.

Настороженную реакцию создание клуба под председательством А.Градского вызвало и у групп, гордящихся своим неофициальным положением. Зарождающаяся консолидация профи была ими расценена не иначе, как покушение на жизнь и творчество. Существует документальное подтверждение изобретения Московской рок-лабораторией новой разновидности китайского бумажного тигра — письмо следующим адресатам: Отделу пропаганды и агитации МГК КПСС; Редакции газеты «Советская культура»; Редакции газеты «Московская правда»; Редакции газеты «Московские новости».

В письме, в частности, говорилось: «Второй социальной группировкой (к первой группировке своих врагов рок-лаборатория отнесла «подпольные» журналы, занимающиеся пропагандой исключительно неортодоксального рока — А.Л.), заинтересованной в уничтожении лаборатории, можно считать ряд участников профессионального рок-клуба, организованного при Гагаринском РК ВЛКСМ. Много лет люди, работавшие в концертных организациях, были монопольными владельцами и хозяевами

сферы популярной музыки. Существующие в этой сфере принципы взаимоотношений между администрацией концертных организаций, средствами массовой информации (радио, ТВ, пресса) гарантировали **БОГАТЫМ ЛЮДЯМ** (выделено нами — А.Л.) бесконтрольное господство и процветание...» (С письмом можно ознакомиться в архивах Московской рок-лаборатории, в журнале «Ур Лайт» N 3/21, в архивах президента рок-клуба А.Градского. — А.Л.)

Подобной подлой акции история нашего рока с 1965 года не знала. Идея написать донос на конкурентов не пришла в голову даже ненавистным рок-лаборатории ВИАшникам, когда их стали вытеснять рокеры. Но самое трагическое в истории с письмом другое — его подписали не только запуганные призраком профи «лабораторские» музыканты. Донос подмахнули А.Троицкий — он одновременно являлся членом правления преданного анафеме рок-клуба, и поэт-весельчак А.Елин (тоже, кстати, член правления того же Клуба, правда, впоследствии от своей подписи отказавшийся). Они подписали бумагу против самих себя.

Появление такого пасквиля поставило под сомнение стремление рок-музыкантов к единению. Тем более что рок-клубы других городов никак свое отношение к истории «рок-лаборатория против рок-клуба» не обозначили.

Однако надежда на союз все-таки сохранялась на протяжении подготовки к следующей «Рок-панораме».

Анализируя события с января по декабрь 1987 года, можно сделать однозначный вывод: в начале года в Москве складывалась сверхблагоприятная обстановка для рок-революции. Бюрократическая верхушка пресловутых органов культуры неожиданно сделала поворот на 180° и обратилась лицом к низам. Бывший тогда начальником Управления музыкальных учреждений ГУКа Баев А.И. лично явился в рок-клуб и с готовностью выслушал претензии музыкантов. Затем он дважды принял у себя представителей правления рок-клуба, обещал «рассмотреть, обсудить, оказать содействие»... Зам. министра культуры РСФСР Жукова Н.Б. совершила головокружительный, с точки зрения аппаратчиков брежневской формации, поступок — посетила исторический «хэви-сэйшен» в зале МГИМО (суперсостав «Арии», «Магнетик Бэнд» и Г.Грапс, «Черный кофе») и по-перестроечному общалась с рок-общественностью. После этого демократические хождения в народ прекратились. Чиновники поняли, что рокеры любят пускать дым, но не огонь...

Драматическая история «Рок-панорамы - 87» заслуживает отдельного разговора. Скажем пока одно: это событие окончательно подтвердило отсутствие единого стержня в рок-движении, хотя и примирло московских профи и антипрофи. Инфантилизм музыкальной и околмузыкальной прессы, отсутствие у музыкантов желания понять друг друга на более высоком уровне, чем обычная «тусовка», алчность и беспринципность почуявших добычу менедже-

ров — таков невеселый итог пострадавшего московским рок-клубом события.

После «Панорамы—87» отдельные рок-деятели еще делали попытки хоть как-то слепить, склеить развалившийся на глазах горшочек с маслом. Но — парадокс! — оказалось, что у рок-массы нет лидера, нет общих целей и задач. Не сработало биологически оправданное желание «выжить» общими усилиями. Пафос президента рок-клуба А.Градского, обещавшего много всякого разного собратьям по цеху и ждавшего от них действенной поддержки, реального подтверждения не получил. Не каждый гений может быть вождем...

Правление клуба расплодилось — каждый по своим углам, и каждый занялся персональным коммерческим делом: А.Ситковецкий создал творческое объединение «Автограф», В.Векштейн пошел по его стопам, М.Аничкин вошел в творческий альянс с Ю.Чернавским и варганит свой проект, А.Троицкий пишет книги и то и дело пересекает в разных направлениях границу СССР, А.Елин обзавелся тремя собственными группами и отрекся от ставшего некоммерческим хэви-метал. О Стасе Намине знает весь цивилизованный мир. Мы относимся к его деятельности сдержанно, а к меню и ценам в «Хард-рок-кафе» в его центре резко отрицательно. Ованес Мелик-Пашаев сколотил весьма сомнительную по деловым качествам «Рок-организацию». Только у А.Градского и М.Пушкиной «своего дела» до сих пор нет. Итак, МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПОБЕДИЛА НЕДОНОШЕННЫЙ БУНТ. Герои несостоявшегося рок-движения наверняка не отказывают себе в чашечке шоколада на завтрак.

4. «ВЫ ЖЕРТВОЮ ПАЛИ...»

Уже сегодня можно смело начинать составление списка жертв пророковой мышеловки. Хотя всех мелких мышат устанешь жалеть, «Наутилус Помпилиус» жаль до слез. Судьба свердловской рок-группы, с которой кондовый российский шоу-бизнес сыграл в сказку «Колобок», вызывает острое желание заловить где-нибудь за кулисами группу «Агата Кристи» и устроить им субботнюю порку по дореволюционным понятиям. Драть и приговаривать: «Не делай, как «Нау»! Не делай, как «Нау»!

Существует такая штука — соковыжималка. Наблюдая за процессами в нашей массовой культуре, предлагаем переименовать агрегат в «роковыжималку» или «попсовыжималку»... Прием получения сырья для работы аппарата прост — менеджеры «отслеживают» коллективы на концертах. Группа должна производить впечатление «готовой» — по программе, по имиджу. Пока никому не пришла в голову мысль вложить в кого-нибудь деньги... Все, кого мы видим и слышим, относятся к категории «селфмейд». Нежелание тратить средства на выращивание талантов объяснить не-

сложно — у нас отсутствует система контрактов «продюсер-исполнитель». Человек, готовый вложить десятки тысяч в группу, не уверен, что после получения статуса «звезды» музыканты не сделают ему ручкой и не уйдут к другому, как неверная жена. Вложенные денежки не успеют обернуться прибылью. Появление отдельных представителей так называемой «эстрады ужасов» (фонограммных мальчиков и девочек) дает основания предполагать, что их «выводом в люди» занимается если не секретная фирма, то пара заинтересованных авторов. И между «жертвой» и «раскрутками» существуют определенные финансовые отношения, а может быть, и социально-бытовая зависимость.

Как правило, сложившийся коллектив берет в оборот, когда он находится в наилучшей форме, и выбрасывают — как только интерес к нему начинает снижаться. Часто снижение интереса происходит не потому, что группа действительно теряет заряд, энергию. Просто на первых порах ее успешная деятельность может не подкрепляться появлением в хит-парадах наиболее читаемых газет и на экранах ЦТ. На самом деле отсутствие той или иной группы или исполнителя в хит-параде говорит гораздо больше, чем присутствие в нем. Музыка многих «нехитовых» коллективов действительно представляет ценность в отличие от занимающих первые и вторые места идиотских трехаккордовых песенок...

Неизменно более сильной магией обладает телевидение. Рок иногда высовывает уши и кончик хвоста в программе «Взгляд», хотя ведущие этой популярной программы отдают предпочтение «газетному» направлению в творчестве музыкантов. Так, по оценке экспертов, неоднократно показанная на экранах ТВ группа «Окно» представляет собой не рок, а «дуркующую» агитбригаду.

«Музыкальный лифт» не оправдал надежд, застрял на первом этаже телецентра. Убогость снимаемых А.Комаровым и Д.Маматовым номеров породила в народе оскорбительные для честных телевизионщиков слухи о финансовой нечистоплотности «лифтерских» дел. Народ у нас действительно чрезвычайно подозрителен в том, что касается чужого кармана.

«Музыкальный ринг» Ленинградского телевидения, при всей очевидной незрелищности Т.Максимовой, на первых этапах позволял верить в возможность телевизионного рок-апофеоза, но... Но тот могучий червь, который сидит в каждом из нас и на языке рок-тусовки означает «совковое мышление», сделал из аппетитного на вид яблока негодный к употреблению пищевой отход. Достаточно вспомнить «альтернативный» «Ринг», «прямой эфир» которого репетировался два дня. Волею очаровательной ведущей в кучу были свалены «кони, люди»: «Вежливый отказ», «Джунгли», «Игры»,

«Центр» и, наконец, «Звуки Му»... Сработала тривиальная истина — количество не определяет качество. Безумно жаль ленинградские «Джунгли» и московский «Отказ»... Понять, что это за диковинные звери, в максимумском винегрете было невозможно.

«Ринг» с участием С.Минаева, «Рондо» и еще кого-то вообще был превращен в ставшую модной на ТВ рекламную пасту с дрессированным петухом в придачу. Все происходящее на ринге то и дело обозначалось словом «рок», хотя именно к нему-то никакого отношения не имело. Первое место в этой телепередаче, несомненно, заняли телезрители: по дебильности задаваемых ими вопросов. Складывается впечатление, что люди с нормальной психикой и уровнем развития не смотрят отечественные музыкальные передачи. А если и смотрят, то никуда не звонят. А если и звонят, то по «03», чтобы врачи скорой помощи помогли им не получить инфаркт от процветающего в культуре и искусстве дилетантизма...

х х х

Общество слушает ту музыку, которая соответствует его экономическому, духовному и политическому состоянию. Разброд и шатание в области музыкальных привязанностей большей части молодежи подтверждают нестабильность ситуации в целом. В памяти еще живы картины мощнейшего единения вокруг групп софрока, тяга к утверждающему силу и стойкость «хэви». Это отражало мощнейший накал страстей застойного и постзастойного периодов нашей жизни.

Альтернатива шоколадно-коммерческому поп-року еще не созрела. Уставшая от реальных перемен и временных трудностей, молодежь слушает «поросычий» поп и желает танцевать. Феномен «Ласкового мая» мы объясняем всеобщим недомаганьем, хронической безвкусицей масс-медиа и тех, кто отвечает за «развитие» культуры, вековым умилением простого люда убогими и сиротами. Для вящего удовольствия данной категории публики предлагаем Всесоюзной фирме «Мелодия» выпустить серию пластинок с записями поездного фолька, исполняемого инвалидами и попрошайками...

А ПОКА —
КОНЧИНА ГРАЖДАНИНА
ПО ИМЕНИ РОК
СОСТОЯЛАСЬ УЖЕ СЕГОДНЯ.
ПРИЧИНА СМЕРТИ:
НЕУМЕРЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
ШОКОЛАДА
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ.
А М И Н Ь .

А.ЛАВРОВ

«Думаю, что поп-музыка сделала для развития устного общения гораздо больше, чем что-либо происходившее когда-либо, и наоборот».

Фрэнк Залпа

«Если это был не выход, то где же выход?»

Рок в кинематографе начинался множеством малоформатных фильмов, снятых по преимуществу студентами-дипломниками: «Шесть писем о бите» (главный герой — «Машина времени»), «Иванов» (о Гребенщикове и «Аквариуме»), «Йа-ха-а» (о Цое и «Кино»), «У меня нет друга» (действующие лица — Егор Белкин и Вячеслав Бутусов), «Стоит лишь тетиву натянуть» (эпизоды из жизни музыкантов и их поклонников). Все это работы ученические, не заслуживающие подробного разговора, хотя необходимо отметить, что именно молодые люди предложили рок-тему кинематографу.

Первой широкоформатной ласточкой стал «Рок» (сценарий Ю. Филинова, режиссер А. Учитель) — фильм, созданный для успокоения обывателей: смотрите, эти уродцы работают, и у них могут быть дети. «А чтоб иметь детей, кому ума не доставало». Спите спокойно, дорогие сограждане...

На видеомагнитофонах тем временем крутятся завозные «Рок вокруг Кремля» (Франция) и «Серп и молот» (Финляндия). Взгляд со стороны формирует контрапункты: Красная площадь, развод караула, «портреты великих вождей» — неподалеку бритые под ирокезов или римских легионеров панки, расписанные кустарно под барокко «металлисты», замшелые ортодоксы хиппизма в волосах и стеклярусе. Что ж, для поустороннего взгляда — недурно. Гораздо живее нашего, да и речь о деле, а не о семьях. Кабы еще финны под словом «рок» не подразумевали Стаса Намина... Но это уже наши внутренние разборки.

И вот один за другим появляются на наших экранах художественные фильмы, главными действующими лицами которых становятся рок-музыканты: «Взломщик», «Трагедия в стиле рок», «Диск-жокей» и другие. Почему-то если в кинофильме использована джазовая или симфоническая музыка, то никто не устраивает слетов-симпозиумов на тему «Симфонизм в киноискусстве» или «Джаз и кино». Если же зазвучит рок или покажут фрагмент концерта — дискуссия немедленно организуется. Это свидетельствует о том, что рок — вещь чрезвычайно животрепещущая.

Наконец, «Асса». Наконец — потому что снимает фильм всем известный Сергей Соловьев. Наконец — потому что сняты лучшие рок-силы (Гребенщиков, Цой, Рыженко). Наконец — потому что показ «Ассы» решено воздвигнуть на рельсы большого бизнеса. Наконец — потому что этого сделать долго не удастся и разражается крупный скандал. Директор кинотеатра «Ударник», в котором должен быть по-

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

казан фильм в интерьере из рок-концерта, живописи авангардистов и поэтических тусовок, уверяет, что древнее здание не вынесет массивной рок-культурной атаки и обрушится на инородное тело в отечественном искусстве свой потолок. А Сергей Соловьев, напротив, утверждает, что его фильм, а также сопутствующие экспонаты станут материальной кариатидой ударниковому потолку.

«Винт — лучшая реклама» — под таким девизом протекала жизнь наших музыкантов еще год-два тому назад. Скандал вокруг потолка действительно оказался лучшей рекламой, чем многочисленные афиши, майки, трусы, значки, плакаты, сообщения средств массовой информации, пущенные в оборот предпринимчивым режиссером.

«Съезжались к ЗАГСу трамвая, там красная свадьба была» — так выглядела декада «Ассы» в ДК МЭЛЗ. Правда, многие, порезвившись на концерте и растеряв остатки боевого задора в авангардных лабиринтах, не дожили до фильма. Их интересовали живые участники, а не кино модели. Бог им судья.

Обилие рекламы — обилие прессы. Сила действия равна силе противодействия. Рецензенты ринулись в бой против «Ассы» с разных плацдармов. Консервативные немедля осудили Соловьева за альянс с рок-культурой, прогрессивные — за то, что альянс не состоялся.

Попробуем посмотреть на «Ассу» с двух точек зрения. Сначала просто как на фильм. Мне

кажется, что Сергей Соловьев подсознательно снимал произведение-предупреждение под внутренним лозунгом: «Руки прочь от Татьяны Друбич». Справка для непосвященных. Внешний сюжет «Ассы» сводится к непрявенно любовному треугольнику: главарь крымской мафии папик (читай — отец) Крымов — его возлюбленная Алика («все они алики» — читай Вампилова) — экзотический фрукт Бананан. В жизни исполнительница роли Алики, едва ли не самая красивая актриса советского кино Татьяна Друбич, является женой мэтра (подза читай — отца) этого самого кино Сергея Соловьева.

Горестный реалистический финал картины (не берем второй, фальшивый, где новоиспеченный носитель добра Алика довольно-таки зверски расправляется с человеком, выстроившим ее судьбу, и, следовательно, добро торжествует) — смерть Бананана — в подсознательном своем выражении гласит: «Так будет с каждым». Поэтому рекомендую всем освоить мою концепцию (фильм — предупреждение) и не создавать лишних геометрических фигур в пространстве.

При этом сам Соловьев, очевидно, полагал, что снимает фильм, в котором старая история будет рассказана новым и страшно модным рок-культурным языком. Иными словами: хлипкий, сопливый, внутренне неадаптированный к социуму Бананан навлечет на себя гнев мощного воротилы Крымова и победит, погибнув. В России победить может только изгнанник или мертвец. Так Соловьев отдает дань русской традиции, хотя вообще-то картина снята в западной стилистике (операторская работа,

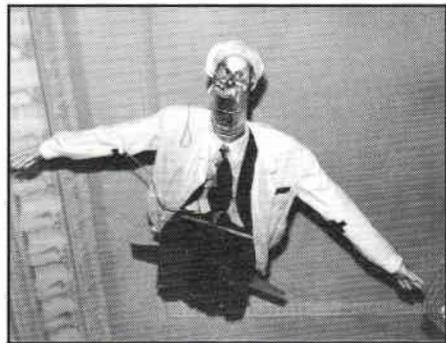
свет, цвет — куда там «Девять с половиной неделям»). Из языка рок-культуры заимствованы песни, образы параллельного кино, некоторые живописные полотна и кое-что еще, о чем позже.

Надо заметить, что выполнить сознательно поставленную перед собой задачу Соловьев не сумел. И главная тому причина — жанровая невоздержанность. Скажем, маститые западные режиссеры (речь не о гениях — о профессионалах) почти всегда придерживаются чистого жанра. Даже Леоне, автор всеми, кажется, любимой ленты «Однажды в Америке», в прочих случаях («Пригоршня динамита» или «Однажды на Диком Западе») создает чистойшей воды вестерн, ничуть этим не смущаясь и «низким» жанром не брезгуя.

«Смешивать два ремесла» — любимая затея советских «профессионалов». Соловьев извлек из нее боевиту мелодраму или мелодраматическую боевиту и в некотором роде провалился.

Почему в некотором роде? Потому что в фильме «Асса» независимо от Соловьева проклюнулся третий ряд, подкрепленный в основном личной значимостью (даже более чем актерскими ухищрениями) Станислава Говорухина — исполнителя роли Крымова. И если бы речь в фильме, вопреки режиссерско-сценарным изыскам, пошла о том, к чему клонит Говорухин... Тогда это был бы рассказ об умном, сильном и дельном человеке, чья энергия в уродливом обществе нашла не менее уродливое применение. О трагедии человека, ставшего жертвой собственного чудовищного заблуждения, поверившего в то, что клеквенный Арлекино-Бананан — серьезный враг, а картонная пустынькая Коломба — Алика — единственная любовь. Властный, волевой человек, разбившийся о павильонную декорацию, — чем не Дон-Кихот наизнанку! Индивид, личность, которая, впрочем, все равно не могла бы существовать в типических декорациях, предлагаемых ему жизнью. Ах, какой был бы «Балаганчик» вместо «Ассы».

Вот тогда нашим рецензентам не пришлось бы, рискуя прослыть людьми малоквалифицированными, писать о том, что профессиональный режиссер Соловьев взял на роль Бананана неподкованного Африку (так-то режиссер-профессионал, а актера выбрать не в состоянии!). Если бы профессионал-Крымов разбился о...ничто, не было бы нужды в таких ображениях. Но актер, оказавшись без поддержки режиссера, естественно, недотанул, и поэтому профессионал Говорухин разбился о любителя Африку.

Выставка работ авангардистов в ДК МЭЛЗ на просмотрах «Ассы». Фото А. ШИШКИНА

Фильм не получился, по-моему, именно из-за внутренней рассогласованности самого Соловьева и съемочной группы. Посмотрим теперь ту же картину в контексте рок-культуры.

Официальная пресса бранит Соловьева, независимая ей вторит (редкое единомыслие!) : Соловьев полез с «калашным рылом в свиной ряд» нашего андеграунда, в котором он ни ухом, ни этим самым рылом. Соловьев спекулирует, Соловьев эксплуатирует, Соловьев профанирует... Рок-музыкант у него в ресторане побирается — фи, какой стыд! Наша гордая рок-культура никогда до подачек не унижалась. У Соловьева получается, будто вся духовность да неординарность Бананана только и состоит, что в серье. В той самой серье, из-за которой от него прохожие шарахаются, а милиция, напротив, готова вцепиться. Да в серье ли тут дело! И вообще — три К: кич, коммерция, конъюнктура.

Эдак вот поговорили, и теперь у Соловьева — «свиное рыло», а у нас уже «калашный ряд». Нет, родненькие наши рокеры, и у вас все рыльце в пушку, и «неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

Пойдем от жизни. В ней, а уж затем в кино, встретились Сергей Соловьев (умный, наблюдательный, основательный) и Сергей Бугаев (вовсе не невинный большеотый одухотворенный младенец, а вполне даже самонадеянный, развязный и пижонистый адъютант всех превосходительств — от Курехина до Гребенщикова и Цоя). Вовсе даже не музыкант (хотя хорошее чувство ритма позволяет ему время от времени ударять по разным предметам в разнообразных группах), а элемент тусовки, шоу, имиджа, прикида. То есть... Вы угадали — та самая Серьга.

дарный, не хотел, да отразил. Я бы даже сказала, предощутил (фильм-то давно начал снимать). Так что в реальной жизни мини-акулы советского бизнеса помогли нашей рок-культуре увязнуть как мухе в сиропе.

А из этого проистекает, что не так уж чужероден финал «Ассы», как это мнит некоторые критикам, — песня «Кино» «Перемен, мы ждем перемен». Последний альбом «Кино» побил все рекорды популярности. Чудес не бывает. Каждому овощу — свое время. В 1987 году группа «Кино» записывает альбом, в котором на уровне текста воссоздаются все основные приметы рок-культуры ее первозданного вида. Например: «Мы хотели пить — не было воды, мы хотели света — не было звезды. Мы выходили под дождь и пили воду из луж» (сравни с текстами «Аквариума», «Алисы», Башлачева). Странно только, что не у «Аквариума» и Башлачева в 1984 году был такой успех, а у «Кино» в 1987 г. Ларчик открывается просто: родные темы оказываются широкопотребляемыми благодаря упрощению да попсовой мелодии. Вкратце это называется «поглощение высокой культуры массовой». И наши ребяташки приложили к этому ручки. Так что Виктор Цой в финале «Ассы» очень логичен и вполне уместен.

Виктор Цой — исполнитель главной роли в картине Рашида Нугманова «Игла». Право слово, впечатление такое, будто Нугманов изначально стал снимать фильм в иглу (то есть в пик) нынешней рок-ассе и нарочно занял в ней вездесущего Цоя. Он же разрушитель, он же и создатель. Картина почти бессюжетна: кто-то

вышесказанного:

Не хочет Рейган нас кормить,
Ну что же, сам и просчитается.
Ведь это там у них считается,
Что надо кушать, чтобы жить,
А нам не нужен хлеб его,
Мы будем жить своей идеею.
Он вдруг спохватится: а где они?
А мы уж в сердце у него.
Наша рок-культура — это сдуревший абсурд.

В фильме Рашида Нугманова есть все это. Слова, которые произносятся в колодец, а эхо ничего не значит. Слова-пух разлетаются при первом прикосновении, а потом вновь ложатся, и не видно, что за ними происходит. Предметы, которые намертво нефункциональны и не имеют отношения ни друг к другу, ни к своим названиям, ни к людям, эти названия произносящим.

Но есть и что-то еще. Под этим зыбким колеблющимся болотным туманом вдруг начинают угадываться очертания прежде знакомых фигур. Как сквозь дымку воспоминаний, всплывают давно забытые: добро-зло, красота-уродство, любовь-смерть. Проступают с трудом, как если бы заново учился говорить и ходить почему-то потерявший такую способность взрослый человек. Общение, связь, коммуникация существуют помимо слов, мимо слов, вопреки им. Но они есть. Контур старого доброго мира всплывает из-под нашего языка и в том числе из-под языка рок-культуры. Очень старая история рассказана вне языка. Абсолют-

Встретились эти люди. Вышла «Асса». И где же была исключительность, нонконформизм, новая духовность Африки, Цоя, Рыженко, Гребенщикова, когда они вписались в эту «ass-тусовочку»? Соловьев плохой? Неправда ваша, господа хорошие. Соловьев поставил фильм о рок-культуре. Но не о той, конца 70-х — начала 80-х, по которой скорбим, а о нынешней, образца 87–89 годов. О той рок-культуре, в которой «Старика Козлодоева» (автор — Гребенщиков) будет петь Сергей Рыженко, а рот в кадре открывать станет Африка. О той рок-культуре, когда «Наутилус Помпилиус» плюс Алла Пугачева равняется любовь. О той рок-культуре, когда все на вынос, все на вывоз, все на продажу. Зажав бутафорский кинжал зубами, на цирлочках, разухабисто поводя плечами, сверкая бессмысленными очами — АССА!!!

Современные мини-Крымовы (многие промышляют в концертных кооперативах и студиях звукозаписи) помогают нашим гордым мальчишкам танцевать за большие бабки — АССА!!!

А Соловьев... Что ж. Он, как человек небез-

куда-то зачем-то прибыл, отчего-то подрался, с кем-то поспорился, пробовал помочь старой знакомой, кажется, ничего не вышло, непонятно как погиб. Фильм состоит из ауры рок-культуры, исчезновение которой оплакивают полчища престарелых фанов. Той рок-культуры, которая выразилась не только в песнях, но в изобразительном искусстве и поэзии. Ее авторов называют авангардистами, концептуалистами и как-то еще и еще как-то. В их работах запечатлелся век, вывихнувший себе сустав, да еще при той помощи, которую могла оказать ему советская медицина. Век-калека, где разорваны все связи (связки) и «все узлы развязаны», где понятие превалирует над предметом, а дверь воистину является предметом прилагательным, где слова бестолково значат вовсе не то, что они значат по толковому словарю, где все пусто, высушено, изъедено. Где единственная истина — мнение здравого смысла, воспитанного тоталитарным отсутствием всего, кроме пропаганды и энтузиазма. Достаточно любой цитаты из Д. Пригова в подтверждение

*В жизни, а затем уже в кино
встретились Сергей Соловьев
и Сергей Бугаев.
Виктор Цой - исполнитель
эпизодической роли в «Ассе»
и центральной в «Игле».
Фото Г. МОЛИТВИНА*

ный перевертыш по отношению к «Ассе».

Когда-то Анатолий Васильев написал: «Чтобы собрать вазу, надо сначала разбить ее». Рок-культура разбила вазу. Судя по фильму Соловьева — вдребезги. Нугманов пробует собрать осколки. Выход — не в игле, а в кропотливой, долгой, мрачной работе по склеиванию черепков и вправлению суставов.

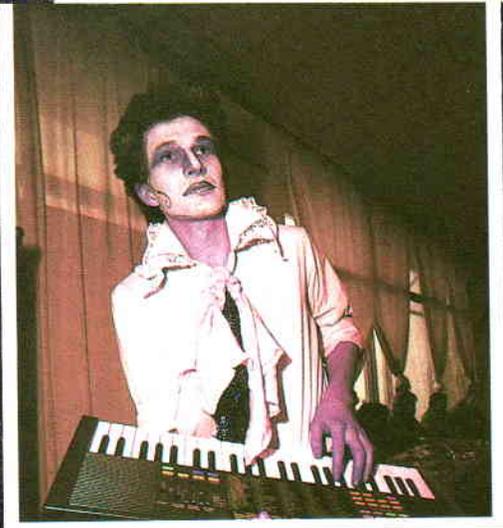
Только обратите внимание, что в обоих фильмах герой гибнет, и если первого не жаль, то второго жаль очень.

М.ТИМАШЕВА

ОСОРМАНОВОУ • НОВАЯ ЭПИТАЛА

«Я всегда был уверен, что за спиной
каждого знаменитого идиота
стоит великая женщина».

Джон Леннон

Мое погружение в концепцию новой эротики началось с игры. Мне завязали глаза. Кто-то взял меня за руку и повел за собой. В соответствии с правилами игры поводярь описывал все происходящее вокруг. Поначалу мне требовались некоторые усилия над собой, чтобы зримо представить реальные картинку подмосковной дачи, где я познакомился с Анжеем Захаричевым-Браушем и Женей Калачевым (группа «Оберманекен»), но вскоре я потерял ощущение времени, и пришла легкость, с которой я осваивал новые фантастические пространства, рисуемые воображением Жени и Анжея...

Бархатный сезон на загородной вилле... прогулка в пене прибоя... затонувшие в тумане японские пейзажи... любовь в зеркальной комнате... клинопись вишневого сосков... там, где запах вещей переливается из запаха французских духов в запах облаков, а солнечные пауки ткнут материю для фраков, в которых мы собираемся на балу воздушных замков... Маги всей земли поднимают свои ладони вверх, и наша левитация привлекает к нам стройных хрупких парашютисток... Безумство на празднике, где роem носятся миражи и оптические обманы царственных поцелуев... Мир высших и низших растений выращивает цветы, где исчезают полководцы и их войны. Это игра ночных улыбок, где танцуют длинные ноги звезд в душистом ковре северного сияния...

Пишу и ловлю себя на мысли, что опять улываю в сказочно прекрасный мерцающий мир фантазии, в котором я прожил несколько жизней... но пора возвращаться на землю.

Эта и другие игры для Анжея и Жени — часть их жизни, суть которой составляет творчество.

Не останавливай свой взгляд на случайных прохожих,
Смотри в зеркала витрин модных магазинов...
Только они достойны твоей нежной кожи,
Девочка-подросток с запахом апельсина...
В кристале телефона-автомата
Я подношу к твоей сигарете пурпурный закат.
Начнем путешествовать по клавишам твоего клавиатура,
Девочка-подросток с запахом апельсина...
Я открываю дверь своего автомобиля,
На заднем сиденье можно делать все, чему ты уже научилась...
Забудь дорогу домой в обратном порядке, во всех мелочах, до малейших...
Цветок апельсина распускается в женщину...

На мой вопрос: «Можно ли эту игру рассматривать как тренинг, предшествующий творчеству?» — Анжей ответил: «Нет, конечно! Это не тренинг! Это, собственно говоря, и есть новая эротика, корни нашего творчества, которое может выразиться в различных жанрах: музыка, стихи, рисунок, кино и т.д.» Женя добавил: «Новая эротика — это наша питательная среда, территория, которую мы создаем долго и кропотливо, ухаживаем за ней... Рассуждая о новой эротике, мы фактически открываем кухню нашего обращения с художественным материалом в абсолютно классическом смысле. Мы не авангардисты, нас интересует весь мир, как старый, так и новый. Только особое чутье и веди, замкнувшиеся на нашей судьбе, ведут нас по нашему пути. Мы оказались в замечательной ситуации, когда весь художественный мир изготовил для нас роскошную раму, название которой — эротика.

И только внутри нее, куда-то далеко и вглубь, в перспективу и назад мы путешествуем, импровизируя, из таинственных бесе-

док в мягкие антикварные квартиры, из оранжерей, где орхидеи — архи-идеи — сбегаются на голос, на взлетно-посадочные полосы реактивных лайнеров, мы берем с собой самых ритмичных любовников, которые ищут на наших ладонях никогда не обрывающуюся линию Камасутры, оберлинию их ненасытного вождения жить...»

Импровизаторы
Тряют яркость
Наедине с богом.
Особый случай — любовь.
Но самое прекрасное —
Продолжение музыки,
Хаос,
Битые стекла,
Пирамиды Хеопса,
Шестьдесят ватт...

Музыка «Оберманекена» завораживает своей причудливой простотой и интимной открытостью, и этот высокий кич переводит воображение слушателя на новый виток ледяных спиралей времени. Но я бы не решился назвать Анжея и Женю просто музыкантами. Их амплуа значительно шире и простирается в сферу реформаций и поиска не только в музыке и поэзии, но и в прозе, кино и театре.

Тут самое время сделать биографический экскурс, ибо именно театр связал творческие судьбы этих Артистов. В 82-м году оба были студентами второго курса Ленинградского театрального института. Встретились в студии звукозаписи. Первое же знакомство привело к записи совместного альбома «Пустые города», который в один «прекрасный» день был потерян, но благополучно воспроизведен уже на следующий день. С тех пор Анжей и Женя вместе. Вместе писали музыку к спектаклю «Горе от ума», работая в Театре на Таганке. Затем была опера «Золото» по Стивенсону («Остров сокровищ»), поставленная в Мурманске. Идея создания группы «Оберманекен» возникла при записи альбома «Анжелика» в 1985 году. По окончании института осуществили в ТЮЗе наделавшую много шума эротическую театральную постановку «Соколиная охота». Это был эксперимент в области психодрамы. В основе сюжета — судьбы девочек-травести, мечтавших быть полноценными женщинами. Последний акт спектакля представлял собой тончайший по вкусу коктейль музыки и пластики. На теле обнаженной актрисы во время танца ожидала татуировка сказочной птицы, а актрисы-лилипутки читали письма автопилотов в медленном танго, раскачиваясь под потолком на огромных качелях... Но... театральные чиновники спугали танец птицы с танцем обнаженного тела, и зрители не увидели этого представления.

Уже в Москве, работая в театре А.Васильева, Анжей и Женя с группой «Оберманекен» записали в 1987 году альбом «Прикосновение нервного меха». Последующие, уже созревшие проекты «Аэрофотосъемка женского тела», «Дачные велосипедистки» и «Нега и роскошь» еще не нашли своего воплощения из-за отсутствия многоканальной звукозаписывающей техники.

В кино «Оберманекен» снял фильм по одной из песен альбома «Прикосновение нервного меха». В настоящее время работает над фильмом «Эммануэль-10, или Русская Эммануэль».

В автобиографическом романе «Гарем воспоминаний», начатом три года назад, воспроизводятся картины из жизни основанной Анжеем и Женей лаборатории Любви в Ленинграде, где они проводили свои изыскания в сферах Камасутры, японской и китайской школы гейш, африканских стра-

стей и выводится формула надсексуальности в эротике. Женя пишет об Анжее, Анжей — о Жене.

Диалог — это не только манера письма, но и их образ жизни и творчества, в котором они играют образами, тающими в сознании, едва достигнув уха или глаза, но оставляющими в подсознании устойчивый шлейф фосфоресцирующих ассоциаций. В игре-метафоре лирический герой их песен все время изменяется, его невозможно поймать взглядом, сфотографировать. Его суть в этой неуловимости, и женщины, о которых мечтает герой, тоже больше напоминают миражи. Гибкие лианы — волосы солнца, пение колибри, тюльпанные деревья, которые переходят в городские неоновые джунгли, пронзает крик: «Подземный трамвай, верни мне девушку с Фиджи!» Она мелькнула на мгновение, дыша туманом и духами...

...О, этот счастливый случай
В Шанхайском ресторане,
Где ты танцевала свое одиночество...
И в «Ночном портье», последнем боевике
«Оберманекена»:

...Нега и роскошь,
Серебристая пыль кокаина.
Зимние бабочки спят в гербарии глаз
Среди меха и перьев павлина
На обнаженном теле моей любимой...

«...Существует дароносная судьба, — вспоминает Анжей. — Мы писали «Портье» в нашей студии на Воровского, 20. Писали долго, под впечатлением фильма с участием Дика Богарта и Шарлотты Ремблин, жены Жака Мишеля Жаро. Мы пребывали в состоянии полной нирваны, сладостной истома, исходящей от этого фильма. Песня получалась. В два часа ночи в дверь кто-то постучал. Вошли две девушки. Они сели, не представляясь, и сталиavorожено слушать. Мы долго еще репетировали, отлавливая кайф от новой песни. Наконец, одна девушка представилась. Ее звали Полита...»

«Может быть, ее прислал Набоков?» — спросил я. «Может быть...» — улыбнулся Анжей, а Женя добавил: «Это реальная магия... Мы продолжили играть, они угощали нас шампанским и под утро исчезли так же неожиданно, как и появились...» «А может, это вам привиделось?» — спросил я. «Они оставили телефон, но мы по нему не звоним... Судьбоносность явления в том, что ночные гости существовали в музыке, как в кино... Лучшего клипа на самом деле придумать нельзя было... Они танцевали и были какие-то лунные, сонмambuлические, немного странные... Поэтому, может быть, мы и не звоним им; странности надо отвести пространство странного...»

Новая эротика открыта миру, а не закрыта при всей как бы эзотерии кухни. То есть кухня непонятна — понятию продукт...»

Реальная магия... магическая реальность... «Оберманекен» открывает странный папоротник чуда и, как фокусник, взводит курок пустоты, получая моментальное фото, чуткое, как стрелка компаса, исполненное тайного смысла, упрятанного в гены НО-ВЫХ АРИСТОКРАТОВ, благословенных и всепрощающих гигантов ВЕРТИКАЛЬНОГО ВЗЛЕТА!

ВАЛЕРИЙ САУТКИН

● «Оберманекен» — Анжей, Маша и Женя. 1987 год ● «Оберманекен» — 1987 год ● Анжей Захаричев-Брауш ● Анжей и Женя — кандидаты и депутаты от I Всесоюзного Конгресса Авангардистов — стешат представить на суд своих выборщиков избирательную программу «Вавилонская башня» ● Евгений Калачев

Психоделическая черепаха — «в миру» лучистая черепаха. В массе таких черепах отлавливают из-за вкусного мяса. Сама она питается сочными побегами и плодами растений. Любит закапываться в ямы. При поимке, как правило, не обороняется. Втягивает голову под панцирь, подгибает ноги и безропотно подчиняется судьбе...

«Замечательно, просто за-ме-ча-тель-но», — думалось нашей психоделической черепахе, когда она, благодаря старым зоологическим знакомствам, получила приглашение на первый аукцион песенной продукции. Первый не только в СССР, но и... (страшно произнести!) в мире! «То-то будет попсовый праздник...» — в легком февральском тумане виделись изящные лимузины отечественных поп-звезд, шубы отнюдь не из мексиканского тушкана, мраморные лики примодненных герлз, сопровождающих приклатенных бойз, и бешеная драчка за хиты.

ДРАЧКА ЗА ХИТЫ — СХВАТКА ЗА ПРАВО ПРИОБРЕТЕНИЯ ПЕСНИ, КОТОРАЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ МНОГОКРАТНОГО ПОВТОРЕНИЯ В ЭФИРЕ ЗАСЯДЕТ ПЛОХО ПРОСТЕРИЛИЗОВАННЫМ ГВОЗДЕМ В СЕРОМ ВЕЩЕСТВЕ РАДИО- И ТЕЛЕОБИЛЬНОЙ ПУБЛИКИ.

По всем черепашиным параметрам идея подходила под разряд «славных». Если представить себе Аллу Борисовну Пугачеву, блуждающую в потемках советской эстрады с ароматизированной английской свечкой в руках (акт «Леди Макбет») в поисках симпатичного мотивчика... Если задаться целью и вообразить Александра Серова на паперти Елоховского собора, с гантелями в кармане для большей крутизны да еще с табличкой на груди: «Подайте хит на пропитание!». Если совсем переест зеленой петрушки и увидит в бреду самого Леонтьева с безумным взором, с берданкой в руках, штурмующего Дом околочкомпозиторов с воплем: «Бинтуйте лбы! Фасуй репертуар!», — то вполне можно понять мажорное настроение панцирной ворчуньи в предвкушении замечательного события. Тем более что на фоне совершенно патологической, местами просто неприличной, аукционюмании, охватившей нашу «необъятную» за последние месяцы, этот аукцион привлекал предполагаемым ароматом культуры.

Итак — **ВПЕРВЫЕ! ПЕСНИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ ДЛЯ ЛЮБЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ. ПОСРЕДСТВОМ КООПЕРАТИВА «ПОП-АУКЦИОН». УСТАНОВЛИВАЕТСЯ НИЖНИЙ ПРЕДЕЛ ЦЕНЫ. ПОКУПАТЕЛИ ИГРАЮТ НА ПОВЫШЕНИЕ. ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ ЧЕРНОВЫЕ ФОНОГРАММЫ, МОЖНО ПРОСТО СЫГРАТЬ ШЕДЕВР НА Ф-НО ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ СОСТАВЛЯЕТСЯ ОПЫТНЫМ ЮРИСТОМ. ЗАПЛАТИЛ — ПОЙ НА ЗДОРОВЬЕ. КОНКУРЕНТОВ НЕ БОЙСЯ, ПРАВО ПЕРВОГО ИСПОЛНЕНИЯ ЗА ТОБОЙ!**

К Л А С С !

27 февраля сего года старая черепаха скатилась с тачки ровно в означенный срок у Центрального Дома туриста. Причем в джинсовом мешочке было припрятано кое-что — трям-трям-трям — на всякий случай — трям-трям-трям... А вдруг услышим что-нибудь в стиле «тортилла-попс». О-о, «тортилла-попс» был последним изобретением психоделической старушки. Легкий музон, радующий сердце и глаз стопроцентных черепах, вызывающий приятные ассоциации после калорийного ужина, короче —

ТОРТИЛЛА-ПОПС — ЭТО ТО, ЧТО НАПОМИНАЕТ ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, ПОБЕДНО ХРУСТЯЩИЙ НА ЗДОРОВЫХ ЗУБАХ СВЕЖИЙ КРЕСС-САЛАТ. ТОРТИЛЛА-ПОПС — ЭТО НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ ВОЗДУХ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТОГО СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ, ИЛИ ВОЛНУЮЩАЯ НЕПОВТОРИМОСТЬ АРХИПЕЛАГА ТУАМОТУ. ВОТ ЧТО ТАКОЕ ТОТИЛЛА-ПОПС!

Престижный московский зал удручал пустотой. Организатор действия, он же председатель кооператива, он же по-совместительству и композитор, поразил участвовавшее животное бледностью лица и худобой тела. Аукционер — мужичок с молотком — словно вылез из «Оливера Твиста» почтенного и ныне почти нечитаемого молодого старика Диккенса: чернявенький в пенсне, с характерным акцентом: «Что Ви говорите?!» Сугулые спины представителей явно недоодевающей молодой творческой тусовки заставили размечтавшуюся было черепаху мыслить более трезво. «Конечно же, — давала она правильную политическую оценку происходящему, доставая из кармана дедушкину подзорную трубу времен адмирала Кука (чтобы лучше видеть), — мафия, заговор, бойкот, саботаж. Противники песенной перестройки нажали кое-где на кое-какие кнопки, рванули кое-какие рычаги, открыли соответствующие кингстоны, накинули шелковый шнурок на шею строптивцу...»

Но процесс, как ни удивительно, все-таки шел... И даже шуршали (правда, символически) радужные бумажки с известным всему миру профилем. Причем заманчивое шуршание в основном производил представитель комсомольско-молодежного центра города Николаева — закупал на корню лихой кабацкий репертуар для собственноручно вскормленных исполнителей. В зале нехорошо перешептывались, а в мозгу черепахи нехоти само собой рифмовалось: «Песни из попсовой будки продают, как мясорубки!». Даже появление в манере пролетарского джаза Игоря Сукачева и его «Бригады» в последних рядах не смогло отвлечь внимания от факта смачки комсомола и ресторации... В ожидании перерыва очумевшая от услышанного черепаха то и дело закатывалась под удобное кресло, в лучшие, доаукционные, времена пригревающего нижнюю часть фигуры платежеспособного туриста.

Ах, перерыв, перерыв, перерыв... Обязательно — приятные беседы со знаменитостями за чашечкой кофе, лестное внимание телевидения (все-таки не каждый раз психоделик-черепахи сами прикатывают на огонек очередного начинания), то да се! Но реальность опять взяла свое, черно-белое.

В перерыве явившаяся на разведку Джорданобруновская Лора Квинт пахнула на панцирь замечательными французскими духами, но прошла мимо. Немыслимый в другом измерении, кроме нашего, Филипп Киркоров мимо не прошел — пару раз наступил на заднюю лапу.

Телевизионщики окружили изможденного борьбой со старопенсенной мафией председателя кооператива и пытали его на предмет что почем — им было плевать на черепаху с ее джинсовым мешочком, с подзорной трубой

под мышкой, с куском торта «Птичья неожиданность» во рту. Недозревшая в творческом плане, но поднатюрешшая в попсовых тусовках молодёжь словом поддерживала заводилу, а заводила обещал делом поддержать вышеуказанную молодёжь. Телевидение очаровывалось на глазах...

Во второй половине аукциона на смену кабацкой разлюли-малине пришло вселенское уныние и любовное недоумение. И вдруг... Представьте себе, приятная дама с телевидения возьми и заяви: «Так мол и так, песнюшечку под таким-то номером, не глядя, берем в эфир и обязуемся (!) эфир обес-пе-чить!». Присутствующие в спешном порядке очнулись от лирико-принудительного сна, имеющиеся в наличии лысины вспотели, очаровательные женщины затрещали крылышками. Хо-хо, кошки-собаки! На американской и японской биржах срочно был объявлен перекур. За «Старый рок-н-ролл», сработанный по московскому ГОСТу, дрались так, что сейсмостанции Тянь-Шаня зафиксировали движение земной коры в районе Юго-Запада Москвы. На самом деле произошел коллективный сдвиг крыши — рокешничек пошел за 10.000 наших отечественных. От ярко-красной черепахи шел зеленоватый дым, глаза-перископы блуждали, лапы то судорожно скрещивались, то опять принимали распстырок.

СЧАСТЛИВЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ — ДИРЕКТОР КУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО КОМПЛЕКСА МОСКОВСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТОРГОВОГО ШВЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВЫМПЕЛ». УДАРИМ СОВЕТСКИМ «ВЫМПЕЛОМ» ПО РОК-Н-РОЛЛУ!

Автор рок-н-ролла победителя — некто Владимир Кононенко, профессиональный кинооператор.

— Десять тысяч не за рок, а за право засвета на ТВ, — четко произнес за спиной черепахи чей-то довольно нахальный голос. И дальше, подводя итог свершившемуся, прозвучало слово, которое сама панцирьноносящая особь вслух произвести бы не смогла: в условиях гласности, максимально приближенной к действительности, за такое словечко обиженный «Вы-

мпел» потащил бы гозорившего в суд. Черепаха протелепатировала по своему, психоделическим, каналом зеленому тому 18-го издания «Словаря русского языка» С.И.Ожегова и получила исчерпывающие разъяснения крамольного звукосочетания:

1. Деньги или вещи, даваемые должностному лицу, или подкуп, как оплата преступных, караемых законом действий;

2. В карточной игре: карты какого-нибудь игрока, покрытые старшей картой или козырем противника.

Прикрыв рот подагрической лапой, черепаха рванула было к выходу, но так и осталась на месте — от беспокойства за здоровье родной поп-культуры во многих точках организма случились многочисленные прострелы. По прострелу от матроса, махновца, власовца, ждановца и фальшивого рокера. Дальше — больше! Предчувствие местечковой гражданской войны заставило все-таки черепаху прийти в себя. Полукасовой провал в сознании компенсировался мощнейшей кодой аукциона. Маленький ТОВАРИЩ с молотком опрометчиво попросил почтенную публику высказать свои замечания относительно процесса. Оказалось, что по ходу дела в зал просачивалась группа захвата во главе с известной в некоторых роковых кругах хард-Пушкиной. Приверженцы тяжелого рока мастерски захватили микрофон в зале и сровняли кооператив и его председателя с землей. Взрыв каждой гранаты, брошенной в окопы «Поп-аукциона», болью отзывался в сострадательном сердце черепахи. В эти батальные секунды она чувствовала себя совершенной пацифисткой и была готова броситься на шею аукционерам. А те почувствовали себя совершенными милитаристами — им хотелось здорово треснуть скандальную поэтессу по башке, скажем, сборником этюдов маэстро Черни, и — ура.

— Ну зачем же в микрофон? — попытался уладить конфликт тот, кто с молотком, — можно, э-э, приватно-с...

— А у нас демократия! — ликовали длиноволосые пушкинисты и примкнувшие к ним: поэт-песенник Карен Кавалерьян (он то и дело произносил непередаваемое слово «лохи») с собственным директором (этот был обтекаем именно по-директорски).

Презрительно называемые народом «текстовики» требовали немедленного и полного равноправия с разжиревшими на кооперативных концертах музыкантами-композиторами. «Из песни слова не выкинешь!» — назидательно декларировали шибко грамотные графоманы, оповещая во всеуслышание об отсутствии в договоре купли-продажи пункта о правах поэтов. «Ваши слова — только и выкидывать, — потешались не шибко грамотные ультраправые, — кто их слушает, слова ваши? Ухи-то у населения давно того... Трубочкой!»

— За молодежь душа болит, — жужжала вошедшая в раж хард-Пушкина, — не позволю лишать ее прав...

— А мы на все согласные, — пропищало нечто в очках и хлюпнуло носом, — не надо нам прав... Нам бы лишь... эфир...

— То-то из эфира прет такое... — рубанула хард-мадам и резко перевела разговор на тему о несовершенстве проводимой ныне экономической политики.

«Вот тебе, бабушка, и аукцион», — печально резюмировалось в мозгу черепахи, медленно проваливающейся от избытка впечатлений в дежурившую по «03» нирвану.

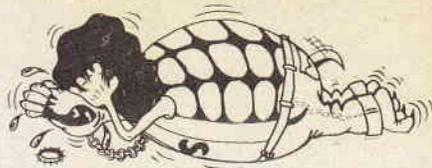
«АУ! КЦИ! ОН!» — откликнулся из ниоткуда хор китайских мальчиков...

ЭПИЛОГ

— Скверная история, — рассуждала тремя часами позже черепаха, доставленная домой в целлофановом пакете сердобольной уборщи-

цей из ЦДТ, — на следующий точно не пустят... И правильно сделают, между прочим... В моем возрасте дома сидеть надо, анчоусы выращивать с артишоками...

И она долго-долго сидела дома, вышивала гладью стопятые по счету джинсы «Левис», потягивала кофе и пыталась не поддаваться все-

общему психозу по поводу Юрашки Шатунова (многие черепахи ее возраста с энтузиазмом изготовляли и носили маечки с надписью «Мы родом из Мая»)... Энергетический баланс, злбно подорванный в феврале, почти восстановился, когда директор «Вымпела» и приятная дама с телевидения выполнили свое обещание-угрозу. «Золотой» рок-н-ролл был показан миллионам распивающих дефицитный чай москвичей... Закономерный вопрос: что ждет бедных мыслящих черепах, если все хозрасчетные швейные объединения обзаведутся собственными певичками хозрасчетного свойства, оденут их в изделия собственного изготовления (с цеха по

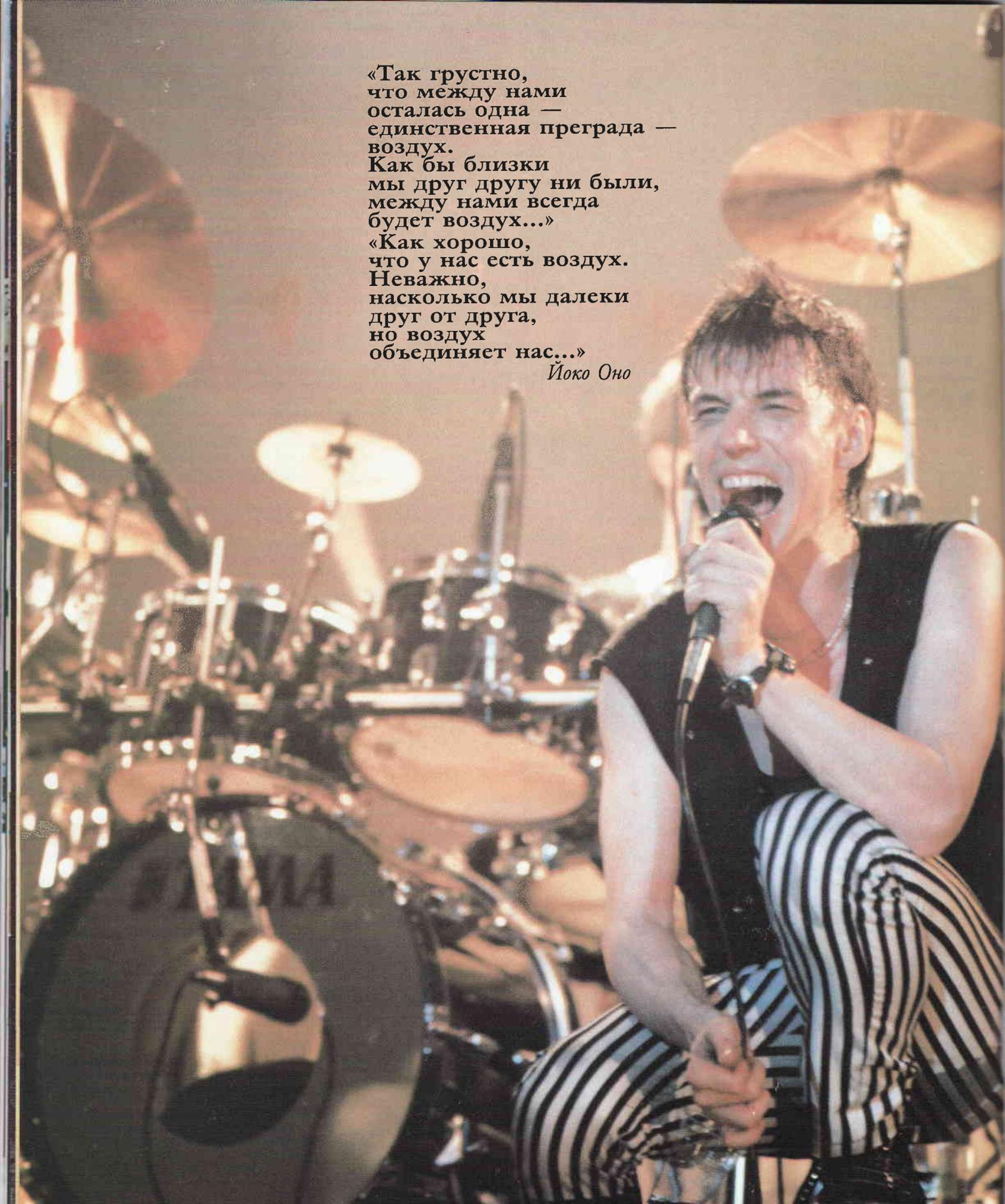
нитке — одной на юбочку), закупят все рокешники и захватят ТВ?! ВСЕ К ПОМПАМ!!!

Выбежав из уютной квартиры-амки, в угаре от увиденного и услышанного, психоделическая мученица металась по Садовому кольцу — деваться ей было некуда. Позади погромыхивал недоброй памяти первый аукцион. Впереди — зеленый ящером шевелился второй, справа следовал нокдаун от радио, слева — от телевидения, из открытого канализационного люка лилось некое «звукоблудство», принимаемое умирающей культурой за поп-музыку...

Лишь далеко за полночь черепаха вновь обрела душевный покой, протерла панцирь нашатырем, напилась квасу с морской капустой, отключила и выбросила в окно телевизор, телефон, черный репродуктор-тарелку. «Не законсервируюсь — точно сдохну», — думала она, стараясь не прислушиваться к надоедливому хору китайских мальчиков из ниоткуда. «Композиторов больше, чем микробов в воздухе, поэтов — больше, чем тараканов в коммуналке, по количеству песен на ДУШУ населения мы давно выползли на первейшее место в мире... По качеству ДУШИ...» — и черепаха с чувством пальнула из пробкового ружья в укориленно треснувший потолок.

«АУ! КЦИ! ОН!»

«Так грустно,
что между нами
осталась одна —
единственная преграда —
воздух.
Как бы близки
мы друг другу ни были,
между нами всегда
будет воздух...»
«Как хорошо,
что у нас есть воздух.
Неважно,
насколько мы далеки
друг от друга,
но воздух
объединяет нас...»

Йоко Оно

 НОВЫЕ НОМЕРА «ТЕЛЕФОНА»

«Самая великая французская рок-группа мира» - так писала газета «Монд» о «Телефоне» - группе, распавшейся три года назад после десятилетия триумфальной концертно-студийной деятельности. Ее лидер Жан-Луи Обер, которого журналисты окрестили «французским Миком Джэджером», был первым, кто «заставил рок говорить по-французски» в те непростые времена, когда владельцы студий грамзаписи распахивали двери перед конъюнктурными ВИА, поющими на английском. В резких аккордах и текстах «Телефона» мерещились им отголоски событий революционного 68-го года.

В музыке «Телефона» сконцентрировались все стили англосаксов вплоть до 70-х, от заводной бесшабашности ранних «Стоунз» до лирического изящества «Битлз». Причем в эти старые мехи «Телефону» удалось влить свежее вино «мэйд ин Франс» - интонационное богатство родного языка. Те, кто помнит, какое воздействие оказывали в свое время тексты «Машины времени», открывшей нам глаза на то, что рок может звучать и по-русски, - те смогут без труда вообразить, сколько ошеломителен был успех «Телефона», и не только у себя на родине.

В 86-м, однако, «Телефон» прозвонил в последний раз и разбился... на два коллектива: «Обер и Ко» и «Визитеры». С тех пор обе группы выпустили по альбому, обе не исчезли с рок-небосклона и обе (в разное время) побывали в Москве. Группа «Обер и Ко» приехала к нам для участия в телепередаче «Что? Где? Когда?» и даже успела записать клип песни «Штукатурка и цемент», неоднократно показанный в «Утренних почтах».

Несколько дней кряду я пытался взять интервью у Жан-Луи, но, как только включал диктофон, с удивлением замечал, что вещаю, как радиодиктор: о перестойке, о Горбачеве, о западниках и славнофилах... «Я люблю брать интервью у людей так, чтобы они об этом не догадывались. Мои глаза и голова служат мне скрытой камерой и магнитофоном», - сообщил Жан-Луи за три часа до отъезда в Париж. «Вообще-то я, - стыдливо признался я, - тоже люблю интервьюировать людей».

На выходе из затянувшегося монолога мы с «коллегой» совершили РОКировку:

- Из роскошно изданной книги о «Телефоне» я узнал, что ты - сын большого чиновника...

- Сейчас он на пенсии, но был - да, крупной шишкой, замом префекта, т.е. представителем исполнительной власти правительства в департаменте. Он много помогал людям, ничего не запрещал и никому не мешал жить. Именно его гитару я снял со стены, когда мне захотелось побренчать.

- Он любит рок?

- Сперва он был против рока, говорил, что рок отвлекает меня от занятий в лицее, где я отнюдь не лез в отличники (Смех...) и где мы создали груп-

пу с труднопроизносимым названием «!». Но с тех пор, как я добился кое-чего в этой музыке, он переменял мнение, исходя из своего принципа - не душить инициативу. Его интересуют главным образом мои тексты.

- Есть ли у вас цензура на тексты?

- ???

- Сейчас объясню. У нас всего одна фирма по производству дисков, «Мелодия». Перед тем как выпустить диск, ты обязан пройти так называемый худсовет, куда входят композиторы и поэты. И если их что-то не устраивает, тебе дают от ворот поворот.

- Но ведь у них имеется возможность убирать конкурентов! Нет, худсоветов у нас нет и, надеюсь, не будет никогда. А есть у нас множество фирм, самые крупные представляют интернациональные тресты, например «Полидор». Есть и типично французские, их штук 20-30, они маленькие, мобильные. Распространяют свою продукцию через магазины крупных фирм, открывают свои лавочки, торгуют во время концертов. Существуют также специальные кооперативы по закупке дисков и их дальнейшему сбыту. Впрочем, я не большой знаток пластиночного бизнеса. Несмотря на то, что у меня самого маленькая фирма на паях с барабанщиком Ришаром Колинка (вот откуда «Ко» в названии моей группы).

- Если бы, скажем, я собрался выпустить у тебя миньон...

- ...милости прошу. Имея деньги...

- Ну вот!..

- Понял. Тогда ты можешь занять у друзей, у меня, к примеру, а уж реклама - за наш счет. И, будь спок, если диск будет расхотиться, ты будешь получать весомый процент с каждого проданного экземпляра.

- Значит, любая группа «с улицы» может прийти и...

- Любая. Мы охотно даем в кредит. Единственное условие - профессионализм. Больше всего мы помогаем отвергнутым - тем, кто не по душе «акулам» бизнеса. При условии, что они экспериментируют и не стремятся к коммерческому успеху. У Ришара есть к тому же репетиционный центр, где могут работать 5-7 групп одновременно, как небольшой заводчик. Кажется, нечто подобное есть у Стаса Намина. Конечно, если ты на грэбе славы, ты сам диктуешь свои условия фирме.

- Сколько стоит запись песни?

- Трудно сказать. В принципе, можно записаться и дома, в домашней студии, и стать популярным. Но если фирма верит в артиста, она вкладывает в запись примерно 100 тысяч франков.

- В одну песню?!

- Нет, в две. В сорокапятку. Она может быть и гораздо более дешевой, все зависит от сложности аранжировки, то есть от времени записи. Жизнь показывает, что большие затраты окупают себя сторицей. Это как в кино: можно снять фильм за два миллиона, а можно за 40. Если сценарий безда-

рен, ни один режиссер его не спасет.

- Трудно ли было «Телефону» пробиваться в элиту французского шансона? Если верить вашей прессе, то и у вас в стране существует «эстрадная мафия».

- Знаешь, когда я говорил, что во Франции нет цензуры, я сказал половину правды. Да, официальной цензуры нет. Но существует другой, не менее опасный момент - деньги. Вспомни, сколько художников, литераторов, музыкантов, опередивших свое время, перебивались с корочки на корочку, поскольку на них не было спроса. Когда владельцы фирм руководствуются своими вкусами, совпадающими с массовым, и ставят только на то, что будет приносить прибыль, они недалеко уходят, как я сейчас понимаю, от ваших худсоветов.

Что же до «Телефона», то его путь был весьма необычен. Мы начинали с концертов. Повсюду: на площадях, в парках, в метро. Уже через год, как за Мессией, за нами ходила толпа. Мы записали гибкий миньон и продавали во время концертов. 20 тысяч штук. Тогда боссы фирм сказали: «Ага, раз они сами, без рекламы, кое-чего добились, то, помноженный на наши усилия, их успех будет грандиозным. Хотя ихняя музыка и тексты нам глубоко противны».

- Но в тексты они не вмешивались?

- Еще не хватало!.. Группа - это уже своеобразный худсовет, если текст не нравился хотя бы одному из нас, он отправлялся в корзину для бумаг. Но если уж он устраивал всех четверых, становился неприкасаемым, как депутат парламента (Смех...).

- Путь «Телефона» на вершину ты сказал, нетипичен. Почему?

- Сейчас многое изменилось. Главный индикатор коммерческого успеха сегодня - участие в Топ-50, еженедельном хит-параде на ТВ, где представлены песни, выпущенные «синглами». Получается, что успех диска-гиганта зависит от «раскрученности» одного-единственного шлягера. Топ-50 - это не чисто французский, а мировой хит-парад, в котором главным образом побеждают полсовые и эстрадные песенки.

В то же время во Франции набирает силу так называемое «альтернативное движение». Эти группы идут по пути «Телефона», продают огромное количество дисков во время выступлений, без посредничества магазинов. Тексты у всех острополитические и сатирические. Их никто не запрещает, но от ТВ и Топ-50 они бегут как черт от ладана, а по радио их крутят редко: традиции засахаренной эстрады у нас очень живучи, такое ощущение, что радио слушают одни старые девы, пенсионеры и девушки 10-14 лет. Музыка у альтернативщиков веселая, задорная, многие из них легко вошли бы в Топ-50, но сами этого не хотят: стоит им появиться на телеэкране - и многочисленные болельщики отвернутся от них, как от «запровадшихся с потрохами» конформистов.

- Кто из них самый известный?

- Берюрье Нуар, группа «Людовиг фон 88»... Они играют с ритм-боксом, с раздражающими гитарными рифмами, все слегка припанкованные, ненавидят бритоголовых. Одеваясь под клоунов, на сцене творят невесты что, двое поют и играют, а еще человек 15 танцуют, но так, как это делали бы в сумасшедшем доме!

- А кто нынче на вершине Топ-50?

- В роке? Рок у нас все сложнее вычленишь. Я никогда не пытался дать ему определение, это - мироощущение, мироозернение. Даже энергетика в роке для меня не так уж важна. По-моему, 80% американских металлических команд рок не играют. Вслушайся в их насквозь коммерческие, глупейшие тексты. Там, где есть СЕРДЦЕ, там и рок. Из тех французских, которых я отношу к рок-исполнителям, назову Риту Митсую, с ее синтетической панк-музыкой, и, с большими оговорками, Этьена Дао, неоромантика, любимца всех французов. За Топ-50 трудно уследить, сегодня там верховодят одни, завтра другие. Если из 50 песен я запомню 2-3, я уже доволен.

- На первых альбомах твои песни изобиловали анархическими призывами - «Вплыви свой яд!» и т.д. По молодости лет?

- Мне 34, но я мало изменился (Смех...). Другое дело, что раньше этот протест был у меня направлен в политические сферы. Я мечтал о мире без учителей, денег и богов. Я был априори против существующего миропорядка и хотел изменить его с помощью музыки. Но изменить мир невозможно без - внимание! - ПИ-РИ-СТРО-И-ГИ (Смех...) самого себя.

- Но мир-то от этого лучше не станет...

- Да, и я с ним по-прежнему в конфронтации. Но меня больше стало интересовать человек в нем. Ведь революция, как я это понимаю, - это прежде всего индивидуальный акт против себя самого. То есть я хочу сказать, что нужно много-много поработать над собой, чтобы иметь право разделить свой протест с ближними. Тебе верят лишь в том случае, если в жизни ты поступаешь праведно.

- Без двурушничества и лжи?

- Но со страстью. Без нее живут буржуа, и их образ жизни мне никоим образом не пододит. Хотя, как ни печально, так живет и будет жить большинство.

- Считаешь ли ты себя ангажированным (то есть человеком с гражданской позицией, А.М.)? В том смысле, в котором употреблял это слово Сартр?

- Я не очень-то расположен к политике и политиканам. Но я целиком на стороне левых сил, а значит социалистов. Нынешних социалистов, стоящих на принципе демократии при полной свободе индивидуума и возможности его роста как личности. Тому, у кого нет возможности реализовать себя, нечем поделиться с другими. Коммунисты и

рабочие у нас мало-помалу превратились в тех же буржуа с их жадной материальной властью и развлечениями. Для меня эта позиция более понятна, нежели агрессивность крайних правых, но тоже неприемлема. На последних выборах я голосовал за Миттерана, но ведь это не означает, что - будь я членом социалистической партии, я автоматически стал бы хорошо собой во всех отношениях. Сартр, между прочим, из компартии вышел. И в этом его поступке - та же ангажированность.

- А как тебе Ле Пен (лидер крайних правых сил. - А.М.)?

- Это ужас, ужас, ужас! Когда к власти пришли левые силы, реакция просто спятила. Ты слышал мою песню «Экс-Робин Гуд»?

- Который в конце концов стал работать на короля?

- Вот именно. Он бросал листовки, расклеивал плакаты, а когда включил «аудио», - те же люди с теми же улыбочками обращались к тому же президенту. Я писал о том, что люди за политической шелухой забывают о глубинной сути вещей. Историки скажут, к Ле Пену переметнулись толпы коммунистов, вот откуда его полку пришло. Это факт. И в этом повинно ваше правительство при Брежневле, не вызывавшее у французоз симпатии. А уж когда мы увидели Черненко... Ле Пен очень умело воспользовался ситуацией. У нас масса безработных и бедняков, их культурный уровень на нуле, и они-то и гонят волну расизма. Ле Пен предлагает им «отдушину» в виде национал-социалистических идей и лозунгов «Долой негров, долой арабов!». Но, во-первых, сами французы их к себе зывали, потому что никто из нас не хотел выполнять низкооплачиваемые работы, а, во-вторых, я против расизма как католик и убежденный космополит. Что не мешает мне быть патриотом. Я не верю в «прогрессивность» национализма, такого в природе еще не было. Я знаком со всеми религиями и уважаю все нации. Чем больше людей разных национальностей, тем больше между ними различий и тем интересней живется. Фашизм начинается с однообразия. Франция - Мекка для эмигрантов, и мы, французы, горды, когда наше подданство берут люди других национальностей, среди которых есть величайшие умы.

- А есть ли рок-музыканты, поддерживающие Ле Пена?

- Нет! Пока, слава богу, нет. Вся молодежная музыка, включая эстраду, на стороне левых сил. Молодежь считает, что социалисты лучше защищают ее права, чем кто-либо. Правда, они часто играют на этом. Обращался ли господин Горбачев к кому-либо из ваших рокеров с просьбой взять у него интервью?

- Эдва ли.

- А я, представь себе, вместе с Рено (популярный рок-бард. - А.М.) интервьюировал Миттерана в его резиденции на Елисейских Полях. Наши фамилии называли читатели газеты французских социалистов «Глоб». Дело было накануне выборов, и, разумеется, все выглядело, как

пропагандистский трюк. Но я сам не ожидал, что президент республики будет таким открытым.

- Оказалось, что господин президент без ума от рока?

- Оказалось, что, когда надо, - он его любит. И даже очень. Но меня, как всегда, больше интересовал не рок, а что он за человек, Миттеран. Мы задавали ему самые наивные вопросы, и, знаешь, он отвечал на них, как исповеднику. После этой беседы я положил руку на сердце и могу сказать, что этого человека я уважаю.

- «Телефон» выступал и на празднике газеты «Юманите»?

- Соблазн выступления перед 110 тысячами зрителей был слишком большой, мы не удержались. Но, заметь, я пел в майке Жоржа Марше (Генеральный секретарь Французской коммунистической партии. - А.М.). Публика очень веселилась. Нет, если бы у нас нашелся хотя бы один человек, который бы сказал: «Я - за Ле Пена», - его пришли бы слушать только бритоголовые.

- И, наверно, сам Ле Пен?

- Исключено. Он рок ненавидит. Как все правые и консерваторы.

- А у нас консерваторы называют рок «духовным СПИДом».

- Круто! Тут выстраивается силлогизм: против СПИДа известно лишь одно средство предохранения; эти люди, консерваторы, берут на себя охранительные функции в случае духовного СПИДа; следовательно, они - духовные презервативы, что и требовалось доказать. Лет 15 назад и нас ругали на все корки, называли наркоманами, декадентами... А кроме того, в рок-группах часто играют негры, у меня, например, гениальный перкашист-африканец. Рок и цветные для консерваторов, как трюпка для быка.

- Давай перейдем от политики к чему-нибудь хорошему, к поэзии, если не возражаешь. Кого сейчас у вас читают?

- Поэзия ушла в рок. Поэзия - то, что на слуху у всех, что знает большинство. А поэты, шифровальщики своих мыслей, выпускают сборники и дарят их друг дружке с дарственными надписями. Честно говоря, я с ними незнаком. Самый крупный поэт, по-моему, Серж Гензбур (актер, композитор, певец. - А.М.). Я люблю песенную форму за лаконичность, стройность композиции, за ее реaktivное воздействие на слушателя. Я люблю играть словами, омонимами, люблю рифму, которая ушла из «настоящей» поэзии, люблю просторечные выражения. На мой взгляд, т в поэзия кончилась на Бодлере и Рембо.

- Ты как-то сказал, что Рембо стал бы панком, родился он в наше время...

- Конечно же! Представить себе не могу, как, скажем, Моцарт, умевший заглядывать за горизонт своего времени, в нашем «теперь» надевает фрак и бабочку и садится за инструмент - играть «произведения Моцарта». Чуть! Сейчас бы он стал авангардистом, работал бы с компьютерами и синтезатора-

ми. По-моему, новые Моцарты есть и сейчас.

- Ты часто слушаешь классику?

- Не очень. Я люблю только те произведения, где есть энергия мысли. Для меня, по крайней мере, есть Классика и классика. Когда говорят: «Ах, эта классика!» и закатывают глаза на лоб, я внутренне против. Раньше я почти не обращал на классику внимания. Однажды ко мне зашел Серж Гензбур с кинной пластиной: «Если ты не знаешь этого, малыш, ты никогда ничего путного не напишешь. Эти господа моложе, чем мы с тобой». И Серж меня не обманул. Там были Равель, Дебюсси, Моцарт, Бах, Стравинский. Это действительно новые композиторы.

- Ну, а кто все-таки самый близкий тебе музыкант?

- Джон Леннон. Он обращался с музыкой, как ребенок. Он останется в памяти великим музыкантом, хотя, слушая его вещи, об этом забываешь. Все его мелодии вытекают из одного источника, их нельзя «препарировать». Я, например, до сих пор не понимаю, к а к он писал. Из слов ли рождалась мелодия или наоборот.

Другой такой музыкант - Принс. И хотя музыка его слишком «черная», чтобы пытаться следовать ей, а ней есть одно замечательное качество: она заставляет меня действовать, выпустить некоммерческие пластинки, работать всеми возможными и невозможными способами.

- Чувствуешь ли ты, что растешь как музыкант, как поэт?

- Песни следуют по пятам за моей жизнью, и я стараюсь выразить лишь то, что меня волнует. На данном этапе я стал более внимателен к мелочам повседневности. Может быть, оттого, что я стал отцом, не знаю. Я ощущаю вокруг дефицит человечности. Из того, что поют по ТВ и радио, меня мало что трогает, поскольку песни ничего не рассказывают мне о людях, которые их поют. И может быть, именно поэтому я решил поговорить на последнем альбоме о себе. Несколько вещей там носят настолько камерный, интимный характер, как будто их нашептывают на ухо. В отличие от, скажем, «Компромиссов» - песни, которая была в передаче

«Что? Где? Когда?» и полностью отвечает моему принципу: сперва выкрикаться до дна, а потом можно уже и петь.

- А кем бы ты стал, если бы у тебя не было музыкального слуха?

- Клошаром (парижский «бич». - А.М.). Не знаю. Может быть, сутенером (Смех...). Нет, для этой профессии я слишком застенчив и мал ростом. Скорее всего, пошел бы в лесники и писал на досуге что-нибудь о деревьях, травке... что-нибудь экологическое.

- Откуда же такое странное название твоего альбома, «Штукатурка и цемент»?

- Стечение обстоятельств. Я работал над этой, первой песней альбома, когда в доме шел ремонт. Рабочие стучали молотками, штукатурка сыпалась на волосы, голова раскалывалась.

Я ходил и орал: «Штукатурка! Цемент!» вместо «черт побери!» или чего-нибудь покрепче. Я пел: «Остановитесь, если вы будете продолжать строить стены вокруг меня, мой дом станет для меня тюрьмой».

- Ты так боишься одиночества?

- Нет-нет, обожаю. Я по натуре бирик. Но мне было бы страшно остаться на всю жизнь одному, в одиночке (Смех...), ш-штукатурка и цемент!

- Название «Обер н' Ко» наталкивает меня на мысль, что у тебя прибавилось ответственности...

- «Обер н' Ко» группа, но - открытая группа. Музыканты вольны сотрудничать с другими коллективами, клавишница Марин Розье даже пишет музыку к популярным художественным фильмам. Но, когда мы играем вместе, чувствую, что мы - одно целое. Я сочиняю музыкальные куски, тексты и отвечаю на вопросы журналистов. Когда же речь заходит об аранжировке, я прислушиваюсь к советам и мнениям всех остальных. Я человек очень в себе не уверенный и всей тяжести ответственности не вынес бы.

- Я понимаю, как ты устал отвечать на этот вопрос, но в самом деле не понятно - почему же распался «Телефон»?

- У «Телефона» было столько проблем, что мы перестали получать удовольствие от игры. Что же касается эксперимента, то он просто отсутствовал. Мы делали лишь то, чего от нас ждали, и не более. Когда стало невыносимым давление - пробка выскочила. Мы развалились.

«Телефон» был чисто гитарной группой, «Визитеры» продолжат, и не без успеха, этот «телефонный» стиль, ну а мы стали обращать внимание на инструменты, дремавшие в студии.

- Возможно ли возвращение «Телефона»?

- С «Телефоном» я пережил мою самую большую в жизни любовь. Мы, четверо, были знакомы 15 лет, 10 лет играли чуть ли не ежедневно. И остались друзьями. Не исключено, что мы сыграем вместе на каком-нибудь благотворительном концерте. Почему бы вновь не пережить приятные мгновения от совместной игры? Но не под названием «Телефон». «Телефон» умер...

- И последнее: что тебе запомнилось в Москве?

- Неделя - срок слишком определенный, чтобы иметь определенное мнение о людях. Я утверждаю это как профессиональный турист.

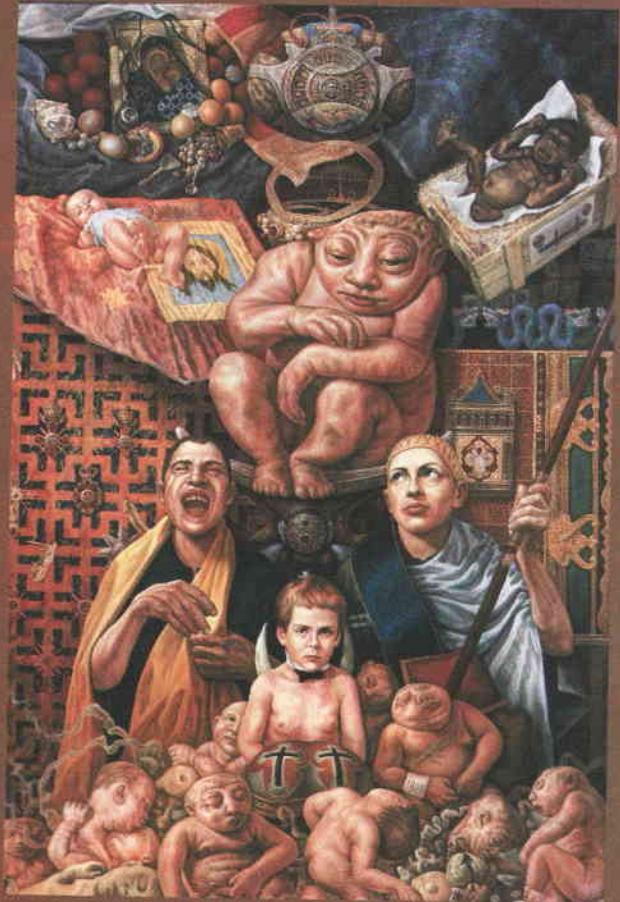
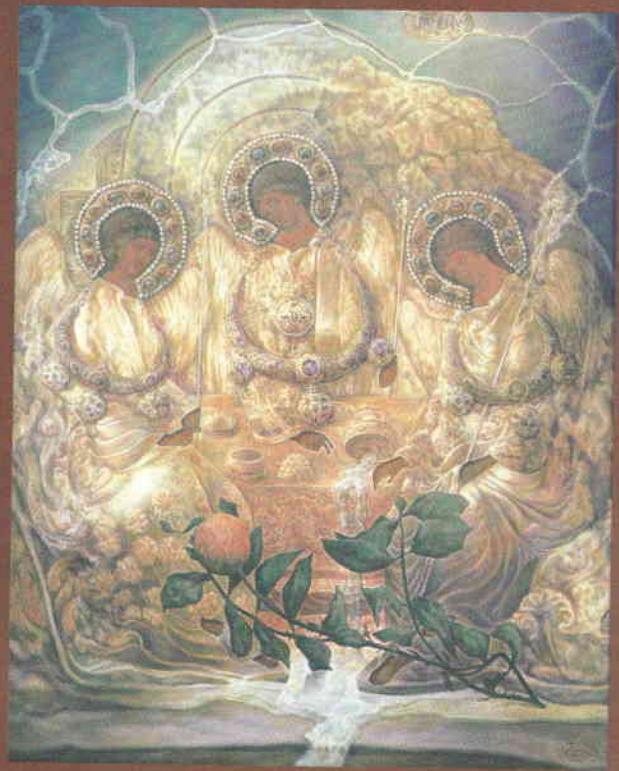
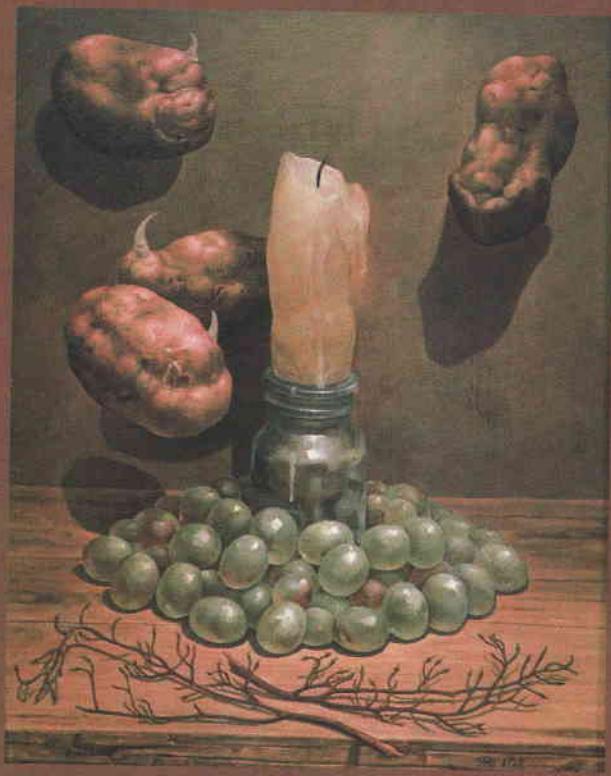
- И все же...

- Я углядел несколько хороших улыбок. Но их крайне мало. Впрочем, в Париже отношения между людьми только с виду более радужные. Не верь глазам своим: люди боятся людей. В Москве я этого не почувствовал. В Париже это проблема.

Беседовал по-французски

АЛЕКСАНДР МАРКЕВИЧ.

• Жан-Луи Обер - французский Джаггер.

- Безотцовщина • Покушение на будущее
 - Натюрморт • Опрокинутая чаша
- А. и В. ГИДУЛЯНОВЫ.

ПРЫЖОК ИЛИ ШАГ В СТОРОНУ

«Если я кажусь свободным, то лишь потому, что все время бегу.»

Дж. Хендрикс

А МЫ ЕЩЕ НЕТ

Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет. Кто хочет поменяться с ним местами, встает с колен, кладет трудовую книжку на подоконник и делает классическую рокировку Земля-Воздух-Земля. При этом небо становится родиной и пристанищем рок-н-ролла, а живая сила тяжести уходит в родную землю.

Наша родина не любит иноземцев, отсюда и такое истерическое гостеприимство, и добро пожаловать/скатертью-дорога, и хлеб-соль/хлеб-чей-суки-жрали! И много еще чего исконного, русоволового, синеглазого и простодушного. Поэтому любой наш здешний мало-мальски независимый человек, дабы не быть любимым сыном в отчем доме с двускатной крышей и двойным дном, дабы не носить хулыский отцовский пробор поперек лба и не nasledовать набитые дурным хламом сундуки и ворованные уздечки да стремена, делает единственно возможный спасительный для себя шаг. Он знает: в своем отечестве пророков не бывает. И вот, чтобы не брать заигранных крапленых карт, чтобы не понимать принятых в доме воровских перемигиваний и тычков, чтобы не крушить ежегодно о свои пьяные борта скрипящих пасхальных яиц и не «ботать» на осточертевшей «фене», этот чистосердечный туземец берет и прикидывается пришельцем. Он движется с Юга на крыльях весны; он пьет из реки, в которой был лед... Он пьет своей вайн, он ест свой чиз. Он идет по наклонной, не зная — вверх или вниз, не зная — здесь или там... Я, мол, и рад бы по-вашему, дорогие: я, мол, и рад бы вписаться в пути ваши лукавые, — да не могу, так как других я, простите, кровей! Вот — Маккартни, вот — Леннон, вот — Моррисон, вот — Дэвид Боуи (Давид по-вашему). Это вот и есть все мои единокровные братки. Это вот — панк, это вот — рок, это вот — психоделия!

Поохают тут отцы, поскребнут сухие затылки и изрекут свое малопонятное: «Нехай». Только пара каких-нибудь взедливых белых да тройка бдительных распутиных заголосит: «Гнать его в шею, иноземца проклятого! Он нам все урожаи потравит, он нам половы в рожь намешает и стекла в сено натолчет!» Ну да это уже не поможет. Иноземец-то, хоть он с виду и иноземец, а роду-то племени нашего, вожой его не перешибешь. Так и завелось: что ни поколение — то на Руси иноземец новый, прикинутый, со своими тараканами, со своими Павками Маккартни и Иванами Бодхидхармами. А там, глядь-поглядь, ба! да это ж наш Иван-дурак, сукин сын, третий по счету да первый по росту. Мы его в сарай послали курей щупать, а он, подлого, в коноплю свинтил и вот, подишь ты, на заморской жар-птице выруливает. Ивана тут же, конечно, в дом; коноплю в печку, а жар-птицу в курятник — яйца нести. Тут и сказке конец. Тут и „локоть к локтю, кирпич в стене. Мы стояли слишком гордо, мы платим вдвойне. За тех, кто шел с нами. За тех, кто нас ждал. За тех, кто никогда не простит нам то, что...» (см. начало текста).

КТО НЕЗДЕШНИЙ

Если забредет кто нездешний —
Поразится живности бедной,
Нашей редкой силе сердешной,
Да дури нашей злой заповедной.
Выкатим кадушку капусты,
Выпечем ватрушку без теста.
Что снаружи? Все еще пусто?
А внутри по-прежнему тесно...

Это слова из песни Александра Башлачева. Что делал Башлачев в роке? А что делал рок в России? Вопросы два, а ответ один. Жил он там. И продолжает жить. Почему бы и не бросить сто раз на полпути начатое дело, почему бы не переезжать с места на место и не метаться от логова к логову. Это ясно, что стаж прерывается, профсоюзы, пенсия и все такое. Но рок-н-ролл мертв именно в том смысле, в котором мертв Пушкин. Он не имеет права дожидать до пенсии и носить утепленные штаны с гвардейскими лампасами. Потому что рок-н-ролл не имеет права быть «вечноживым учением», которое «всесильно, потому что оно верно». Если не рок, то что? У Башлачева, у Шевчука, у Цоя и Кинчева, у Гребенщикова и Науменко просто не было другого выбора. Не могли же они стать дисциплинированными любителями Ахматовой и Мандельштама, Галича и Окуджавы. Не идти же им было в литературную студию имени Союза писателей или в музыкальный кружок при Союзе композиторов. Их послали на три буквы — они ушли в рок, в живую культуру, которая не обязана была следовать механическим устоям или мудрым заветам мечтательных махатм. Эта культура рождалась на глазах нашего времени на одном дыхании и, вызывая гулкое эхо в сердцах поколения, утверждалась в своей истинности.

ЭТО ВРЕМЯ

Перестройка — слово нормальное. Но что ж нам на нее теперь, молиться что ли? Вот Цой:

Я ждал это время.
И вот это время пришло.

Те, кто молчал,
Перестали молчать.

Жалко вот только, что замолчали те, кто пел до этого «пришло-го» времени. Зато можно услышать «Объект насмешек»:

Новое время — мы пришли в самый раз:
Революция здесь — значит, время для нас...
Стоп! Теперь — наше слово!
Вам куда? Лично нам — вперед!

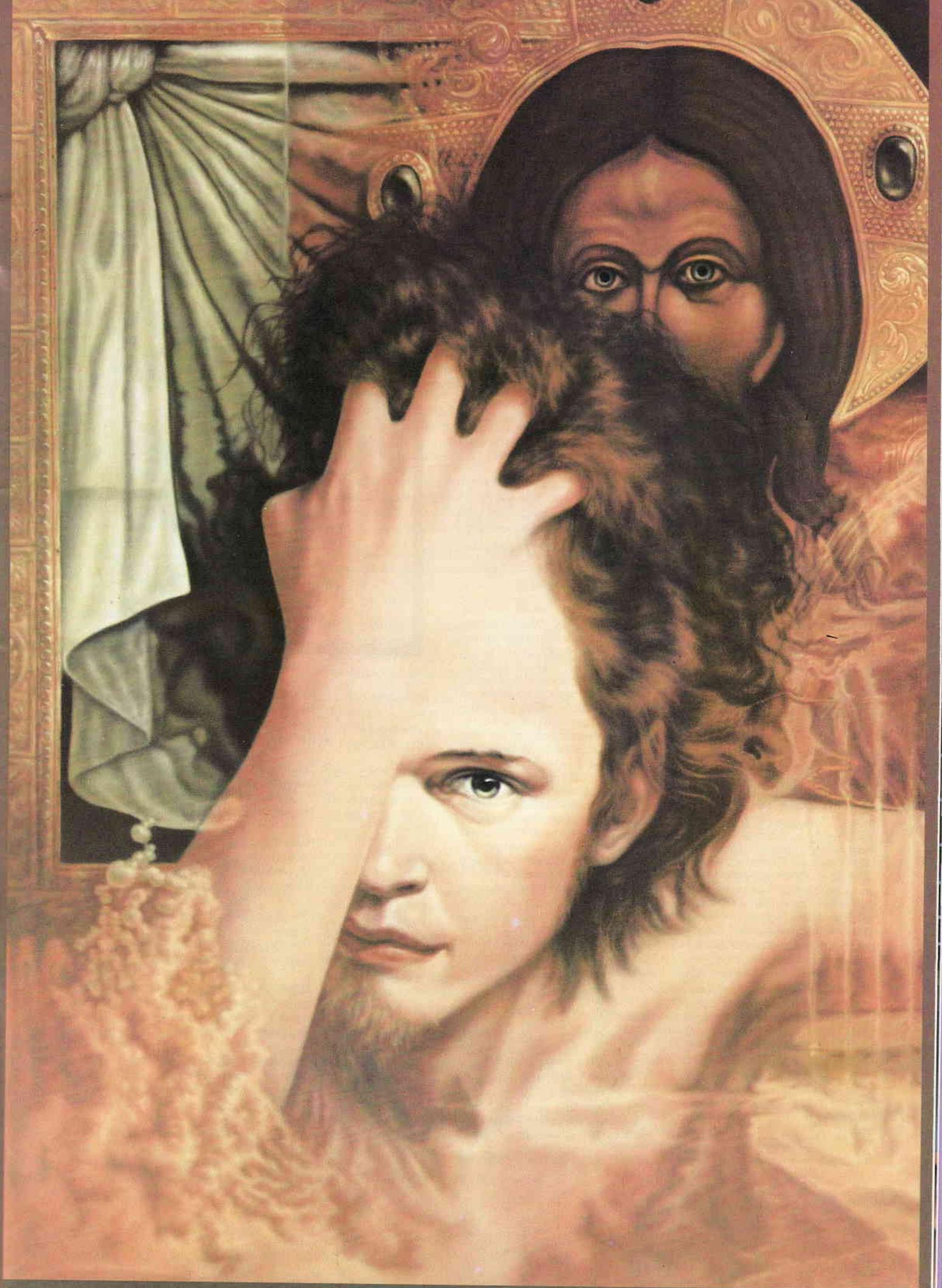
Вывод: «Подлинный рок — это и есть социальный рок». (Т.Голубева, Песня в общении молодежи, «Знание», Москва 1988-89 г.)
Приехали... А ведь рок — не орудие борьбы за светлое будущее, как и искусство в целом. Рок — вообще не орудие. Рок — «станок с неизвестным количеством струн». И не надо спешить. А уж если все-таки рок и орудие, то скорее — орудие любви. Отсюда иногда такая его безудержная эротичность. Но рок — есть рок, любовь — есть любовь. Она по-прежнему, хоть и наступило «новое время», бывает безответной, неразделенной, смертельной. И пусть «Объект насмешек» с энтузиазмом неисправимых р-р-революционеров рвется вперед, мы таких р-революций навиделись. Им — вперед, к победе. Нам лично — в сторону. «И вот это время пришло». Ну и что? Дальше-то что? Моррисон, может быть, воскрес? Или Заппа прибыл? В мире ведь все так же нетоплено. И вечно обуревающий Гоголь в очках Леннона все так же внятно шепчет: «Холодно на этом свете, господа...» Дорогие товарищи! Глупо полагать, что у рока есть какая-то цель. Глупо тем более утверждать, что эта цель достигнута, застигнута или достигнута. Страшно оказаться на праздничном хит-параде на Красной площади в ярмарочном наряде ветерана прошедшей рок-войны и знать, что война, то есть жизнь, продолжается, но ты ей уже не нужен. Празднуемая победа и есть твоё поражение. Это ясно, как божий день. И если ты — памятник, т.е. смерть самому себе, если ты — лозунг, то есть ложь для всех остальных, делай что хочешь. А рок, как и любовь, блядства не прощает.

СТРЕМ И СТЕБ

Есть такое хорошее занятие для начинающих — стебало. Есть не менее героическое дело — стрем. Но стремать стремающихся и стебать непростебаных быстро надоедает, когда понимаешь всю неуместность рок-анекдотов и рок-фельетонов на фоне исторической и личной катастрофы, на фоне смертельного космоса, обступившего жизнь со всех сторон. Рыночный рок такая же дикость, как и рок государственный. Рок — порождение и воплощение именно живой культуры, именно поэтому он очень чутко и болезненно реагирует на омертвление. Будь то стеб, стрем, утрата слуха или гармонии в себе. В себе или в окружающем рок пространстве. А что происходит вокруг?

«Печатали Владимира редко и неохотно. Ибо во времена застоя были нужны другие слова, другие размеры... Почувствовав эту тенденцию, Владимир ушел в науку, стал кандидатом, не переставая писать для себя, «в стол». Но, к счастью, времена меняются, и сегодня мы предлагаем вашему вниманию, дорогой читатель, стихи зрелого мастера, выдержавшего испытание одиночеством». Это один «литературный» поэт пишет о другом... Что можно сказать? Я лучше промолчу. Я специально написал слово «литературный» поэт, потому что знаю: ни один рок-человек не скажет такого о своем собрате. Язык не повернется. Это, наверное, из литературы, там можно куда-то уйти, «учитывая эту тенденцию», и «выдержать испытание одиночеством». (Пусть простят меня «не выдержавшие испытаний» Есенин, Маяковский и Цветаева.) Из рока невозможно уйти никуда, тем более в науку, «стать кандидатом» и «писать в стол». Рок в столе не помещается. Ему и в доме-то тесно. Откуда их столько понавывезало, румяных подпольщиков, «выдержавших испытание временем», со своими аккуратно собранными подборками кр-рамольных творений?

На всей необъятной территории нашей уникальной страны население бодро «тащится» от странствующих героев-коробейников. Периферию устраивает неудержимый юморист Задорнов, с головокруглительной смелостью режущий правду-матку о колбасном и прочем дефиците. Он даже слово «коммунизм» в юмористическом контексте не боится произносить. Время такое! А столице подавай что-нибудь позакoveryстее, здесь просто хохме смеяться не будут — все-таки образование, вкус, кругозор. Необходим культуризованный вариант вождяленного стеба. Тут и выходит из «героического туберкулезного подполья» румяный московский клуб «Поэзия». Иртенев, Друк, Туркин, Искренко, Пучков, Строчков, Бунимович... Авторы сменяют друг друга на поэтической пол-сцене, но слышно по существу одно и то же: «что вам угодно» и «кушать подано». Хотите поэмку о Лигачеве и Ельцине? Пожалуйста, свеженькая, только что из пекарни! Не желаете ли стишков про Раису и Михаила — а вот они, родненькие. Матерку немножечко? Бу сделано! На жаргоне пробазлат? Про травку и про тусовку? — Одну минуту! СПИД, Сталин, Афганистан, коитус, оргазм... Что ва-

шей душе угодно! Все ключевые слова я цитирую по записи с вечера 7 июня 1989 года «Лучшие стихи сезона», проведенного в Москве клубом «Поэзия». Пахнет кабаком? Попс есть попс. Куда от него денешься? Правда, наблюдать симфонический оркестр, лабающий в кабаке при публичном доме, порою просто невыносимо. Слава Богу, что Башлачев не написал таких «лучших стихов сезона», он вообще был явлением несезонным. Черт с ней, с этой игровой поэзией «Поэзии». Рок, уставший от половой активности, пройдя через закаленный безостановочным траханьем панк, ощутил в итоге, что это не есть любовь, то есть рок, то есть жизнь, то есть правда и т. д. Этот рок произнес свое «уходи, я тебя не люблю, вероятность второй нашей встречи равна нулю». Этот рок оказался намного мудрее и прозорливее разрезавшегося домашнего искусства (см. «Домашние животные», Москва, «Знание», 1987 г.). Литература метнулась в хохму и публицистику. Кинематограф стал поспешно осваивать разрешенную Хозяином эротику и соц. трагедию. Телевидение изнемогло от собственной актуальности, мануальности и сексуальности.

ВОДА, ОДЕТАЯ В СТЕКЛО

Эти маменькины сынки вырвались на охраняемые спецвойсками патрулируемые улицы и заторчали от собственного героизма, не понимая, что только что по улицам прошли поливальные машины, смывающие с асфальта следы трагической ночи. И кажущаяся свежесть не есть свежесть радости и триумфа. Это свежесть кладбищенской земляники. Правду говорить так же тяжело, как и раньше. Только правду не про вчера, а про сегодня. Рок пытался обрядить в победителя сраженного добрым дядей зла, но рок не сражался на стороне доброго дяди. Этого не надо забывать. А потом, зло не повержено — оно просто ушло на пенсию, оставив после себя княжить все ту же нежить.

Скажи мне кто? Какой смешной вопрос.
Он за спиной, попробуй оглянись.
Составы туч несутся под откос,
А звезды, шурясь, смотрят сверху вниз.
(В. Плавинский, «Вежливый отказ»)

Обернуться, оглянуться на того, кто стоит за спиной, у обласканных властью победителей не хватает силы и времени.

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.

Эти строки Мандельштам написал в 1936 году, перед тем как сгинуть во глубине Сибирских руд. В Европе с тех пор стало теплей. В Италии светлей. Но руки брадобрея все так же отвратительны, тем более что бреют уже напрямую, без мыла и прочих фокусов. И если кому-то все-таки позарез необходимо именно вперед, мы посторонимся. Року, лично, — в глубь и в сторону. Я понимаю, что какой-нибудь остроумный «НИИ Косметики» может по-прежнему буравить небо пионерскими салютами и имитировать на сцене отряд имени гбелы П. Морозова, вытаскивая при этом на сцену голых баб. Я понимаю, что очередные «Тупые», полагающие, что крутейший панк и мыльные шоу — это то, что надо, имеют право на существование. Все дело в том, кто и что себе может позволить. Башлачев себе этого позволить не мог. У него был попросту другой масштаб и другой мир. Он не мог петь даже своих «старых» песен, а время новых не наступало. Может быть, время рока остановилось? Хотя руки и ноги вроде бы целы. Цой поет, Кинчев поет, Шевчук поет, Борзыхин поет... А сердце стучит. Последняя пластинка Гребенщикова, сделанная в Америке, называется «Радио Тишина». Никто, кроме Боба, похоже, не догадался настроить радио на эту волну, хотя ручки крутили все кому не лень. Боб опять всех опередил. Всех, за исключением Башлачева. И вслед за Башлачевым двинул свой «Аквариум» вниз с обиденного подоконника. В апреле этого года «Аквариума» тоже не стало. Вода, одетая в стекло, прыгнула вниз. Стекло, наверное, разобьется, вода, надеюсь, останется и уйдет восвояси. (См. учебник «Природоведение» за 5-й класс, «Круговорот воды в природе».) Уйдет в андеграунд. Под землю, по-вашему.

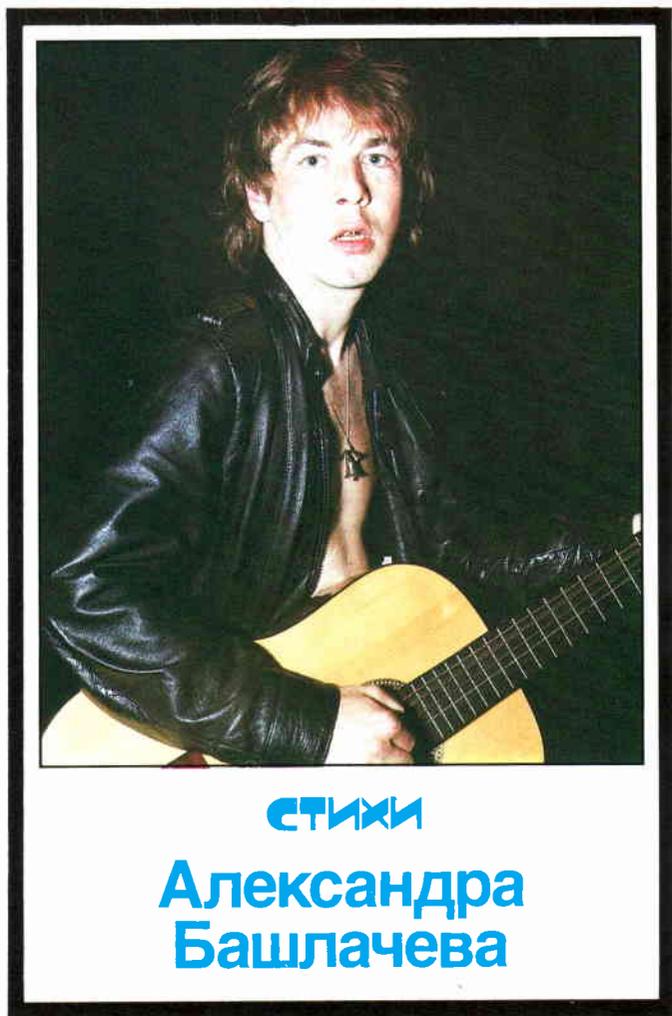
Мне не надо пропуска ночного —
Часовых я не боюсь.
За блаженное бессмысленное слово
Я в ночи январской помолюсь.
О. Мандельштам

Мы стояли на плоскости с переменным углом отраженья,
Наблюдая закон, приводящий пейзажи в движение,
Повторяя слова, лишённые всякого смысла...
Б. Гребенщиков

Имя имен вырвет с корнем все то, что до срока зарыто...
Увидимся утром. Тогда ты поймешь все сама.
А. Башлачев

А. СЕМЕНОВ

● «Сатир». В. Гидулянов.

СТИХИ

Александра Башлачева

Мы льем свое больное семя
На лезвие того ножа,
Которым нас срезает время,
Когда снимает урожай.

Демократичней всех растений
Величие простой травы,
И две мозоли на коленях
Иным полезней головы.

Я приглашаю вас к барьеру —
Моих испытанных вратов —
За убеждения и веру
Плеваться с десяти шагов.

Сегодня всем раздали крести —
И умному и дураку.
Погиб поэт — невольник чести,
Сварился в собственном соку.

Давай жевательной резинкой
Залепим дыры наших ран.
Разбив любимые пластинки,
Уткнемся в голубой экран.

Шуты, фигляры и пророки
Сегодня носят фендера,
Чтобы воспеть в тяжелом роке
Интриги скотного двора.

И каждый вечер в ресторанах
Мы все встречаемся и пьем.
И ищем истину в стаканах,
И этой истиной блюем.

Мы льем свое больное семя
На лезвие того ножа,
Которым нас срезает время,
Когда снимает урожай.

Мы запряжем свинью в карету,
А я усядусь ямщиком.
И двадцать два квадратных метра
Объедем за ночь с ветерком.

Мы вскроем вены торопливо
Надежной бритвою «Жилет».
Но вместо крови льется пиво
И только пачкает паркет.

Под тусклым солнцем трудно зреют
Любви святые семена.
Любовь подобна гонорее,
Поскольку лечится она.

Мы льем свое больное семя
На лезвие того ножа,
Которым нас срезает время,
Когда снимает урожай.

1983—1984 г.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

В рабочий полдень я проснулся стоя.
Опять матрац попутал со стеной.
Я в одиночку вышел из запоя,
Но — вот те на! — сегодня выходной.

И время шло не шатко и не валко.
Горел на кухне ливерный пирог.
Скрипел мирок хрущевки-коммуналки,
И шлепанцы мурлыкали у ног.

Сосед Бурштейн стыдливо бил соседку.
Мы с ней ему наставили рога.
Я здесь ни с кем бы не пошел в разведку,
Мне не с кем выйти в логово врага.

Один сварил себе стальные двери.
Другой стишки кропает до утра.
Я — одинок. Я никому не верю.
Да, впрочем, видит Бог, невелика потеря
Весь ихний брат и ихняя сестра.

Экран, а в нем с утра звенят коньки...
В хоккей играют настоящие мужчины.
По радио поют, что нет причины для тоски,
И в этом ее главная причина.

В «Труде» сенсационная заметка
О том, что до сих пор шумит тайга.
А мне до боли хочется в разведку,
Уйти и не вернуться в эту клетку,
Уйти — в чем есть — в глубокий тыл врага.

Из братских стран мне сообщает пресса:
Поляки оправляются от стресса.
Прижат к ногтю вредитель Лех Валенса,
Мечтавший всю Варшаву отравить.

Да, не все еще врубилась в суть прогресса
И в трех соснах порой не видят леса.
Бряцает амуницией агрессор,
Но ТАСС уполномочен заявить:

«Тяжелый смог окутал Вашингтон.
Невесело живется без работы
В хваленых джунглях каменной свободы,
Где правит ЦРУ и Пентагон.

Среди капиталистов наших стран
Растет угар военного психоза.
Они пугают красною угрозой
Обманутых рабочих и крестьян.

А Рейган — вор, ковбой и педераст —
Поставил мир на ядерную карту.»
Тревожно мне. Кусаю свой матрац.
Дрожу, как СС-20 перед стартом.

Окончился хоккей. Пошли стрекоты.
А по второй насилуют кларнет.
Да как же можно? Ведь висит угроза!
И ничего страшней угрозы нет!

Да, вовремя я вышел из запоя...
Не отдадим родимой Костромы!
Любимый город может спать спокойно
И мирно зеленеть среди зимы.

Буденовку напялю на затылок.
Да я ль не патриот, хотя и пью?
В фонд мира сдам мешок пустых бутылок
И из матраца парашют скрою.

Возьму аванс. Куплю себе билет
На первый рейс до Западной Европы.
В квадрате Гамбурга — пардон, я в туалет! —
Рвану кольцо и размотаю стропы.

Пройду, как рысь, от Альп и до Онеги
Тропою партизанских автострад.
Все под откос — трамвай и телеги.
Не забывайте, падлы, Сталинград!

Пересчитаю все штыки и пушки.
Пускай раскрыт мой корешок-связной —
Я по-пластунски обхожу ловушки
И выхожу в эфир любой ценой.

Я — щит и меч родной Страны Советов!
Пока меня успеют обложить —
Переломая крылья всем ракетам,
Чтоб на Большую землю доложить:

Мол, вышел пролетарский кукиш Бонну.
Скажите маме — НАТО на хвосте!
Ваш сын дерется до последнего патрона
На вражьей безымянной высоте.

Хочу с гранатой прыгнуть под колеса,
Но знамя чести проглотить успеть.
Потом молчать на пытках и допросах,
А перед смертью — про Катюшу спеть.

Бодун крепчал. Пора принять таблетку.
В ушах пищал секретный позывной.
По выходным так хочется в разведку.
— Айда, ребята! Кто из вас со мной?

1984 г.

ХОЗЯЙКА

Сегодня ночью — дьявольский мороз.
Открой, хозяйка, бывшему солдату.
Пусти погреться, я совсем замерз.
Враги сожгли мою родную хату.

Перекрестившись истинным крестом,
Ты молча мне подвинешь табуретку,
И самовар ты выставишь на стол
На чистую крахмальную салфетку.

И калачи достанешь из печи,
С ухватом длинным управляясь ловко.
Пойдешь в чулан, забрякают ключи.
Вернешься со своей заветной пол-литровкой.

Я поиграю на твоей гармонии,
Рвану твою трехрядку от души.
Чего сидишь как будто на иконе?
А ну, давай, пляши, пляши, пляши...

Когда закружит мои мысли хмель,

И «День Победы» я недоиграю,
Тогда уложишь ты меня в постель,
Потом сама тихонько ляжешь с краю.

А через час я отвернусь к стене.
Пробормочу с ухмылкой виноватой:
— Я не солдат... Зачем ты веришь мне?
Я все наврал. Цела родная хата.

И в ней есть все — часы и пылесос.
И в ней вполне достаточно уюта.
Я обманул тебя. Я вовсе не замерз.
Да тут ходьбы всего на три минуты.

Известна цель визита моего —
Чтоб переспать с соседкою-вдовой.
А ты ответишь: — Это ничего...
И тихо покачаешь головою.

И вот тогда я кой-чего пойму.
И кой о чем серьезно пожалею,
И я тебя покрепче обниму
И буду греть, пока не отогрею.

Да, я тебя покрепче обниму
И стану сыном, мужем, сватом, братом.
Ведь человеку трудно одному,
Когда враги сожгли родную хату.

1984 г.

ЛИХО

Если бы не терпели — по сей день бы пели.
А сидели тихо — так разбудили лихо.
Вьюга продувает белые палаты.
Головой кивает хвост из-под заплаты.

Клевер да береза — полевое племя.
Север да морозы — золотое стремя.
Серебро и слезы в азиатской вазе,
Потом юродивые князя нашей всепогодной
грязи.

Босиком гуляли по алмазной жиле.
Многих постреляли, прочих — сторожили.
Траурные ленты, бархатные шторы,
Брань, аплодисменты да стальные шпоры.

Корчились от боли без огня и хлеба.
Вытоптали поле, засевая небо.
Хоровод приказов, петли на осинах,
А поверх алмазов — зыбкая трясина.

И позабыв — откуда, скачем кто куда.
Ставили на чудо, да выпала беда.
И по оврагу рыщет бедовая шайка —
Батька-топорище да мать моя — нагайка.

Ставили артелью — замело метелью.
Водки на неделю, да на год похмелья.
Штопали на теле. К ребрам пришивали.
Ровно год потели. Да ровно час жевали.

Ну, пососали лапу — поскрипим лаптями.
К свету по этапу, к счастью под плетями.
Веселей вагоны. Пляс да перезвоны.
Кто услышит стоны краденой иконы?

Вдоль стены бетонной ветерки степные.
Мы тоске зеленой племяши родные.
Нищие гурманы, лживые сироты,
Да горе-атаманы из сопливой роты.

А мертвякам припарки — как живым медали.
Только и подарков — то, что не отняли.
Нашим или вашим липкие стаканы?
Вслед крестами машут сонные курганы.

1984 г.

Эх, налей посошок, да зашей мой мешок -
На строку - по стежку, а на слова - по два шва.
И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.

Отпевайте немых! А я уж сам отпою.
Ты меня не щади - срежь ударом копья.
Погляди - на груди повело польнюю,
Расцарапав края, бьется в ране ладья.

И запел алый ключ. Закипел, забурился...
Завертело ладью на веселом ручье.
А я еще посолил. Рюмкой водки долил,
Размешал и поплыл в преисподнем белье.

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
Покрути языком - оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.

- Отпусти мне грехи! Я не помню молитв,
Если хочешь - стихами грехи замолю.
Но объясни - я люблю оттого, что болит,
Или это болит, оттого что люблю?

Ни узды, ни седла. Всех в расход, все дотла.
Но кое-как запрягла. И вон - пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.

А наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в „спаси-сохрани“.
Ведь святых на Руси - только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси - схорони.

Так что ты, брат, давай! Ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдается и ты мне знаком...
Часовой всех времен улыбнется: «Смо-
три!»
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок, да наливай посошок!
На строку - по глотку, а на слова - и все два.
И пусть сырая метель все кроит белый шелк,
Мелко вьет канитель, но плетет кружева.

осень 1985 г.

ВЕЧНЫЙ ПОСТ

Засучи мне, господи, рукава.
Подари мне посох на верный путь.
Я пойду посмотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь.
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь.
Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей черные сухари.
Раскрошу, доброшу до самых звезд.
Гори, гори ясно, гори
По Руси по матушке Вечный пост.

Хлебом с болью встретят златые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи, храни нас, покуда не грянет гром.

Завяжи мой влас песней на ветру.
Положи ей властью на имена.
Я пойду посмотреть, как твою сестру
Кроют сваты втемную в три бревна.

Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди, да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмет на зуб да не в квас, а в кровь.
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас - на Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.

На клинках клялись, пели до петли.
Да с кем не куролись, да где не колеси.
А живи, как есть, в три погибели.
Испокон сродни черной ереси.

Как в глухом лесу плачет черный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром.
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господи, храни нас, покуда не грянул гром.

Как плясали искры в сыром бору.
Как писали вилами на роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

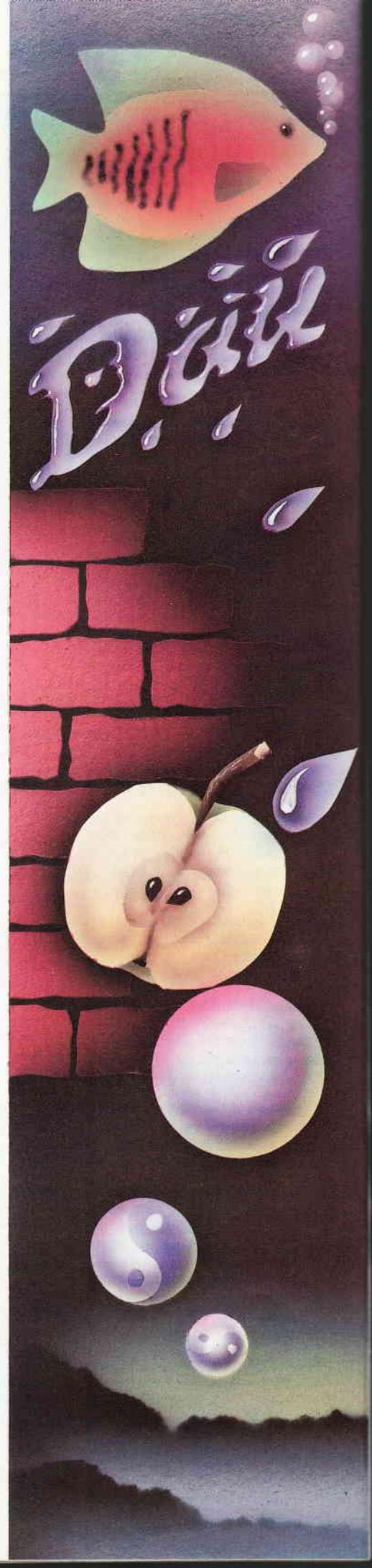
Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть как место на звон мечом,
Если все вершины - на свой аршин.
Если в том, что есть, видишь что почем.

Но серпы в ребре, да серебро в ведре
Я узрел не зря. Я - боль яблока.
Господи, смотри, видишь на заре
Дочь твоя ведет к роднику быка.

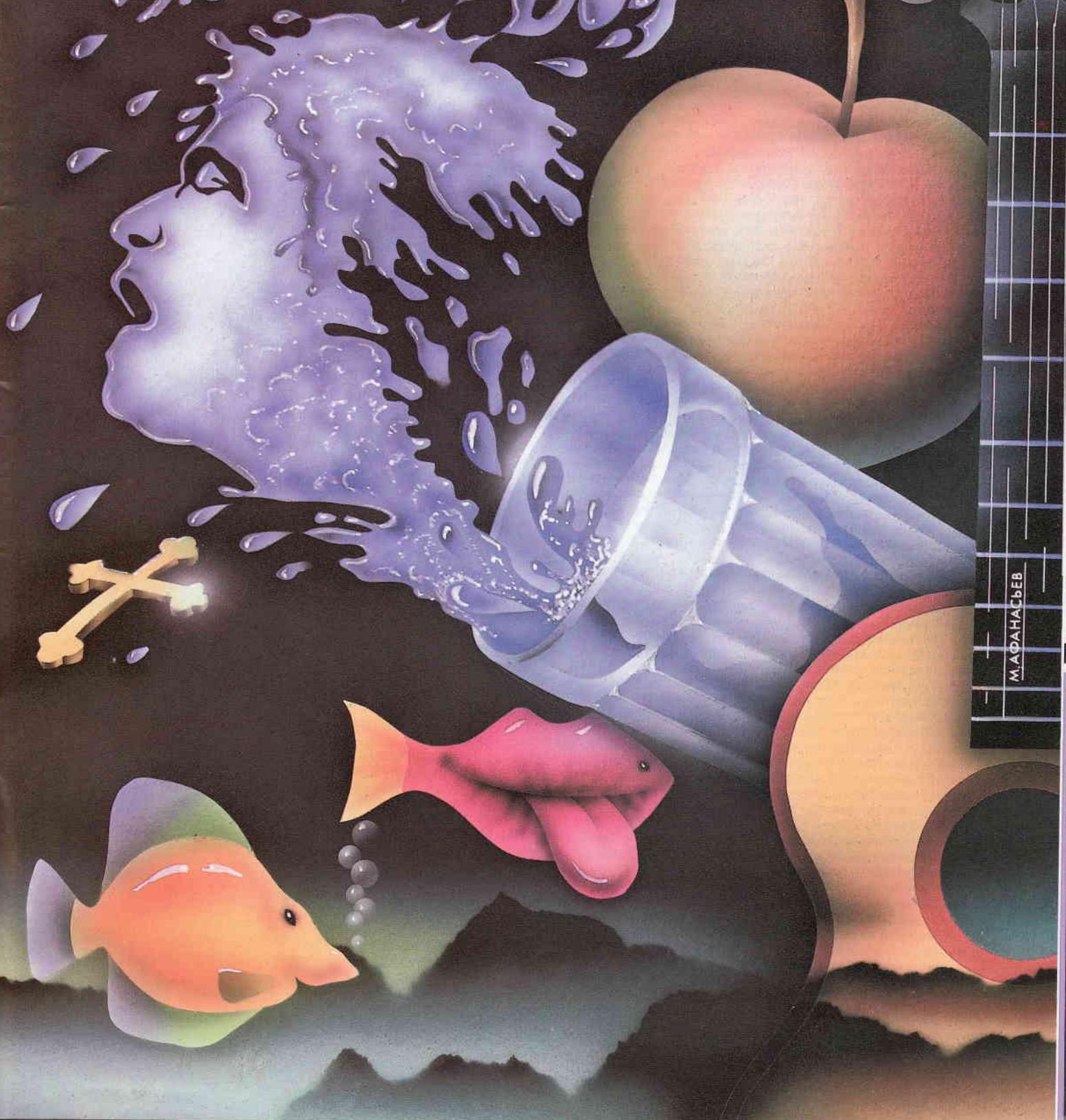
Молнию замолви, благослови.
Кто бы нас не пас, худом ли, добром.
Вечный пост, умойся в моей любви.
Небо с общину, все небо с общину.
Мы празднуем первый гром.

1986 г.

- Александр Баишачев —
крупнейший поэт рок-культуры.
- Похороны А.Баишачева —
Пост Ковалево близ Ленинграда.

Жизнь наполняется железнодорожной водой

М. АФАНАСЬЕВ

Духовный СПИД, чума XX века, сатанизм и космополитизм, питательная среда для наркомании и проституции. Такими словами крестили на своем Пленуме писатели великовозрастное дитя — отечественную рок-музыку. Пожалуй, в одном они правы. Рок-музыку мы получили из-за «кордона», впрочем, так же, как драму, балет, оперу и даже гармошку. Энергия ее была такова, что ни уroveň нашей бытовой техники, ни шумовая завеса, возведенная умельцами, не смогли оказать ей хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления. Забавнее всего выглядели стайки молодежи в Прибалтике, слетающиеся к VЕFам, прижимавшиеся к ним чуть ли не телом и впитывавшие в себя «Земляничные поляны навеки». Значительно позже, в 1986 году, «Литературная газета» опубликовала статью знатного литератора В.Рослякова, в которой эта песня «Битлз» цитировалась в подстрочном переводе и подстрочно же комментировалась как бессмысленная пошлость, уводящая нашу молодежь от конкретных задач коммунистического строительства в наркотический мир иллюзий. Это была первая в моей жизни критическая статья, над которой я плакала. Плакала от страшного сознания собственного бессилия. Джон Леннон был уже мертв, а с ним — эпоха длинноволосяных интеллектуалов, и над детским домом, возле которого он воспитывался (детдом назывался «Земляничные поляны»), над сиротским приютом, в котором выросли «дети-цветы» (хиппи), над святой памятью каждого человека о детстве и над фильмом Ингмара Бергмана глумился проповедующий нравственный закон Росляков. Человек, родившийся взрослым. Strawberry fields forever! Тогда, в молодости, это было неосознанно, но «Битлз» воспринимались знаком свободы. О них писали как о грязных хулиганах, а на сцене стояли четыре пареня в костюмах, белых рубашках и при галстуках. Впрочем, это мы узнали теперь. Тогда же видели на пластинках (Боже, сколько они стоили, эти диски и плакаты из журналов) глаза Пола Маккартни — детской ясности и кристальной чистоты глаза, такие же, как его родниковый голос. По ощущению это было похоже на колодец в пустыне. «Здесь дворы, как колодцы, но нечего пить», — позже зафиксировал Гребенщиков. «Есть целое небо, но нечем дышать», — откликнется А.Башлачев. Заметьте, это уже традиция русской литературы — достаточно вспомнить «Глоток свежего воздуха» из «Месяца в деревне» Тургенева или желтый каменный мешок — образ Петербурга Достоевского.

В общем, мы упивались «Битлз» и «Роллинг Стоунз», и этот напиток топил в нас рабов. Они были просто свобода. Вслед за ними — свобода творчества. До сих пор нет никого, кто мог бы равняться Джиму Моррисону в даре импровизации, нет гитариста, равного Джими Хендриксу, нет певицы, столь вольно и страстно чувствующей себя в блюзах, рок-н-роллах и балладах, как Джейнис Джоплин. Им было мало свободы, отпущенной Богом. Они искали ее в синтетическом наркотике-галлюциногене ЛСД. Тогда он считался относительно безвредным. Между смертью Моррисона и Хендрикса и смертью Джоплин прошло полтора года. Винават ли был ЛСД? Да. Но где и когда свобода творчества не стоила жизни ее творцам? Их место пустует по сей день. Но рядом уже поднимались другие — самые мощные носили имя «Пинк Флойд». «Пинк Флойд» были не только носителями традиции, превосходными музыкантами и музыкальными мыслителями, но мыслителями в более общем смысле этого слова.

Три ударные волны рок-музыки (простите мне невольную схему) если не взорвали, то раскачали стену, сотканную социальными мифами, предрассудками, бессмысленными запретами и нашими комплексами.

«Мы пришли, чтоб разбить эти латы из синего льда», — позже прозвучит у Башлачева. «Битлз» и «Роллинг Стоунз» — физическое раскрепощение, психоделика — свобода творчества и «Пинк Флойд» — свобода мысли. Наверное, это наивно, но я до сих пор полагаю, что нам они были нужнее, чем англичанам и американцам.

Первые советские рок-группы... «Соколы», «Братья», «Скоморохи», «Рубиновая атака», «Мифы», «Россияне», «Смещение», «Машина времени», «Воскресение». Сначала концерты в Домах культуры. Позже, когда стало «нелзя», — магнитоальбомы. Именно они, неподвластные никакому контролю, вывели в лидеры в середине 70-х «Машина времени». Я никогда не любила ее. Тексты А.Макаревича грешили, на мой вкус, претенциозностью и многословием.

Но... «Хороша свинья вареная, соленая, копченая, но не хороша свинья неблагодарная». И мы очень обязаны А.Градскому, А.Макаревичу, А.Романову и другим людям, которые заехали на родном языке и сделали это осмысленно, а не под копирку Запада.

С точки зрения моих соотечественников, к середине 70-х годов западная музыка вступает в пору своей коммерциализации. Шоу-бизнес справился со своим противником не кнутом, но пряником. Реакцией на косметико-кондитерскую процедуру припудривания и подсахаривания стал панк-рок, стремящийся вернуть все на круги своя методами крайнего эпатажа. Чуть позже для меня начинается наш отечественный рок как движение. Гребенщиков расска-

зывал со сцены тбилиским и прочим... молодым ребятам, как и чем живут их сверстники в городе Ленинграде. Рассказывал на том же самом языке, на каком его слушатели обменивались репликами в перерывах: без высокопарных нравоучений, назойливой средневековой символики, малейших попыток ставить себя «над». За этой искренностью внимательный слушатель чувствовал непривычную силу — силу человека, который понял, кто он такой и где его место на этой земле, и поэтому уже не хочет никуда бежать. Короли минувшего десятилетия просили у жюри сострадания и награды. «Дайте мне мой кусок, пока я не вышел вон!» — выплюнул в микрофон Гребенщиков, перечеркивая тем самым все свои шансы на коммерческий успех и привлекая разнообразными кары на свою голову». Вполне понятен энтузиазм жюри фестиваля «Тбилиси — 80», покинувшего зал при появлении на сцене «Аквариума». «Аквариум» и «Зоопарк» был наш советский панк. Вообще в рок-среде распространена версия об исключительной органичности этой разновидности рока в наших условиях. «Собака бывает кусачей только от жизни собачьей» — это не панк-текст, но сформулировано точно. Может быть, поэтому все наиболее интересные советские рок-группы тяготеют к панку, хотя по строгим критериям им не являются.

«Аквариум» и «Зоопарк» стали глотком воды в местных условиях: «Дай мне напиток железнодорожной воды». С Гребенщиковым все теперь знакомы. Его показывают по ТВ, публикуют интервью, выпускают диски. Только что вышла и пластинка, составленная в основном из ранних вещей «Зоопарка».

Лирический герой, которого вырастила ленинградская школа, — герой исповедующийся. Жизнь в ее абсолютной конкретности, во всем множестве реальных деталей, жестов и слов проходит не вне, но внутри человека и выплескивается в музыку и тексты как настроение по поводу: «Я сижу в сортире и читаю «Роллинг Стоунз». Венечка на кухне разливает самогон. Я боюсь жить. Наверно, я трус. Денег нет, зато есть пригородный блюз» (М.Науменко, «Зоопарк»).

И Гребенщиков, вопреки общепринятой точке зрения, никогда не писал социальных вещей. Он писал песни-состояния, песни-ощущения от этого мира, жизни, отношений, прочитанных книг, услышанных мелодий. Но его ощущения были близки и эмоционально понятны большому кругу людей даже тогда, когда не были ясны источники ассоциаций, будь то Лао Цзы, Герман Гессе, Гийом Аполлинер или Джим Моррисон. Кстати, последнее время Гребенщикову все чаще предъявляют обвинение в том, что он занимается культурпросветом, переводя на русский язык древнекитайские трактаты или западных рок-н-рольных исполнителей. Если это так и было — задача из лагерных, ведь БГ не скрывает, не прячет ни текстовых, ни музыкальных цитат. Наоборот — подает их, заставляет прислушаться. Можно не знать, что «Я пришел на этот концерт» имеет отношение к Гессе, а проповедуемое «Разве любовь травы меньше твоей любви» — к древней религиозно-философской системе, что фраза «Что они сделали с нашей землей, что они сделали с нашей прекрасной сестрой» переведена из Моррисона, а композиция «Сны о чем-то большем» гармониями напоминает вещь «Токинг Хэдз». Может быть, само знание затрудняет естественное восприятие песен Гребенщикова. Спокойная, причудливая вязь ассоциаций вернет вас не к тому, что было истоком для Гребенщикова, но к чему-то своему, близкому и родному.

Я говорю «песни-ощущения», потому что знаю, что больше всего на свете рок-музыканты начала 80-х боялись назвать вещи своими именами. Тому было внешнее объяснение — безликость, пошлая затасканность некогда высоких слов не только на эстрадной сцене, но и на той эстраде, которую представляло наше общество. И есть причина внутренняя. Ни Гребенщикову, ни Науменко не надо залезать в шкуру действующего лица, это их собственная, очень тонкая кожа, под которой прячется ранимая, гонимая, больная душа. Они стараются скрыть это, накручивают грубые, вульгарные приметы дешевого быта, шокируют нас изображением обыденной жизни.

«Он живет на Петроградской в коммунальном коридоре между кухней и уборной, и уборная всегда полным-полна. И к нему приходят люди с чемоданами портвейна и проводят время жизни за сравнительным анализом вина». Это песня «Аквариума» о российском интеллигенте. А вот «Зоопарк» о любви: «Когда я вернулся, ты спала. Я не стал тебя будить и устраивать сцен. В конце концов, какая разница, с кем и где ты провела эту ночь, моя сладкая Н.».

Ленинградцы не любят слов о душе еще и потому, что бояться остаться лицом к лицу с равнодушным, а то и враждебным миром. Но потребность в том, чтобы раскрыться, велика. Она сильнее, чем страх. В этом конфликте — пробиться, достучаться и найти единомышленников или отгородиться, укрыться щитом иронии, натуралистической откровенности, показного цинизма — нерв ленинградской рок-музыки, самое живое и сокровенное из того, что в ней есть.

● Майк Науменко и «Зоопарк» — глоток воды в местных условиях.

Рок-культура пародийна: «Пародия помогает художнику превратить старые художественные формы в предмет эстетической игры». «Старик Козлодоев» «Аквариума» — совершенно хармсовская вещица, а вышецитированное про интеллигента называется «Иванов».

«Но вот все двери растворились, повсюду шепот пробежал, на службу вышли Ивановы в своих штанах и башмаках...» — это почти одноименное стихотворение «Ивановы» Николая Заболоцкого 1928 года в бытность его «обериутом». Пародии обериутов свидетельствовали о пародийности самой жизни. То же самое в полной мере относится и к пародиям рок-культуры. Пародийное игровое начало, парадоксальное опровержение мифологемм в современность становится темой одной из сильнейших композиций «Зоопарка» «Уездный город Н.»: «Наполеон с лотка продает ордена... Диск-жockey кричит: «А все-таки она вертится» — вы правы, это Галилей... Маяковский в желтой кофте, доходящей ему до колен, везет пятнадцать пудов моркови на рынки города Н.»

Маяковский бы простил, потому что был высокого роста и наряжался в желтую кофту, простил бы Хармс, тоже очень рослый был человек, а носил короткие штаны, клетчатый шورتук, круглую шапочку и нарисованную на щеке зеленую лягушку. А вот Росляков (какая ирония с фамилией!) и иже с ним не простят. Потому что налицо отрыв от русских корней. Маяковский — грузин, Хармс — еврей. Если же найти явные параллели с Блоком... «Что, это единственное, что вы из Блока поняли? Тогда вы — человек конченный».

И все же, рядом с насмешкой, издевкой в духе Маяковского или Хармса нашей рок-культуре свойственна иная, родная русской культуре тема — человека, погребенного обстоятельствами, в котором никто, даже он сам, не распознает той духовности, талантливости, человечности, которые есть его суть и ценность. Это касается интеллигента Иванова и сторожа Сергеева из песен Гребенщикова, персонажей М.Науменко и героев крупнейшего поэта рок-культуры Александра Башлачева. «Погиб поэт — невольник чести, сварился в собственном соку» — заземление Лермонтова, «ищем истину в стакане и этой истиной блюем» — Блока. Но заземляет не Башлачев. Это сделало за него время, в котором «вместо крови льется пиво и только пачкает паркет». Ужели не переключается с «Истекаю клюквенным соком» Блока? И у него же, у Башлачева: «В отдаленном совхозе „Победа“ был потрепанный старенький ЗИЛ, а при нем был Степан Грибоедов, и на ЗИЛе он воду возил». Степан Грибоедов — маленький человек конца XX столетия. Он же — Наполеон. Он же — маленький человек, возомнивший себя Наполеоном. Он же — Наполеоном себя осознавший. В этом ему помог «выдающийся гипнотизер». Святая ложь или горькая правда. «Испортит песню, дурак». Это уже Горький, «На дне».

К моменту приезда Башлачева в Ленинград Гребенщиков очень переменялся. Если раньше его вещи волновали, то теперь успокаивают, как колыбельная, снотворное, этот самый гипноз. Лестница, ведущая в коммуналку Гребенщикова под крышей, лестница-барометр, вся исписанная добровольцами-респондентами, пополнила свои сведения об обитателе квартиры: «Боб, ты предатель». Догматичному, косному, невежественному большинству так называемой тусовки, которая только и делала, что сотворяла себе кумиров, возводила в непреложный закон то, что ни в коем случае не должно было окостенеть догмой (табу на возвышенные слова; издевка, понятая как самоценное художественное средство; стёб —

замаскированное глумление как критерий принадлежности к року), не хотела понять художника, пожелавшего остаться свободным.

Гребенщиков же тем временем все более и более возвращался в лоно религии и классического искусства, то есть к гармонии, ясности и покою. Нынешнего руководителя «Аквариума» самый злобный клеветник панком не назовет. Теперь он — теплый, светлый, молящийся человек. Он заговаривает боль: «Вы думаете о себе не то, что есть. Сейчас я расскажу вам, каковы вы на самом деле. Вы поверите мне и станете такими». Мир Гребенщикова гармоничен. Его природа очеловечена, а люди слиты с природой: «Я нарисовал бы нас так, как мы есть, как зеленые деревья и золото на голубом». Гребенщиков верит, что все будет хорошо. Его способ исцеления, самосовершенствования — «положи меня в воду, научи меня искусству быть смиренным» (тоже цитата из «Токинг Хэдз»). В его созерцательном хрустальном покое ничто не страшно: «Мир, как мы его знали, подходит к концу, ну и Бог с ним». Гребенщиков исповедует святую ложь. Цель его — сделать людей добрее, лучше, чище, вернуть их к мыслям о Душе. Башлачев встал рядом. Они были как два полюса, связанные с одним и тем же центром — Душой — какой-то невидимой пуповиной.

Я видела, как уходили из зала люди с его концерта. Наверное, те же, что писали «Боб, ты предатель». Где им, воспитанным на рок-киче, было осмыслить появление настоящего большого поэта, чьи стихи самоценны; трагического шута, коронованного терновой шапкой да еще колокольчиком-душой, звонаря с колокольни российской богоматери, расслышавшего «стоны краденой иконы».

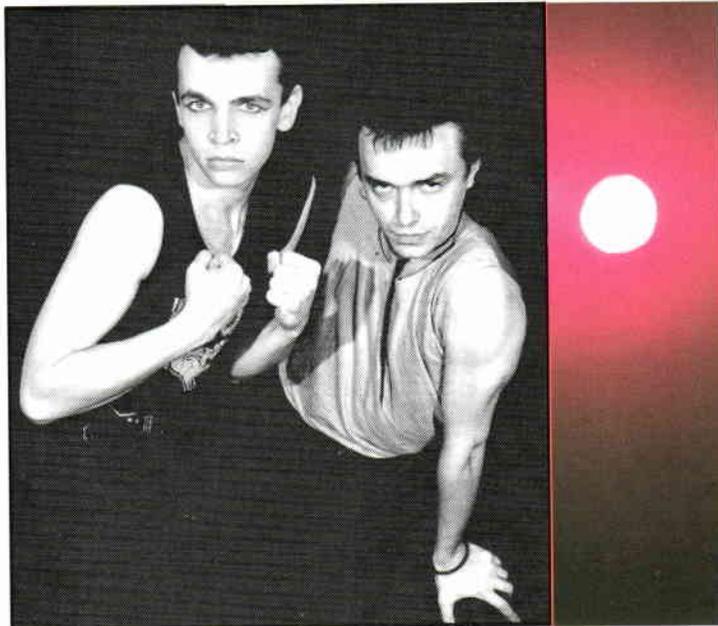
Сашина поэзия не была поэзией мысли. Мыслями отключались мы на стон его гитары, голоса, души. Мы говорили, что он возглавил национальный рок, привнес в него фольклорную, музыкальную, интонационную, поэтическую выразительность. Хаос — Космос — глобальная антитеза мира Башлачева. Но это — и его любимый прием. Антитеза в сюжете, настроении, общем смысле и каждой отдельно взятой строке. Мнимость, фальшь, привычная неистинность нашей жизни пытается заглушить подлинное: «Корчились от боли без огня и хлеба. Вытоптали поле, засевая небо. Хоровод приказов, петли на осинах. А поверх алмазов рыбкая трясина». В трясине — образном зеркале Башлачева — гримасничает мир начала 80-х, где слова лживы, а ситуации играют с нами в первертыши. Иногда трагический каламбур осуществляется в его поэзии на уровне сюжета. Классическая кольцевая композиция «Хозяйки» (см. в номере), замкнувшись, сообщает совершенно иной смысл с детства знакомой строке. В стихотворении «Похороны шута» прием оговаривается самим автором. «Еловые лапы охотно грызут мои руки», но «на наших глазах эта старая скучная драма легко обращается в новый смешной анекдот», и вот уже «еловые лапы готовы лизать мои руки». В самом обманчивом из миров истинны только Смерть да Душа. Два образа пронизывают собой все песни Башлачева, начиная с самых ранних сюжетных, кончая последними, не рассчитанными на легкость восприятия, основанными на сложнейшей системе слуховых, зрительных, интеллектуальных и эмоциональных ассоциаций.

Как истинный поэт, Александр Башлачев провидел свою судьбу и пропел ее прежде, чем прожил. И это тоже наша чудовищная традиция.

«Рок-н-ролл мертв, а я еще нет» — пел когда-то Гребенщиков. Башлачев мертв. Сам Гребенщиков — в Америке. Рок-н-ролл жив.

Что в нем происходит? Пока судить сложно, и, не стремясь к

Духовный СПИД, чума XX века, сатанизм и космополитизм, патальная среда для наркомании и проституции. Такими словами крестили на своем Пленуме писатели великовозрастного дитя — отечественную рок-музыку. Пожалуй, в одном они правы. Рок-музыку мы получили из-за «кордона», впрочем, так же, как драму, балет, оперу и даже гармошку. Энергия ее была такова, что ни уровень нашей бытовой техники, ни шумовая завеса, возведенная умельцами, не смогли оказать ей хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления. Забавнее всего выглядели стайки молодежи в Прибалтике, слетавшиеся к VEFам, прижимавшиеся к ним чуть ли не телом и впитывавшие в себя «Земляничные поляны навеки». Значительно позже, в 1986 году, «Литературная газета» опубликовала статью знатного литератора В. Рослякова, в которой эта песня «Битлз» цитировалась в подстрочном переводе и подстрочком же комментировалась как бессмысленная пошлость, уводящая нашу молодежь от конкретных задач коммунистического строительства в наркотический мир иллюзий. Это была первая в моей жизни критическая статья, над которой я плакала. Плакала от страшного сознания собственного бессилия. Джон Леннон был уже мертв, а с ним — эпоха длинноволосых интеллектуалов, и над детским домом, возле которого он воспитывался (детдом назывался «Земляничные поляны»), над сиротским приютом, в котором выросли «детские цветы» (хиппи), над святой памятью каждого человека о детстве и над фильмом Ингмара Бергмана глумился проповедующий нравственный закон Росляков. Человек, родившийся взрослым.

...было, выпускают диски. Только что вышла и пластинка, составлен-

- «Алиса» — любопытный пример московско-ленинградского синтеза.
- Юрий Шевчук. «ДДТ» — «Голоса нет. Инструментов нет. Ничего нет. Но русский рок есть!»

обобщениям, просто опишу то, что претендует на лидерство в той ветви жанра, которую называют «текстовой рок».

«Алиса» — любопытный пример синтеза ленинградской школы переживания и московской — представления. Константин Кинчев — лидер группы — восхитительный шоумен, по-московски жесткий, напористый, экспрессивный. Он навязывает залу свою точку зрения, свой образ. Образ у Кинчева собирателен: «Мое поколение боится дня. Мое поколение не смеет петь. Мое поколение чувствует боль и снова ставит себя под плеть». Но аудитория воспринимает создание Кинчева как самое себя. Ей кажется, что Кинчев поет от первого лица, что он и герой его песен тождественны. Более того, сами они — такие же. Понимающий ситуацию Кинчев не зря поет «Мы вместе!», а зал тысячу раз вторит ему. Москвичи воспринимают Кинчева с привычной им позиции: Кинчев — актер. Ленинградцы — с удобной им: Кинчев — исповедь поколения. На самом деле лидер «Алисы» — единственная «звезда» на небосклоне отечественного рока со всей ее блистательностью, но не без звездной пыли. Недаром в последнее время с невиданной скоростью в рок-кругах распространяются анекдоты о Кинчеве:

По Ленинграду идет Костя, а за ним — стадо баранов.

Навстречу ему Гребенчиков:

«Костя, кто это?» — «Мое поколение».

А бараны:

«Мы вме-е-е-сте».

На моей памяти Кинчев — первый рок-музыкант, удостоенный анекдотов, что, конечно же, свидетельствует о его бешеной популярности.

Одна из последних его вещей гласит:

Тоталитарный рэп это Аквариум для тех,
кто когда-то был влюблен в океан.

Тоталитарный рэп это Зоопарк,
когда за решеткой ты сам.

Тоталитарный рэп это Аукцион,
где тебя покупают, тебя продают.

Тоталитарный рэп это Джунгли,
в которых, как ни странно, живут.

Я бы добавила: тоталитарный рэп это Зазеркалье без Алисы. Дело в том, что свое название группа получила по кличке ее основателя Славы Задерия. Безусловно, он играл в группе не последнюю роль: как идеолог, автор-исполнитель собственных песен (образы которых во многом переключались в тексты Кинчева) и неординарный шоумен. Пока Слава играл в «Алисе» то на гитаре, то на ударных, шоу группы было чрезвычайно интересно. За спиной красивого демона (таков сценический имидж Кинчева) кривлялся, отражая его в кривом зеркале, мелкий бес — карикатура на кинчевскую инферну. За счет этой системы зеркал изображение получалось объемным и ироничным, самопародирующим. Но Задерий ушел из «Алисы».

Изображение стало плоскостным и черно-белым (или черно-красным, как считает сам Кинчев), к тому же излишне серьезным. Маршевые ритмы и весьма решительные лозунги («Компромисс не для нас», «Отныне мы станем делать так и только так», «Сочными травами застелим святую постель» и т.п.), а также образность и цветовая гамма песен «Алисы» заставляют меня полагать, что, пиши я отдельную статью об этой группе, я назвала бы ее «Поздние романти-

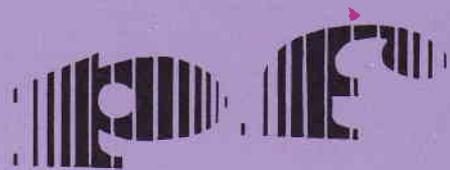
ческие рассказы Кинчева». Я слушаю его последний альбом «Блокада» и вспоминаю, как «по красному небу плыли черные косы Рады» (Максим Горький. «Макар Чудра»).

Ближайший конкурент «Алисы» — прежде уфимская, теперь ленинградская группа «ДДТ». Опишем один из ее концертов на Подольском рок-фестивале 1987 года. Льет дождь. Амфитеатр цветинится черными мужскими зонтами. Слабое спасение: с зонта соседа капли текут вам за воротник, но энтузиазма не охлаждают. Над сценой — козырек крыши, прикрывающий дорогостоящую аппаратуру и музыкантов. Незащищенным, неприкрытым остается только один человек — сам Шевчук. Лидер. Лидер группы. «Операторы, добавьте голос!» «— Что? Голоса нет? Голоса нет! Инструментов нет! Ничего нет! Но русский рок есть!» «Есть!!!» — трехтысячным эхом вторит Шевчуку зал. Да, есть. И «ДДТ» сильнейший его представитель. Тематический диапазон очень широк: от непосредственной реакции на происходящее в обществе до философских поэтических обобщений: «Я церковь без крестов. Стою, раскинув руки, вдоль сонных берегов окаменевшей муки».

Музыкальная стилистика сочетает в себе элементы традиционного хард-рока с фольклорными и зачастую кабацкими мотивами. Самое главное, чем отличалось «ДДТ» от старших рок-братьев, — вера в свои силы. Не только жажда справедливости, но абсолютная уверенность в возможности борьбы за нее. «В этом мире того, что хотелось бы нам, — нет. Но мы верим, что в силах его изменить? Да!» С тех пор утекло много воды. Между демократичным, яростным, наивным в своем жизнеутверждении «ДДТ» и «ДДТ» нынешним — смерть Александра Башлачева, кровавое многообразие в конце «времени колокольчиков». Три последние композиции Юрия Шевчука воспринимаются как единое повествование о сгущающихся в наших душах тучах тяжелых сомнений. Та, что стоит за левым плечом, напомнила о себе всем нам, и «ДДТ» отозвался на ее явление без обычной бодрой готовности к схватке. Откликнулся терпкими и надрывными поэтическими образами. «Похороните Федьку в Кремлевской стене. Дайте ему то, что не дали мне... Он был на войне — он за Родину бился в родной стороне». Или: «Я вчера похоронил корешка. А он — подлец, да умирать не захотел. Корешок растет живехонек в земле. А я где?». И, наконец, без цитат — лишь название вещи — «Предчувствие гражданской войны». Вот так простой, свойский Шевчук — рубаха-парень, рубаха-парень (как шутили в детстве: «Стреляй, мать зашьет!»), оказался едва ли не единственным, но уж точно самым талантливым и самобытным выразителем мироощущения самой интеллигентной.

О группе «Наутилус Помпилиус» — третьей наиболее популярной группе последних лет — вы прочтаете в статье Нины Тихоновой о свердловском рок-клубе. Нет возможности рассказать обо всех. Молодые команды теснят маститых лидеров. За их спинами укрываются тысячи других, превративших издевательство без боли, цинизм без интеллекта, натурализм без живого непосредственного чувства в творческую программу. Что ж, им не уйти далеко. И не по ним надо судить о состоянии дел в отечественном роке. Не зря же все чаще и чаще приходится слышать от иностранных гостей: «У нас рок кончился. Вся надежда — на вас».

М.ТИМАШЕВА

Гастроли

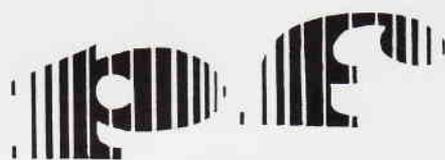
ГИИНИК

СРАДИИЛ

в Москве

«ПИНК ФЛОЙД» НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ.
 Фото А.ШОГИНА

«Я понял на «Флойде», что рок — это искусство...»

А.Маркевич, поэт, журналист, переводчик

«Впечатление потрясающее. Мне показалось, что все это — от бога... Намного серьезнее, чем всякие правительства и партии».

Ю.Цурков, светоинженер группы «Автограф»

«На это «светопредставление» я не пошел... «Ю-2» — вот класс, вот музыка действия, а «Флойд», да еще без Уотерса... Слюнявая музыка, или даже не музыка. Пожалуй, одно «светопредставление».

В.Голутвин, гитарист, группа «СВ»

«Глаза на лоб полезли от лазеров, башка треснула. А когда представил, сколько это все стоит, стало еще хуже... Вооб-

ще-то я думал, что будет круче».

А.Кольчугин, вокалист, экс-«Кросс», ныне группа «Кураж»

«Техника великолепная. Саунд на порядок хуже, чем у Билли Джоэла. Ну, а музон нам известен».

А.Кальянов, звукорежиссер А.Пугачевой, певец

«Пинк Флойд» — лом, чума, Америка... Потрясающе поют и играют, а о свете и звуке и говорить спокойно не могу... Ты говоришь, что многие музыканты отрицательно отзываются о концертах «Флойда». Послушай меня: играть на гитаре и понимать что-либо в музыке — далеко не одно и то же...»

А.Градский, певец, композитор, поэт

«Впечатление у меня особое... Конечно, это — грандиозно. По красоте оформления — слов нет. По звуку...Звук на первом концерте был неважный... И вообще лучше ходить в маленькие залы. А то человечки на сцене ма-а-а-ленькие... Сзади меня одна девушка так прыгала от восторга, что сначала ногу вывихнула, а потом и вообще в обморок хлопнулась... Ей будет что вспомнить, это точно... А если серьезно — эффекты уберите, и ничего нет. Слов мы не понимаем, а говорят, что сила «Пинк Флойд» в словах. А наши концерты с концертами «Флойд» сравнивать — все равно, что сравнивать наши и английские автомобили: наши трясутся, трясутся и... разваливаются...»

В.Шаповалов, лидер группы «Лимонадный Джо», певец, композитор, гитарист, поэт, прозаик

«Лучше было бы этого не видеть... Остается впечатление собственной ненужности. С другой стороны, умом понимаю, что ни нам, ни нашему поколению такое не грозит...»

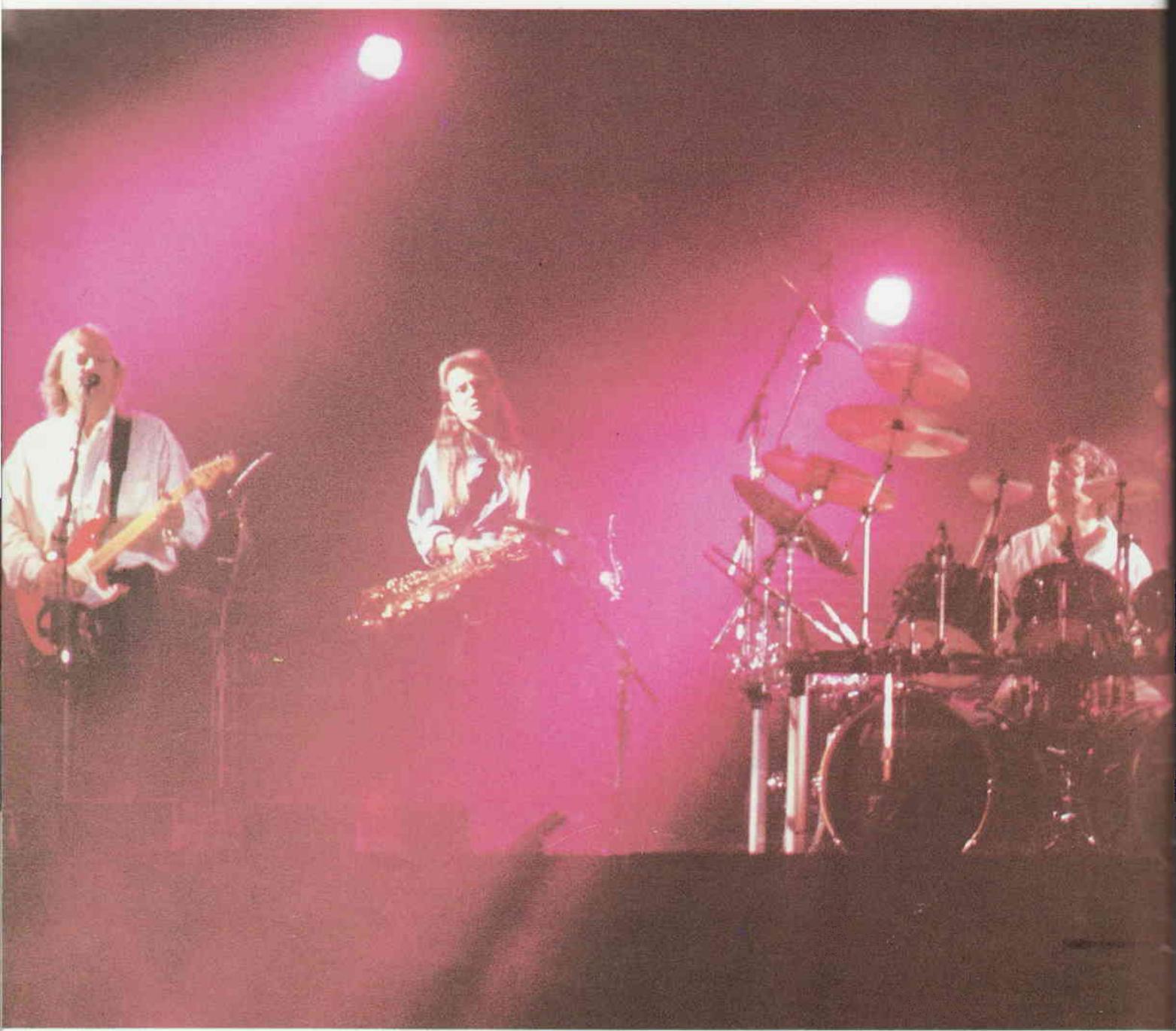
А.Ситковецкий, композитор, гитарист, руководитель группы «Автограф»

«Как мне «Пинк Флойд»? Да никак. Стало скучно через полчаса. Лучшие свои песни они так и не сыграли. Наверное, боятся, что Уотерс на них в суд подаст.»

В.Дубинин, гитарист, певец, группа «Ария»

«Моя душа заглянула в прошлое, лет на 20 назад, и прослезилась. Заглянула в будущее и задумалась... Ей отчаянно не хватало Уотерса...»

М.Пушкина, автор стихов для многих советских рок-групп

«Безукоризненно во всех отношениях. Больше всего понравилось, что это — не цирк. Все бьет в одну точку...»

Л.Гуткин, бас-гитарист группы «Автограф», композитор

«Я люблю «Пинк Флойд» до «Стены», а Гилмор любит «Пинк Флойд» после «Стены»... Но с точки зрения музыкального шоу — блеск. Попрыгал славно, оттянулся... Хотя когда 3 миллионера исполняют «Мани», а в клипе жгут деньги... Повернулся Гилмор в профиль — гляжу, вроде наш Юрий Антонов... Ан нет... Но брюшко есть... Или в Англии уже мужики рожают?»

Л.Волков, длинноволосый эстет, дитя очередного поколения урбанистических цветов

«Меня звали, но я не пошел... Чтобы не расстроиться навечно...»

Евр.Маргулис, лидер группы «Шанхай», певец, гитарист, сочинитель

«Впечатление сумасшедшее... Хочется послать все к чертовой матери и забыться... Да вот с «Дюран-Дюран» в Цюрихе играем...»

Крис Кельми, руководитель группы «Рок-ателье»

«Хорошо играют... Все известно наизусть. Сто раз слышано... А то, что видно... А то, что видно — это уже другая сторона луны.»

И.Зайцев, журналист-меломан, АПН

